ДБ
30 Сиб.
К-72

Костров.
Нарыкский край.

Томск, 1872

N 6909

14/VI 19.

Дб
30 Сиб.
К72

№ 1073.

НАРЫМСКІЙ КРАЙ.

Составилъ Кн. П. Костровъ.

ТОМСКЪ

Въ Типографіи Губернскаго Правленія

1872

Печатано съ дозволенія цензуры 20 Іюля 1872 года.

ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА

5-32/38

I.

Нарымскій край принадлежитъ къ числу обширныхъ, но малонаселенныхъ мѣстностей Сибири.

Составляя часть Томскаго округа, Нарымскій край занимаетъ пространство, находящееся между 61° и 58° с. ш. и 91° и юз° в. д. По приблизительному исчисленію, вся площадь этого пространства равняется 186-т. кв. верстъ. Это самая сѣверная оконечность Томской губерніи.

Нарымскій край съ сѣвера прилегаетъ къ Березовскому округу Тобольской губерніи, отдѣляясь отъ него урочищемъ, называемымъ Власковъ-Одръ; съ сѣверо-востока къ Енисейскому округу Енисейской губерніи; съ юго-запада къ Каинскому округу Томской и Тарскому Тобольской губерніи: на конецъ, съ юга границей его собственно съ Томскимъ округомъ составляетъ инородческое стойбище-Водяныя юрты.

Нарымъ или *Нерымъ*, по удостовѣренію Миллера, на остяцкомъ языкѣ означаетъ *болото* и это названіе довольно вѣрно характеризуетъ всю мѣстность этого края.

Горъ на всемъ пространствѣ Нарымскаго края нѣтъ, кромѣ уваловъ и береговыхъ утесовъ по р. р. Оби, Кети и Васъ—Югану. Эти увалы и утесы простираются не цѣпями, а идутъ перемычками: на нѣсколько верстъ тянется утесъ, а потомъ пересѣкается плоскостями равнинъ, луговъ, лѣсовъ или кочковатыми сухими и водяными болотами.

Все пространство края представляетъ огромную котловину, покрытую непроходимыми болотами, озерами и перерѣзанную множествомъ рѣкъ разной величины Главный бассейнъ водъ заключаетъ въ себѣ рѣка *Обь*. Она перерѣзываетъ Нарымскій край на двѣ полосы: на Восточную и Западную.

Восточная полоса Нарымскаго края преимущественно покрыта сплошными болотами, сосновымъ, кедровымъ, частію еловымъ, пихтовымъ и лиственичнымъ лѣсами, и мѣстными жителями называется *Болотною стороною* Оби; а Западная сторона, имѣющая болѣе озеръ и покрытая преимущественно пихтовыми, кедровыми и только частію сосновыми лѣсами, называется *Горною стороною*.

Низкіе берега Оби и притоковъ ея, покрытые березовыми, осиновыми и таловыми лѣсами, каждогодно затопляются весенней водою. Туземцы называютъ ихъ *Сорами*.

Такъ какъ рѣки постоянно подмываютъ берега въ своихъ изгибахъ, а противуположные изгибу берега отъ этого образуютъ отмели, то рѣки и отходятъ съ теченіемъ времени все далѣе и далѣе отъ первобытнаго своего русла и оставляютъ послѣ себя плоскія равнины, которыя впослѣдствіи, заростая кустарникомъ и другимъ кустарникомъ, перестаютъ каждогодно затопляться весеннею водою. Эти-то мѣста туземцы и называютъ Сорами. Соры въ нѣкоторыхъ мѣстахъ на Оби простираются на десятки верстъ; нерѣдко на нихъ замѣтны возвышенности:—это, нужно полагать, острова, которые произвела дѣятельность воды. Слово же Соръ, кажется туземцы взяли съ того, что весеннею водою на нихъ наноситъ много лѣсу—валежнику.

Что такое Обь? "Одна изъ самыхъ безотрадныхъ рѣкъ всякаго міра„, говорятъ немногіе европейскіе путешественники, видѣвшіе, какъ катятся грязныя волны этой рѣки: "дикіе однообразные берега ея состоятъ изъ болотъ, невоздѣланныхъ полей, сухаго тальника и тощихъ пихтовыхъ лѣсовъ, а изъ живыхъ существъ рѣдко встрѣтишь что нибудь, кромѣ журавлей, гусей и дикихъ утокъ. Послѣ самаго короткаго знакомства съ этой рѣкой, все думаешь, какъ бы поскорѣе уйти отъ нея.„

Если же мы обратимся съ вопросомъ, что такое Обь,—къ коренному русскому, то онъ отвѣтитъ, что "Обь—наша мать—кормилица„, а сѣдой Остякъ, сидящій на веслѣ, на тотъ же вопросъ отвѣтитъ слѣдующимъ похвальнымъ словомъ: "Обь—это богъ, котораго мы чтимъ болѣе всѣхъ другихъ боговъ!„ Въ самомъ дѣлѣ, у Томскихъ Самоѣдовъ Обь называется Колда, т. е. духъ, душа.

на 12 въ морѣ въ лѣтнюю ранюю зорю, а течетъ отъ Бухар
ской земли, съ правой стороны... Она перерѣзываетъ Нарымскі
край на протяженіи 300 верстъ.

Неограниченная берегами, водная поверхность рѣки
представляетъ взору ни какого разнообразія, кромѣ лѣсны
островковъ и небольшихъ деревень, да группъ древесныхъ ве
шинъ, выходящихъ изъ воды. Вода Оби мутная отъ песчано-
иловатыхъ береговъ, которые постоянно обрываются быстрото
воды и обваливаются въ рѣку съ растущимъ на нихъ лѣсом
Отъ этого русло Оби почти все завалено валежникомъ и д
лается малоспособнымъ къ неводной рыбопромышленности. В
то же время берегъ, противоположный яру, образуетъ длинны
песчаныя отмѣли, образующія волнистыя косы и заструги, пр
пятствующія судоходству и по туземному называется *шиверо*
Изгибы рѣки вообще туземцы называютъ *плесами, мысами*,
отдаленный горизонтъ называютъ *видомъ*. Изгибы на Оби
наименьшій отъ 5 до 6 верстъ, а есть отъ 20 до 40 верстъ.

Глубина Оби въ Нарымскомъ краѣ простирается отъ 1
до 20 саженъ, а ширина отъ 200 до 500 саженъ.

Слабый песчаный грунтъ не можетъ удерживать сильна
напора воды, часто размывается быстротою и отъ этого Об
имѣетъ множество острововъ и протокъ, изъ которыхъ послѣ
нія бываютъ разныхъ направленій и протяженій. Острова
появляются, то исчезаютъ и образуются въ другихъ мѣстах
Бичевники по Оби весьма затруднительны не только для ме
кихъ лодокъ, но и для большихъ судовъ, которыя, благодар
пару, на Оби совершенно выводятся.

Быстрота теченія Оби приблизительно можетъ быть опр
дѣлена такъ: лодка, предоставленная сама себѣ, проплываетъ
отъ 80 до 100 верстъ въ сутки.

Главнѣйшіе притоки Оби на пространствѣ Нарымскаг
края—съ правой стороны Кетъ и Тымъ, съ лѣвой Васъ—юган
и Парабель.

Кетъ (по Остяцки Нуин) беретъ начало въ Енисейско
губерніи и округѣ, изъ Кемчугскихъ горъ,—по разсказам
инородцевъ, изъ какого—то обширнаго болота, называемаг

Келарнымъ. Вскорѣ послѣ выхода изъ Кемчугскихъ горъ, Кеть вступаетъ въ мѣстность ровную, болотистую, большею частію покрытую лѣсомъ и неудобную для хлѣбопашества. Направляясь постоянно къ западу и пробѣгая до 350 верстъ, она впадаетъ въ Обь двумя устьями, кромѣ другихъ мѣлкихъ протокъ. Первое устье находится выше города Нарыма (по старинному измѣренію 700 сажен. верстами) въ 110 верстахъ при селѣ Тогурскомъ; второе устье выше этого города въ одной верстѣ. Кромѣ этихъ устьевъ, есть Кетскія протоки, впадающія въ Обь недалеко отъ юрть Сайгадуковыхъ. Всѣ устья, кромѣ Нарымскаго, нельзя считать правильными, коренными, потому что нѣкоторыя изъ нихъ, по убыли весенней воды, высыхаютъ, нѣкоторыя мелѣютъ, а тогурское устье осенью принимаетъ обратное теченіе, т. е. изъ Оби въ Кеть.

Ширина Кети ниже главныхъ притоковъ ея - Лисицы и Орловой - различна, отъ 100 до 200 сажень, а глубина, начиная отъ устья до устьевъ тѣхъ же рѣкъ, до 5 саж., а выше ихъ, за селомъ Максимоярскимъ къ селу Маковскому, постепенно уменьшается и доходитъ, по спаденіи весенней воды, до 4—5 вершк.

Изгибы Кети—плеса—очень круты, отъ 1 до 2 верстъ, а фарватеръ узокъ: грунтъ береговъ песчаный и иловато—глинистый, отъ чего они постоянно обваливаются и образуютъ отмели. Русло рѣки все завалено валежнымъ лѣсомъ.

При хорошихъ условіяхъ, Кеть могла бы быть весьма благодѣтельною рѣкою для края: посредствомъ устроеннаго на ней судоходства въ большихъ или меньшихъ размѣрахъ можно бы было достигнуть хорошихъ результатовъ. Но въ настоящее время эта рѣка къ судоходству неспособна, кромѣ только весенняго разлива. По Кети съ Нарымскаго устья можно сдѣлать до села Маковскаго на пароходѣ съ плоскодоннымъ буксирнымъ подчалкомъ, подымающимъ отъ 20 до 30 т. грузу, одинъ рейсъ и то съ условіемъ совершить это плаваніе между 15 и 10 Іюня, т. е. въ теченіи 25 дней взадъ и впередъ. Правда, совершенное спаденіе водъ въ Кети продолжается до конца Августа и по ея ровной и низкой долинѣ около этого времени воды не понижаются менѣе 5—8 саженъ, но это только ниже устьевъ главныхъ ея притоковъ—Лисицы и Орловой, которые, какъ мы сказали выше, впадаютъ ниже села Максимояровскаго; выше же этихъ рѣкъ воды спадаютъ быстро, особенно если онѣ обу-

дутъ съ береговъ, т. е. сойдутъ съ горовъ, какъ говорятъ туземцы. Быстрота Кети равняется почти быстротѣ Оби. Вода Кети мутна и до того черна, что если налить ее въ хрустальный стаканъ, то она представляетъ видъ настоя жидкаго чая. Явленіе это нужно приписать тому, что Кеть вытекаетъ изъ болота, что всѣ притоки ея выбѣгаютъ также изъ болотъ и текутъ чрезъ болота, изъ которыхъ увлекаютъ за собою застоявшуюся мутную воду, и наконецъ, что берега, какъ Кети, такъ и ея притоковъ плоско—глинисты и песчаны.

Относительно главнаго источнаго пункта Кети Комарнаго болота, котораго ни кто хорошо не знаетъ, надобно сказать, что оно, по разсказамъ инородцевъ, промышляющихъ около его, лежитъ на Сѣверо—Восточной сторонѣ Енисейской губерніи и по величинѣ едвали меньше Барабинскаго болота. Изъ разсказовъ инородцевъ нельзя еще сдѣлать положительнаго опредѣленія о величинѣ Комарнаго болота, такъ какъ они вообще пространство опредѣляютъ днями своего пути, т. е. сколько можно пройти зимою на лыжахъ, и разсказываютъ при этомъ, что на Комарномъ болотѣ есть одно озеро, которое они переходятъ въ два дня. Вода въ этомъ озерѣ свѣтлая и чистая, такъ что въ немъ видно все дно на глубинѣ нѣсколькихъ саженъ. Дно озера усыпано мелкою древою. Озеро обильно разною рыбою чешуйчатыхъ породъ, какъ - то: щуками, окунями, плотвою, язями и проч. На берега озера постоянно слетается множество боровой птицы - тетеревовъ, касачей, пестрыхъ, рябчиковъ.

При одномъ изъ устьевъ Кети въ 1596 г. заложенъ былъ городъ Нарымъ, перенесенный впослѣдствіи на другое мѣсто. Черезъ Кеть русскіе, вскорѣ послѣ завоеванія Сибири, съ р. Оби перешли на р. Енисей. Въ началѣ XVII ст. на берегу Кети, для защиты отъ инородцевъ, заложены были остроги Кетскій и Маковскій. Нынѣ эти остроги - села того же имени.

Главнѣйшіе притоки Кети - Лисица, Орлова, Елтырева, Найдугина и проч. Мы упомянемъ здѣсь только о двухъ первыхъ, какъ болѣе замѣчательныхъ.

Объ эти рѣки по величинѣ своей не много уступаютъ Кети и характеръ ихъ теченія одинаковъ съ этою послѣднею

Вѣ онѣ изобилуютъ такъ называемыми *Ломами* [1])

По этому лѣтомъ можно совершать путешествіе въ лодкѣ только до перваго лома, а если лодка небольшая, такъ что ее можно перетащить волокомъ хотя безъ груза, то и до втораго лома, но ни какъ не далѣе. Ибо первые ломá, образовавшіеся, вѣроятно, съ незапамятныхъ временъ и имѣющіе верхніе слои лѣса уже сгнившими и осѣвшими, покрыты землею, такъ что по нимъ путешествующіе инородцы проложили узкія тропы и перетаскиваютъ свои обласки [2]) волокомъ; верхніе же ломá, послѣ образовавшіеся, недопускаютъ и этого затруднительнаго перехода по нимъ и потому въ лѣтнее время непроходимы.

Берега рѣкъ въ лѣтнее время также непроходимы отъ частаго лѣса, болотъ, озеръ, протокъ, истоковъ, впадающихъ въ нихъ мелкихъ рѣчекъ и прочихъ [3]) естественныхъ препятствій.

Зимою инородцы проходятъ эти дикія пустыни на лыжахъ, а съѣстные припасы везутъ на нартáхъ. [4])

Всѣ притоки Кети гораздо быстрѣе самой ея, что можно заключать и по самымъ ломамъ, которые могутъ образоваться только на быстрой и извилистой рѣкѣ съ мягкимъ русломъ. О нихъ мы, впрочемъ, не будемъ распространяться въ настоящемъ описаніи и замѣтимъ только, что всѣ они быстры, глубоки, съ черною водою, какъ мы уже опредѣлили цвѣтъ водъ Кети.

---

[1]) Это наносный лѣсъ въ рѣкѣ, скопившійся въ такомъ количествѣ, что изъ него образуются какъ бы сѣтчатые мосты, раскинутые на большомъ пространствѣ. Сѣть лома величиною бываетъ въ двѣ-три версты по теченію рѣки. И подобными-то ломами засорены въ Нарымскомъ краѣ всѣ населенныя рѣки,—притоки Кети, Тыма, Васъ-югана и другихъ.

[2]) Обласъ, небольшая лодка, подымающая отъ 8 до 25 пуд., выдолбленная изъ осокоревáго или вѣтловáго дерева.

[3]) О притокахъ Лисицы и Орловой и другихъ приточныхъ рѣчкахъ Кети, Тыма, Васъ-югана, мы не распространяемся въ своемъ описаніи, по ихъ множеству.

[4]) Нарты—длинные узкіе салазки на широкихъ и тонкихъ полозьяхъ: нарта дѣлается изъ прутьевъ.

По ширинѣ особенное вниманіе заслуживаютъ Лисица и Орлова, которыя будутъ отъ 100 до 200 саженъ ширины и омываютъ собою пространство, какъ нужно думать, соображаясь съ тѣмъ временемъ, сколько промышленники идутъ зимою до истоковъ ихъ, не менѣе 1000 верстъ. Другія рѣчки гораздо уже ихъ, именно отъ 10—20 и 50 саж. и короче, но ни какъ не менѣе 300—400 вер., однакоже вообще глубоки и быстры. Впадающая въ Кеть, недалеко отъ Нарыма, р. Найдушина, такъ быстра, что по ней вверхъ теченія съ трудомъ можно подыматься въ два весла въ небольшомъ обласу, даже и по сытіи водъ.

Всѣ эти рѣки рыбныя, обильны чешуйчатыми породами, но по засореннымъ русламъ и крутымъ берегамъ остаются нерыбопромышленными.

Тымъ, у тузмцевъ Kasel-ку второй главный притокъ Оби, береть свое начало въ Енисейскомъ округѣ Енисейской губерніи, недалеко отъ истоковъ Сыма, текущаго въ противоположномъ Тыму направленіи: по свидѣтельству же Нарымскихъ Остяковъ, которые бываютъ на истокахъ Тыма за промысломъ звѣрей, онъ вытекаетъ изъ Комариаго болота. Они разсказываютъ, что истоки Тыма, Сыма и Ваха одинъ отъ другаго въ дневномъ разстояніи и что Ваховскіе инородцы нерѣдко сходятся съ Нарымскими. Насколько это справедливо, не беремся доказывать, хотя и есть факты, подтверждающіе эти разсказы. Вода во всѣхъ этихъ рѣкахъ одинаковаго цвѣта—темная.

Тымъ впадаетъ въ Обь въ 110 вер. ниже Нарыма: въ 15 вер. ниже села Тымскаго.

Характеръ теченія Тыма отчасти одинаковъ съ Кетью. Тымъ извилистъ, быстръ и лѣсистъ, но безъ заломовъ, какіе имѣютъ притоки Кети.

Ширина Тыма отъ 100 до 200 саж.; глубина отъ 2 до 5 саженъ.

Выше замѣчено, что источники Тыма и Сыма недалеки другъ отъ друга. Между тѣмъ, обѣ рѣки текутъ совершенно въ противоположныя стороны—Тымъ на западъ и впадаетъ въ Обь, а Сымъ на востокъ и впадаетъ въ Енисей, ниже г. Енисейска. Такимъ образомъ, перекопаніе небольшаго перешейка,

разъединяющаго рѣки Тымь и Сымь. можетъ открыть водяное сообщеніе между двумя обширными бассейнами рѣкъ Обп и Енисея и облегчить доставку товаровъ, идущихъ изъ Западной Сибири въ Восточную и на оборотъ. По нѣкоторымъ извѣстіямъ Миллера о Тымѣ и сообщеніи его съ Сымомъ, можно заключить, что въ старину оно дѣйствительно существовало. Въ 1631 г., при завоеваніи Сыма въ Енисей, была учреждена таможенная застава, потому что изъ Енисея обыкновенно плыли въ Тымъ, а изъ него въ Обь.

Тымь принимаетъ въ себя съ правой стороны два притока главныхъ: Косесъ и Сангильке - и до восьми мелкихъ рѣчекъ, а съ лѣвой три небольшія рѣчки.

Вода Тыма и его притоковъ темная, какъ въ Кети. Притоки все съ ломами и ненаселенные, кромѣ Косеса, на устьѣ котораго живутъ инородцы.

Васъ - юганъ (у Остяковъ Елле - юганъ, большая рѣка, и Ватъ - юганъ узкая рѣка; у Самоѣдовъ Бар - ки - большая рѣка) впадаетъ въ Обь съ лѣвой стороны, ниже Нарыма въ 600 верст., недалеко отъ села Каргасокскаго, двумя устьями: начало же береть въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи тремя истоками, которые выбѣгаютъ изъ барабинскаго болота. Главный истокъ называется Большой Васъ - юганъ, а по Остяцки Юганъ - ягъ: второй - Васъ - юганъ - Ягынъ ягъ. - и Малый Васъ-юганъ - или Чортокалъ. Всѣ эти истоки соединяются у Зелеными юртъ въ одну рѣку. Теченіе Васьюгана тихое, такъ что въ широкихъ мѣстахъ рѣка походитъ на озеро и лодка, предоставленная сама себѣ, при слабомъ встрѣчномъ вѣтрѣ, обращается вверхъ теченія: по этому русло его менѣе другихъ притоковъ Оби засорено лѣсомъ, хотя берега Васьюгана отъ устья до юртъ Айполовыхъ низки и покрыты—на сосновыхъ мѣстахъ кустарникомъ, а на высокихъ—хвойнымъ лѣсомъ. Выше же Айполовыхъ юртъ берега круты, высоки, каменисты и на руслѣ рѣки видна древа.

Ширина отъ 100—200 саж., а глубина различна. Такъ, на главномъ устьѣ она доходитъ отъ 2—3 сажень, а малое устье пересыхаетъ до $^3/_4$ арш.

До юртъ Айполовыхъ по Васъ - югану можно имѣть сообщеніе лѣтомъ въ плоскодонной лодкѣ съ грузомъ отъ 500 1000 пудовъ; а отъ Айполовыхъ выше по теченію русло Васъ - югана становится уже мелче, такъ что по главному истоку

ность: оборотить лодки длиною въ три сажени. Въ весеннее время по Васъ-югану Нарымскіе купцы сплавляютъ хлѣбъ, въ баркахъ отъ 5 до 8 тысячъ, покупаемый ими въ Тарскомъ округѣ. Сплавъ этотъ требуетъ большой осторожности по быстрому спаденію весенней воды.

Направляясь первоначально къ западу, Васъ-юганъ потомъ огромною дугою поворачиваетъ къ сѣверу и наконецъ къ востоку. Всего теченія его около 800 верстъ.

Важнѣйшіе притоки Васъ-югана съ правой стороны Нурелка, а съ лѣвой Нѣрилька или Нѣрюлька (у Остяковъ Яръ-ганъ—юганъ—Самоѣдская рѣка), Чешанка или Чежабка (у Остяковъ Вай—юганъ—оленья рѣка) и Найсанъ. Берега Нерильки и Чижабки населены инородцами до первыхъ ломокъ, а вершины ихъ, гдѣ инородцы имѣютъ звѣропромышленные свои участки, необитаемы. Вода Васъ—югана такая же, какъ и во всѣхъ притокахъ Оби. Берега его хотя песчаны, но не подмываются такъ часто, какъ берега Кети и Тыма.

Нарабель впадаетъ въ Обь съ лѣвой стороны двумя устьями: первое ниже Нарыма въ 7—8 верстахъ отъ села Каргасокскаго, а второе у самаго села Нарабельскаго. Это послѣднее устье можно считать за Обскую протоку, которая соединяется сначала съ рѣчкою Часарою, притокомъ Нарабели. Нарабель небольшая рѣчка и замѣчательна своимъ народонаселеніемъ—Самоѣдами. Рѣчка быстра, мелководна, течетъ по ровному фарватеру въ крутыхъ лѣсистыхъ берегахъ. Ширина Нарабели отъ 20—50 саж., а глубина отъ 2 арш до 3 саженъ. Воды черны и мутны; онѣ изобилуютъ рыбою разныхъ чешуйчатыхъ породъ.

Судя по быстротѣ теченія Кети и Тыма и по тихости Васъ—югана, нельзя, кажется, сомнѣваться, что вся поверхность Нарымскаго края имѣетъ покатость отъ Востока къ Западу.

Озеръ въ Нарымскомъ краѣ считается 600. Онѣ двухъ родовъ: одни находятся въ лѣсахъ, или, какъ говорятъ тузем-цы, въ материкахъ, и называются *Боровыми*; другія же лежатъ на низкихъ мѣстахъ—*на сорахъ*. И тѣхъ и другихъ озеръ въ Нарымскомъ краѣ очень много на обѣихъ сторонахъ Оби. Боровыя озера есть довольно большой величины. Объ этихъ озерахъ инородцы разсказываютъ многія занимательныя преданія.

Если бы эти озера находились вблизи народонаселенія и если бы можно было, хотя въ зимнее время, проложить къ нимъ сообщеніе, то онѣ обиліемъ рыбы могли бы приносить огромную пользу и способствовали бы къ успѣхамъ рыбной торговли. Въ настоящее же время нѣкоторыя изъ боровыхъ озеръ, наполненныхъ рыбой, хотя и находятся вблизи города, русскихъ и инородческихъ деревень, но о многихъ изъ нихъ составлены и живутъ въ народѣ такія странныя суевѣрныя преданія, что никто изъ жителей, даже и русскихъ, не рѣшается промышлять въ нихъ. Озера соровыя суть ни что иное, какъ природныя ямы, затопляемыя каждогодно весеннимъ разливомъ воды и, по сбытіи ея, остающіяся съ водою. Всѣ онѣ рыбныя: въ нихъ преимущественно водятся караси, линя, щуки, окуни и илотва.

Есть еще озера, соединенныя проливами съ рѣкою, они называются *чворами*. Во время весны, они затопляются водою, а по сбытіи весенняго разлива, въ логовинахъ ихъ остается вода и чворы принимаютъ правильный видъ озера. Въ чворы весною изъ рѣкъ заходитъ рыба для метанія икры: тогда устья ихъ запираютъ, и ловятъ въ нихъ рыбу неводами.

Наблюденія, произведенныя надъ температурою Нарымскаго края, къ сожалѣнію, такъ бѣдны и отрывочны, что немогутъ служить основаніемъ для вѣрныхъ выводовъ о климатѣ этой страны. Поэтому, относительно настоящаго предмета мы можемъ представить только одни общія замѣчанія.

Не смотря на то, что Нарымскій край находится подъ 61 и 58° с. ш., о климатѣ его нельзя сказать, чтобы онъ былъ много суровѣе прочихъ мѣстностей Сибири, какъ - то: Томска, Тобольска, Енисейска и проч.

Чтобы читатели могли вывести свои заключенія о свойствахъ климата, мы скажемъ нѣсколько словъ о вскрытіи и покрытіи рѣкъ льдомъ, о толщинѣ льда, о количествѣ выпадающаго снѣга, о силѣ морозовъ и о растительности.

Правда, что рѣки въ Нарымскомъ краѣ покриваются льдомъ и вскриваются отъ льда съ небольшою разностію во времени: но этого нельзя приписать географическому ихъ положенію, ибо разности земной широты между ними не болѣе градуса или двухъ, а вскрытіе и покрытіе рѣкъ особенно зависитъ отъ свойства воды и уровня фарватера. На пр. Обь

имѣетъ чище воду, глубже и быстрѣе всѣхъ своихъ притоковъ, потому замерзаніе и вскрытіе ея бываетъ позднѣе ихъ, именно: она покрывается льдомъ между 5 и 20 Октября, а вскрывается между 25 Апрѣля и 10 Мая.

Вскрытіе и покрытіе льдомъ Кети и Тыма начинается нѣсколькими днями ранѣе, Оби, такъ какъ эти рѣки уже, тише и мельче ея, да и воды ихъ ржавыя.

Васъ—юганъ замерзаетъ еще ранѣе Тыма и Кети, по своему застою водъ, а скрывается ранѣе другихъ притоковъ Оби потому, нужно думать, что истокъ его находится на югозападѣ, гдѣ снѣга стаиваютъ ранѣе: поэтому, когда ледъ Оби еще не тронется, Васъ—юганъ уже давно вскрылся и прошелъ.

Вообще же рѣки въ Нарымскомъ краѣ бываютъ покрыты льдомъ до 6-ти мѣсяцевъ.

Замѣчено, что если въ весеннее время прибыль воды такова, что заливаетъ всѣ низменныя мѣста, то годъ будетъ здоровый какъ для людей, такъ и для животныхъ, а уловъ рыбы и урожай хлѣбовъ и травъ будутъ хороши.

Морозы здѣсь рѣдко превышаютъ 35° по Реомюру и такихъ морозовъ въ продолженіе зимы бываетъ въ разное время не болѣе 15—20 дней; въ остальное же время температура воздуха=5, 10, 15 и 20 град.

Ледъ Оби не превышаетъ 4—5 четверт. натуральной толщины. Правда, онъ доходитъ иногда до 7—9 четверт.; но это потому, что въ теченіи зимы ледъ въ Нарымскихъ рѣкахъ осѣдаетъ отъ тяжести снѣга и выдавливаетъ, такъ сказать, воду на свою поверхность, а она замерзаетъ на ней и такимъ образомъ увеличиваетъ толщину льда. Явленіе это туземцы называютъ *наледью;* оно бываетъ еще и отъ прибыли воды.

Земля замерзаетъ отъ 5 до 6-ти четвер., смотря по величинѣ снѣга и потому, рано ли снѣгъ выпалъ; оттаиваетъ же снѣгъ въ концѣ Мая или началѣ Іюня; начало грозъ совпадаетъ съ этимъ же временемъ.

Толщина снѣга простирается отъ 7 до 8 четвертей.

Атмосферныя перемѣны въ продолженіи года бываютъ слѣдующія: между 20 Іюля и 15 Августа начинаются ночи: съ начала Сентября легкіе утренники—морозы, отъ которыхъ въ лужахъ вода покрывается тонкимъ льдомъ, а къ концу этого мѣсяца появляется снѣгъ и поперемѣнно дождь. Рѣдко Сентябрь бываетъ ясный, а большею частію дождливый, вѣтряный и холодный: Октябрь же постоянно холодный. Туземцы имѣютъ довольно справедливое метеорологическое замѣчаніе: если въ которое число Сентября выпадаетъ снѣгъ и появится довольно порядочный морозъ, то въ тоже число Октября нужно ожидать сильнаго мороза—рѣкостава, какъ говорятъ жители Нарымскаго края. Это замѣчаніе всегда удачно сбывается, и послѣ этого времени хотябы и случились оттепели и оттаяла рѣка, но не въ продолжительномъ времени она снова замерзаетъ. Впрочемъ, подобныя оттепели бываютъ весьма рѣдко. Ноябрь и Декабрь всегда холодные. Январь и Февраль средней температуры. Мартъ почти постоянно холодный: морозъ часто доходитъ до 25—30°. Даже существуетъ народное присловье, что въ Мартѣ у быка морозомъ рогъ сломило, почему Мартъ и называютъ „роголомомъ". Апрѣль опять благорастворенный, такъ что всѣ снѣга стаиваютъ; Май холодный, вѣтряный, дождливый. Самая благорастворенная погода въ Іюнѣ и Іюлѣ. Въ эти два мѣсяца въ Нарымскомъ краѣ все растетъ и цвѣтетъ не по днямъ, а по часамъ, какъ говорится. Въ началѣ Іюня и до 20 Іюля жары бываютъ отъ 30 до 35°. И это очень естественно, если возмемъ во вниманіе, что солнце въ этихъ мѣсяцахъ свѣтитъ въ Нарымскомъ краѣ 18—19 часовъ въ сутки, и потому два мѣсяца Нар. будутъ равняться 2½ или почти тремъ мѣсяцамъ теплыхъ странъ.

Выше замѣчено, что климатъ Нарымскаго края не отличается особенною суровостью противъ другихъ мѣстъ Сибири, какъ-то Томска, Тобольска, Енисейска и др. Но это далеко еще не выражаетъ того, чтобы климатъ этотъ вообще можно было назвать благопріятнымъ для здоровья. Цынга, которою не страдаетъ почти рѣдкій житель, горячки ревматическаго и тифознаго характера, брюшной тифъ, господствующія во время рѣкостава въ особенности по р. Кети, катарральныя страданія желудочнаго и дыхательнаго каналовъ, наконецъ ревматизмы слишкомъ хорошо показываютъ всю неблагопріятность здѣшняго климата. У инородцевъ ко всему этому присоединился еще сифилисъ, ставшій почти наслѣдственнымъ.

Почва Нарымскаго края, при его обширности, весьма

разнообразна; но общій характеръ ея выражается въ слѣдующихъ замѣчаніяхъ, по нѣмѣнію болѣе подробныхъ изысканій по этому предмету. Эта почва преимущественно иловата и при дождяхъ или таяніи снѣговъ, становится тонкою и непроходимою: чѣмъ сѣвернѣе мѣстность, тѣмъ иловатость увеличивается. Южная часть Нарымскаго края покрыта сплошными лѣсами. Промежутки между озерами и болотами, которыми такъ богатъ Нарымскій край, вездѣ покрыты толстымъ слоемъ чернозема и достаточно плодородны, однако же не въ такой степени, чтобы почву не слѣдовало удабривать. Лучшія хлѣбопахатныя мѣста по возвышеннымъ, нѣсколько боровымъ, берегамъ Оби: по бассейну Кети подобныя мѣста рѣже и хуже. Тоже должно сказать и относительно луговъ.

Необыкновенная низменность Нарымскаго края, отсутствіе всякихъ поднятій (горъ или холмовъ) и твердыхъ горныхъ породъ составляютъ его характеристическую черту. На всемъ пространствѣ обширнаго края, кромѣ береговъ рѣкъ, нельзя встрѣтить ни одного камня. Подпочва тамъ, гдѣ она случайно обнажена, состоитъ изъ рыхлыхъ пластовъ (глины и песчаника), заключающихъ въ себѣ раковины, преимущественно прѣсноводныхъ бассейновъ верхней третичной формаціи.

Вся мѣстность, занимаемая Нарымскимъ краемъ, представляетъ собою котловину, наполненную болотами, озерами и перерѣзанную, какъ уже сказано, рѣками. Промежутки между этими тоями покрыты *лѣсами*. Это—дремучіе, непроходимые лѣса, несовсѣмъ похожіе на пустыни лѣсовъ въ Европейской Россіи, напримѣръ въ Пермской, Вятской, Вологодской и Архангельской губерніяхъ: въ этихъ послѣднихъ лѣса рѣже и Русскій человѣкъ осѣдлый и кочующій Самоѣдъ (въ Архангельской губерніи) проложили себѣ дорожки и тропинки, искрестили лѣса во многихъ направленіяхъ и въ большей или меньшей степени достаточно изучили мѣстность для того, чтобы не заблудиться въ нихъ: напротивъ, въ Сибири есть огромныя пространства лѣсовъ, которыхъ не касался ни топоръ, ни огонь, гдѣ не бывала еще нога не только Русскаго, но и Остяка и Самоѣда: таковы, на примѣръ, пространства лѣсовъ отъ рѣчки Бардаковки и Сургута по прямому направленію на рѣку Тазъ, къ Старой Мангазеѣ, гдѣ вообще отъ густоты лѣсовъ бываетъ въ нихъ днемъ также темно, какъ ночью, и гдѣ заблудиться и погибнуть безъ вѣсти, даже опытному звѣролову, почитается дѣломъ обыкновеннымъ. Нынѣ вообще промышленники прочи-

кают въ урманы и тайги по рѣкамъ и рѣчкамъ, осенью на лодкахъ, зимою по льду на лыжахъ и, углубляясь въ пустыню, по возможно рѣдкому лѣсу, дѣлаютъ затеси и проходятъ въ дебрь. Отъ береговъ рѣкъ и рѣчекъ и отъ озеръ и болотъ, рѣдко на нѣсколько десятковъ верстъ; дальнія же пространства между этими берегами остаются недоступными, невѣдомыми: такъ какъ срубать деревья и пробиваться между ними нѣтъ ни какой возможности. Но, несмотря на то, промышленники—инородцы погибаютъ безъ вѣсти, и нерѣдко бываютъ случайно находимы другими кости ихъ, оглоданныя звѣрями.

Какое впечатлѣніе производятъ на человѣка подобныя лѣсныя пустыни, можно лучше всего видѣть изъ приводимаго здѣсь разсказа г. Колмагорова. Мѣста, о которыхъ онъ говоритъ, совершенно одинаковаго характера съ Нарымскимъ краемъ, и даже прилегаютъ къ нему.

„Въ бытность мою засѣдателемъ Тарскаго земскаго суда, я отправился по особому порученію Начальства въ Заиртышскіе урманы, имѣя съ собою 20 человѣкъ русскихъ и инородцевъ (многіе изъ нихъ вызвались сопутствовать мнѣ для звѣроловства), компасъ, винтовки, собакъ, хлѣба и сухарей на мѣсяцъ. Слѣдуя по этимъ урманамъ, по теченію рѣки Шипса, съ начала верхомъ, потомъ пѣшкомъ, мѣстами съ помощію фашинъ по болотамъ, въ 12 дней достигъ я Васъ—юганскихъ болотъ и озеръ, лежащихъ приблизительно отъ Иртыша въ 250 верстахъ, и начала рѣкъ Шипса, Туя и Уя (разстояніе измѣрялъ я часами, полагая ходу въ часъ три версты); страна здѣсь верстъ за сто отъ Иртыша примѣтно возвышается, такъ, что на многіе отлогіе увалы и холмы я поднимался по два часа. Хотя съ 13 лѣтняго моего возраста я познакомился съ пустынями родныхъ моихъ лѣсовъ въ обѣихъ частяхъ Сибири, и часто недѣли и мѣсяцы спалъ подъ открытымъ небомъ въ тундрахъ и снѣгахъ между Обдорскомъ и Туруханскомъ, а равно Якутскомъ и Нижнеколымскомъ, въ горахъ и степяхъ киргизскихъ; но эти пустыни рождаютъ впечатлѣніе страха и уныія, пустыни же лѣсовъ невыразимой радости. Во время странствованія моего по Заиртышскимъ лѣснымъ пустынямъ сердце мое было переполнено невыразимаго восторга и никогда это не изгладится изъ моей памяти. Разскажу о впечатлѣніи, произведенномъ на меня здѣсь въ одну ночь и утро. Послѣ 12 часоваго ходу, исключая короткаго привала для обѣда, я остановился для ночлега среди едва проходимой дебри гигантскихъ

лѣсомъ, при берегахъ безымянной быстрой рѣчки, съ крутыми берегами, шириною всего въ двѣ сажени, и вблизи неглубокаго обрывистаго оврага, съ одной стороны, и болота и озера съ другой. Было только семь часовъ вечера (это было въ половинѣ Августа), а въ лѣсахъ сдѣлались сумерки. Люди одни раскладывали огни и варили въ мѣдныхъ чайникахъ чай, другіе, взявъ со мною, разсыпались по окрестности для охоты къ ужину. (Во время звѣроловства и въ подобныхъ путешествіяхъ дичь и мясо дикихъ козъ въ лѣсахъ всегда готово въ изобиліи). Не прошло и полчаса времени, какъ охотники возвратились съ богатою добычею: куропатокъ, глухарей и утокъ оказалось до 30 штукъ, и двѣ козы. Послѣ чаю, доброй чарки водки и такого обильнаго ужина, люди мои не хотѣли спать, а размѣстились у пылающихъ костровъ и затянули удалыя родныя пѣсни, пускались по временамъ въ побасенки и шутки, въ сказки и разсказы объ охотѣ на звѣрей въ урманахъ. Пѣсни, смѣхъ и говоръ ихъ, разносясь какимъ-то торжественнымъ эхомъ по лѣсамъ, вторились на сотни разнородныхъ голосовъ и звуковъ. Медвѣди и волки, гуси и утки и другія птицы и даже лягушки, пробужденные выстрѣлами изъ винтовокъ, распространяли по лѣсамъ, болоту и озеру ревъ, свистъ и писки: при трескѣ огней, все это вторилось по лѣсамъ разнообразной мелодіею: легкій вѣтерокъ шелестилъ и качалъ верхнія вѣтви деревъ и свисталъ между ними, а ближе къ озеру производилъ не менѣе перерывистый шумъ. Только ручей въ оврагѣ журчалъ, казалось, унылую и однообразную пѣсню. Свѣтъ отъ пылающихъ костровъ, распространяясь въ окрестности на значительное разстояніе, представлялъ глазамъ деревья—гиганты и разнородныя породы ихъ съ различными вѣтвями и сверкающее озеро въ какихъ-то фантастическихъ образахъ и видахъ животныхъ и чудовищъ, поминутно мѣняющихся въ своихъ очертаніяхъ: слухъ и зрѣніе мои наслаждались долго этой дикой гармоніей и почти живой картиной, незабвенными въ моей жизни. Въ 4 часа утра, передъ разсвѣтомъ, кругомъ меня все спало: спала, казалось, и сама природа: даже журчанья ручья въ оврагѣ я не слыхалъ: тишина и спокойствіе, меня окружавшія, были до того поразительны, что я, помѣстясь покойно на трупѣ дерева, если шевелилъ тихо рукой или подымалъ голову, то, казалось, производилъ шумъ. Впечатлѣніе, какое ощущалъ я отъ этой тишины въ природѣ лѣсной, невыразимо на словахъ. Только помню, что сердце мое затрепетало какою-то неизъяснимою радостію и слезы брызнули изъ глазъ: я шепталъ молитву Благости и Премудрости

Творца. Но вотъ—на вершинахъ деревъ и на открытомъ пространствѣ надъ озеромъ показался тусклый свѣтъ, носящимися полубѣлыми полосами, и все живое вокругъ меня мгновенно начало просыпаться; казалось, самыя деревья и травы начали оживать, закачали тихо своими вѣтвями и стебельками. Насѣкомыя и гады первые нарушили спокойствіе пустыни: они, расправивъ ножки и крылышки, поползли, поскакали, полетѣли, зашелестѣли на травѣ и на деревьяхъ. Змѣи, ящерицы и другія гадины, быстро переползая и перебѣгая съ вѣтвей на вѣтви, съ сучьевъ на сучья, устремляли, казалось, любопытные глаза на тлѣющіе уголья вчерашнихъ огней, на спящихъ людей и на весь таборъ нашъ. Я видѣлъ, какъ они отворяли рты, нюхали, какъ бы стараясь разгадать, что это за предметы, невиданные ими досель, и затѣмъ, какъ будто поняв, что тутъ были люди, опрометью съ писком и шипѣньемъ пускались бѣжать прочь. Между тѣмъ, зачирикали, засвистали и запѣли чижи и зяблики, перепелки и жаворонки, скворцы и соловьи и вся разнородная семья ихъ: болото и озеро огласились смѣсью голосовъ водяныхъ птицъ: роящи (птицы, принадлежащія къ породѣ дятелей) и бѣлки залетали (послѣднія скачутъ съ кедра на кедръ подобно птицамъ) по кедрамъ и принялись за свою обычную работу—ѣсть кедровые орѣхи: шумно и весело запрыгали и забѣгали козы, зайцы, лисицы, соболи, горностаи и многіе другія звѣри и звѣрки: трое волковъ показались на болотѣ, а на противоположной сторонѣ озера двѣ огромныя морды лосей: даже хозяева пустынь, двое медвѣдей, съ веселымъ какимъ-то хрипѣньемъ и тихимъ ревомъ, вылѣзли изъ оврага, и, съ трескомъ ломая молодыя деревья и вѣтви, преграждавшія имъ путь, отправились въ дебрь, вѣрно за завтракомъ. Вся эта смѣсь голосовъ животной семьи, ихъ бѣготня и прыганье, скачки и перелеты, казалось мнѣ выражали встрѣчу благодатнаго дня и восходящаго солнца и хвалу Создателю міровъ. Никогда я не забуду этого утра, когда вся безсловесная тварь природы рѣзвилась безпечно вокругъ меня въ лѣсной пустынѣ. Но вотъ люди мои начали вставать, засуетились съ огнями и чайниками, смѣхъ и говоръ ихъ снова огласилъ пустыню, и вся животная семья, при первыхъ движеніяхъ и звукахъ ихъ, останавливалась, оглядывалась и прислушивалась; робко подымая голову и озираясь, мгновенно умолкала и скрывалась. Съ грустью пожалѣлъ я, зачѣмъ человѣкъ, этотъ гордый властитель природы, помѣшалъ мнѣ наслаждаться безпечною рѣзвостію этой безчисленной животной семьи."

Предстояло, по возможности, характерическую пространства земли, занимаемаго Нарымским краем, мы считаем нелишним пробежать его, вместе съ однимъ изъ добросовѣстнѣйшихъ нашихъ ученыхъ. Кастреномъ, съ сѣвера на югъ, въ теченіе путешествія. Свѣдѣнія, сообщаемыя Кастреномъ, мы дополнимъ замѣтками о Нарымѣ. Кетскомъ остротѣ и селѣ Тогурскомъ. Но прежде считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о самомъ Кастренѣ.

Матіасъ Александръ Кастренъ родился въ Остроботніи 20 Ноября 1813 г. Отецъ его былъ сперва капелланомъ въ Торнеѣ, а потомъ пасторомъ въ Рованіеми. Окончивъ курсъ наукъ въ Улеаборгской школѣ, молодой Кастренъ шестнадцати лѣтъ поступилъ въ Гельсингфорскій университетъ и первоначально думалъ посвятить себя духовному званію; но труды Раске скоро обратили его дѣятельность въ другую сторону: онъ рѣшился посвятить всю дѣятельность своей жизни изслѣдованію языка, нравовъ, религіи, обычаевъ, образа жизни и прочихъ этнографическихъ отношеній Финскаго народа и другихъ съ нимъ родственныхъ племенъ. Для этой цѣли, во время пребыванія его въ университетѣ, онъ старался теоретически и практически изучить финскій языкъ и вмѣстѣ познакомиться съ родственными ему языками эстонскимъ и лапландскимъ. Однако же онъ скоро увидѣлъ, что, для лучшаго успѣха въ этомъ дѣлѣ, ему необходимо пріобрѣсть знанія прочнѣе и обильнѣе тѣхъ, которыя доставляются печатными пособіями, и что должно предпринять для этой цѣли путешествія въ различныя страны Азіи и Европы. Съ этой цѣлью, Кастренъ предпринялъ еще въ 1838 г. свое первое путешествіе въ Лапландію, а въ 1839 г. въ Русскую Карелію. Въ томъ же самомъ году онъ получилъ мѣсто доцента финскаго языка въ гельсингфорскомъ университетѣ. Годъ спустя, онъ совершилъ новое путешествіе по норвежской Лапландіи и чрезъ Кольу пробрался въ Архангельскъ. Получивъ здѣсь неожиданно пособіе изъ Финляндскаго казначейства, Кастренъ счелъ возможнымъ распространить свои изслѣдованія на ближайшихъ Самоѣдовъ. Онъ изучилъ языкъ ихъ на многотрудномъ странствованіи по тундрамъ и Уралу до Обдорска, въ который прибылъ 9 Ноября 1843 г. Разстроенное здоровье принудило его возвратиться отсюда въ Березовъ, и оттуда черезъ Тобольскъ кратчайшимъ путемъ на родину. Въ іюнѣ 1844 г. здоровье Кастрена поправилось настолько, что онъ могъ начать по

порученію Академіи наукъ, большое ученое путешествіе по Сибири съ цѣлію сравнительнаго изученія языковъ финскаго корня отъ самыхъ сѣверныхъ предѣловъ до подножія Алтая. Въ Маѣ мѣсяцѣ 1845 г. неутомимый Кастренъ былъ уже въ Тобольскѣ. Спустившись по Иртышу и потомъ войдя въ Обь у Самарова, онъ сталъ подниматься вверхъ по этой рѣкѣ, останавливаясь отъ времени до времени въ разныхъ мѣстахъ для своихъ научныхъ занятій. Къ осени Кастренъ былъ уже у границъ Томской губерніи . . . .

Первыя встрѣтившіяся ему здѣсь юрты, были Кетскія, верстахъ въ 20 отъ сургутской границы. Въ нихъ онъ не замѣтилъ ни чего такого, чего бы не видѣлъ уже у Остяковъ Тобольской губерніи. Юрты, за исключеніемъ круглой формы, во всемъ прочемъ совершенно одинаковы съ сургутскими. Точно также нѣтъ ни какой разницы ни въ одеждѣ жителей, ни во внѣшнихъ обычаяхъ, ни въ правахъ. Физіологъ, можетъ быть, и открылъ бы нѣкоторые специфическіе отличія, но для обыкновеннаго наблюдателя они не замѣтны. Справимся съ учеными: Кларотъ скажетъ намъ, что жители береговъ Чулыма, Нарыма, Верхняго Тыма и Кети Самоѣды: но при устьѣ Тыма, они рѣшительно слывутъ Остяками, хотя филологъ не задумается причислить ихъ къ Самоѣдамъ.

Проплывъ нѣсколько верстъ отъ Катласкихъ юртъ, Кастренъ прибылъ къ устью Тыма, называемаго туземцами Kasel—ky, т. е. рѣка—окунь (отъ kaha, kasa, kohsa = окунь и ky—рѣка). Эта рѣка вытекаетъ изъ енисейскихъ болотъ, не вдалекѣ отъ истоковъ Сыма, который однако же течетъ въ направленіи, противоположномъ Тыму. Тымъ рѣка довольно значительная и, какъ говорятъ, въ низовьяхъ имѣетъ до 50 саж. ширины. Берега его низменные и окрестная страна наполнена болотами. По всему теченію Тыма живутъ Самоѣды въ обыкновенныхъ юртахъ и занимаются звѣроловствомъ и рыболовствомъ. Они всѣ крещены и имѣютъ свою церковь, на Оби, въ 20 верстахъ выше устья Тыма, въ маленькой деревушкѣ, называющейся, по церкви, Тымской.

Переночевавъ здѣсь, Кастренъ продолжалъ свое путешествіе и скоро прибылъ къ русской рыбалкѣ, состоявшей по крайней мѣрѣ изъ 20 юртъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ по широкому песчаному берегу. Между ними не было и двухъ схожихъ: одинъ круглыя, другія четыре—угольныя, третьи пи-

раскрытыя, четверти конусообразныя, большая же часть неправильной формы. Почти всѣ они были берестяныя, но устроены такъ дурно, что осеннія бури не только погнули ихъ, но и вырвали порядочныя части стѣнъ. Кромѣ того, они были такъ малы и низки, что въ двери надо было вползать на четверенькахъ, а внутри можно только сидѣть, либо лежать. Всѣ онѣ принадлежали частію Самоѣдамъ, частью Васъ-юганскимъ Остякамъ, загнаннымъ крайнею нуждою въ батраки къ съемщику этой рыбной ловли, кажется, купцу Нарымскому. За этими юртами поднималось, далеко превышавшее ихъ, огромное пирамидальное жилище, устроенное изъ сѣна, ракитника и земли. Оно принадлежало надсмотрщику, который въ это самое время тихо шелъ по полю съ большою палкою въ рукѣ. Окладистая борода и синій кафтанъ показывали, что онъ русскій. Отъ его жилища тянулся длинный рядъ амбаровъ, устроенный изъ того же матеріала. Не подалеку отъ нихъ находилось еще жилье, котораго только крыша виднѣлась надъ землею. Кастренъ съ спутниками спустился по лѣстницѣ въ это подземелье. „Милости, милости просимъ!" крикнуло имъ въ одинъ голосъ многочисленное, веселое общество съ пестрыми рукавами, вѣроятно, купеческихъ приказчиковъ, сидѣвшее вокругъ кипящаго самовара. Хозяинъ встрѣтилъ прибывшихъ низкимъ поклономъ, подсадилъ на почетное мѣсто и подбавилъ дровъ въ огонь, не для тепла, а для освѣщенія. Свѣтъ отъ огня далъ возможность замѣтить, что это подземелье имѣетъ почти всѣ принадлежности порядочнаго человѣческаго жилища: четыре стѣны, впрочемъ, земляныя и покрытыя толстымъ слоемъ плесени, крышу, снаружи обложенную торфомъ, очагъ сложенный изъ глины съ сѣнями, скамью, дверь, нѣсколько образовъ и т. п. Хозяинъ, не смотря на то, что онъ русскій и горожанинъ, увѣряетъ, что „лучше этаго жилища и желать не для чего: что гораздо лучше сидѣть съ сытымъ желудкомъ здѣсь, чѣмъ съ тощимъ въ удобномъ городскомъ домѣ...“ Оно можетъ быть и такъ, добавляетъ Кастренъ, но у кого, кромѣ требованій желудка, есть еще потребность дышать свѣжимъ воздухомъ, видѣть свѣтъ Божій, тотъ поспѣшитъ вмѣстѣ со мною покинуть и эту блаженную нору. Но прежде, чѣмъ оставимъ рыбалку, бросимъ на нее еще одинъ бѣглый взглядъ. Тутъ мы видимъ сборъ людей, принадлежащихъ къ тремъ разнымъ націямъ. Посмотрите на русскаго, какъ онъ разыгрываетъ господина, бодро и смѣло похаживая въ своемъ тепломъ овчинномъ тулупѣ, тогда какъ Остякъ и Самоѣдъ, какъ угнетенный рабъ, бродитъ съ согнутой шеей, съ подгибающимися колѣнами. Конечно и между русскими видимъ мы и господъ и рабовъ: но русскій и подъ гнетомъ

рабства не утрачиваетъ своей веселости и бодрости. Съ юношеской отвагой бѣжитъ онъ по полю, поетъ, прыгаетъ и затрогиваетъ все, что ни попадается на пути. Для встрѣчнаго товарища у него готова шуточка: къ угрюмому туземцу онъ пристаетъ, какъ оводъ къ лошади, даетъ ему толчки и пинки, срываетъ съ него шапку и заставляетъ бѣгать за собою изъ стороны въ сторону до конца поля.—Но вотъ вниманіе наше обращаетъ на себя группа дряхлыхъ женщинъ, оборванныхъ ребятишекъ и косматыхъ собакъ, виднѣющаяся въ отдаленіи. Удалившись сюда съ крупицами со стола богатаго, состоящими въ мелкой рыбѣ всякаго рода, женщины эти заняты чисткою и развѣшиваніемъ ея для сушки. Ребятишки кричатъ, какъ голодные вороны вокругъ добычи, и собаки во все горло вторятъ этому дисгармоническому концерту. Нѣсколько поодаль отъ этого мѣста, онѣ бѣгаютъ вокругъ мальчишекъ, которые вцѣпились другъ другу въ волосы. Мальчики шалятъ, но собаки кажется не понимаютъ этого. Болѣе взрослые заняты: одни борьбою и другими тѣлесными упражненіями, другіе игрой въ дураки и въ три листика. Кругомъ раздаются пѣсни и звуки гармоники, которая и здѣсь въ такой же модѣ, какъ и на улицахъ Москвы, Петербурга и Казани."

Всякій, видѣвшій подобныя рыбалки на сѣверѣ Сибири, конечно, согласится, что набросанный Кастреномъ очеркъ необыкновенно вѣренъ и живъ.

Уже темнѣло, когда путешественникъ оставилъ рыбалку. Вмѣстѣ съ темнотою возрастала и непогода, преобразовавшаяся ночью въ страшную бурю съ дивемъ. Лежа въ своей темной каютѣ, Кастренъ вскорѣ сталъ замѣчать, что судно то и дѣло касается дна. Не смотря на многократныя приказанія кормчаго, чтобы держали подальше отъ берега, толчки продолжались. Въ подобныхъ случаяхъ прибѣгаютъ къ болѣе строгимъ мѣрамъ, и благодаря имъ, судно поплыло наконецъ свободнѣе. Но плыло ли оно вверхъ по рѣкѣ или внизъ, этого ни кто не могъ рѣшить: и самъ кормчій, на вопросъ объ этомъ, отвѣчалъ, что онъ можетъ конечно отвести судно подальше отъ берега, но безсиленъ противъ вѣтра и волнъ на разъяренной рѣкѣ. Посовѣтовавшись, рѣшились причалить къ берегу и переждать непогоду, тѣмъ болѣе, что одинъ изъ гребцовъ былъ женщина съ грудянымъ ребенкомъ, требовавшимъ въ такую ночь попеченій матери.

На слѣдующій день, по минованіи бури, Кастренъ про-

ѣхалъ, при холодной и туманной погодѣ, мимо юртъ Аскинскихъ, Канаскинскихъ, Пекинскихъ и Камкинскихъ и къ вечеру добрался до устья Васъ-югана, по Остяц. Elle—iogan—большая рѣка, или wati—iogan—узкая рѣка, по Самоѣд. warky (отъ wary—большой и ку—рѣка).—Штукенбергъ ошибается, говоря, что war значитъ большой, а torm малый: слово torm по остяцки значитъ Богъ, а Васъ-юганъ, по всей вѣроятности, русское искаженіе названія wati—iogan. Васъ-юганъ беретъ свое начало въ большихъ Барабинскихъ болотахъ, неподалеку отъ истоковъ Туи и Демьянки, впадающихъ въ Иртышъ, и Югана, впадающаго въ Юганскій рукавъ Оби. Васъ-юганъ, какъ говорятъ, протекаетъ болѣе 660 верстъ, весьма извилистъ, тихъ и вездѣ судоходенъ. Важнѣйшіе изъ его притоковъ: Квеполка, Пуролька, Пюрелька (Ост. iargan—iogan—т. е. рѣка Самоѣдовъ), Халатъ или Салатъ, Чежабка (сам. Behadshasv—ку, ост. wati—iogan—рѣка лосей) и др. Вся эта рѣчная область населена остяками, за исключеніемъ Чежабка, по нижнему теченію которой живутъ кое—гдѣ Самоѣды; верховья же совершенно безлюдны. Здѣшніе Остяки и Самоѣды стоятъ почти на той же степени образованности, какъ и обьскіе. Они живутъ въ юртахъ, съ мѣстомъ для огня посрединѣ; не держатъ ни лошадей, ни коровъ и кормятся преимущественно звѣроловствомъ и рыбною ловлею. Около 200 верстъ выше впаденія Васъ-югана есть давно уже выстроенная церковь, но безъ священника.

Отъ впаденія Васъ-югана до Нарыма считается только 60 верстъ. Эта часть Оби довольно густо заселена Русскими и Остяками, но селенія ихъ расположены не по самой рѣкѣ, а, какъ обыкновенно, по небольшимъ рукавамъ и притокамъ ея. При самой Оби на этомъ протяженіи одна только русская деревня Ильина, да нѣсколько юртъ, въ которыхъ, во время лова, живутъ одни рыбаки безъ семействъ. Окрестности постоянно дики и пустынны. Ничто не давало знать о близости стараго города и, какъ будто нарочно, самая нарымская пристань называется *Камчатскою*. Кастренъ приплылъ въ нее 25 Сентября (7 Октября) 1845 г. въ самую пору, потому что чрезъ нѣсколько дней она покрылась уже льдомъ.

Извѣстно, что Сибирь издавна славилась богатствомъ пушнаго звѣря. Это богатство дѣйствительно существовало и не мало послужило къ тому, что эта обширная страна сдѣлалась наконецъ одною изъ русскихъ колоній. Пушной звѣрь

привлекать сюда изъ Россіи безчисленное множество промышленныхъ людей, которые неограничивались только покупкою рухляди отъ туземцевъ на извѣстныхъ пунктахъ, зимовьяхъ, станахъ, но, увлекаемые барышомъ, рѣшались сами идти за ясакомъ звѣря въ безконечные лѣса и малодоступныя тундры. Такія странствованія доставляли имъ случай узнавать о новыхъ странахъ и собирать различныя свѣдѣнія о такихъ племенахъ, которыя было совершенно неизвѣстны правительству и о которыхъ, безъ этихъ промышленниковъ, при собственныхъ своихъ средствахъ, оно узнало бы, можетъ быть, очень не скоро. Мѣстные Воеводы, узнавъ отъ промышленныхъ людей о существованіи такихъ странъ, куда еще не проникало наше оружіе, о существованіи такихъ племенъ, которыя не обложены еще ясакомъ, посылали отряды казаковъ для подчиненія ихъ власти Московскаго Государя. Когда одни казаки, по малочисленности своей, не въ состояніи были исполнить этого, то на помощь къ нимъ добровольно присоединялись ватаги товарищества, артели промышленниковъ, организованныя на военную ногу. Въ первое время обладанія Сибирью, такія артели разгуливали вездѣ и каждая изъ нихъ на перерывъ старалась превзойти другую, проникнуть далѣе другой, столкнуться съ какимъ нибудь народцемъ, который неизвѣстенъ былъ другой. Туземцы, большею частью, смирные, рѣдко противились такимъ гостямъ, давали „шерсть" Государю и вносили ясакъ, а если оказывали иногда какое нибудь сопротивленіе, то противъ нихъ употреблялась неизвѣстная для нихъ сила огнестрѣльнаго оружія. Такимъ образомъ, мало по малу мы прошли все пространство между Иртышемъ и Обью, подаваясь на сѣверъ. Когда же новооткрытыя мѣста были слишкомъ отдалены отъ тѣхъ, гдѣ сосредоточивалась уже русская администрація, то правительство сей-часъ же распоряжалось строить тамъ новые остроги или города, посылало для защиты ихъ новые гарнизоны, а для управленія новыхъ воеводъ.

Едва только въ 1595 г. построенъ былъ городъ Сургутъ, какъ находившіеся въ немъ на службѣ казаки и промышленники сейчасъ же потянулись вверхъ по Оби. На пути своемъ они естественно должны были встрѣтить Остяковъ, принудили ихъ платить ясакъ, а чтобы они исполняли это безпрекословно, Сургутское начальство сочло необходимымъ среди ихъ кочевьевъ срубить острогъ, т. е. устроить нѣсколько необходимыхъ жилищъ и огородить ихъ довольно высокимъ тыномъ. Мѣсто, гдѣ служилымъ людямъ велѣно было срубить такой острогъ, на-

звалось по остяцки Нерымъ или Нарымъ, т. е. болото, болотная страна: а потому и самый острогъ назвали Нарымомъ. Сибирскіе лѣтописи говорятъ, что это произошло въ 1595 г.; слѣдовательно въ одинъ годъ съ постройкою Сургута. Но такая послѣдовательность не совсѣмъ вѣроятна. А какъ изъ старинныхъ актовъ ни гдѣ не видно, чтобы Нарымскій острогъ былъ построенъ особымъ Воеводою, посланнымъ изъ Москвы съ особою командою, какъ это часто дѣлалось, но напротивъ, въ первое время туда посылались на годовую службу сургутскіе казаки, то Миллеръ полагаетъ, что они же и устраивали Нарымскій острогъ, относя это къ 1596 г., т. е. годъ спустя послѣ постройки Сургута.

„Два года послѣ того прошло совершенно спокойно, какъ вдругъ, въ 1598 г., всѣ Нарымскіе Остяки, подстрекаемые однимъ изъ уважаемыхъ ими лицъ, по имени Басаргою, вздумали взбунтоваться. Какая была этому причина, положительно неизвѣстно: однакоже возстаніе было прекращено въ самомъ началѣ, потому что одинъ изъ участвовавшихъ въ немъ, какъ кажется, испугался послѣдствій возстанія, отправился въ Сургутъ и сообщилъ Воеводѣ Князю Барятинскому о всѣхъ замыслахъ своихъ единомышленниковъ. Воевода разслѣдовалъ дѣло и немедленно повѣсилъ десять человѣкъ главныхъ зачинщиковъ. Донесчика окрестили въ православіе подъ именемъ Никиты Осипова, повертали въ казаки и стали употреблять какъ шпіона между Остяками. Впослѣдствіи времени, онъ также открылъ измѣну въ Кетскомъ острогѣ, — „за что, какъ самъ онъ говоритъ въ своей челобитной, лучшіе кетскіе люди биты кнутомъ.“

Нѣсколько лѣтъ послѣ того, вода въ Оби поднялась такъ высоко, что подмыла берегъ, гдѣ стоялъ Нарымскій острогъ, и затопила его. Это подало мысль о перенесеніи укрѣпленія въ другое болѣе удобное мѣсто. Первое представленіе объ этомъ сдѣлано было Нарымскимъ Воеводою Хлановымъ, который въ отпискѣ своей въ Тобольскъ объяснялъ, что хотя ему и велѣно внутри острога построить церковь Покрова Богородицы, однакоже тамъ нѣтъ для этого и на саженъ порожняго мѣста, потому что берегъ подмыло водою: а дальше отъ берега постройка невозможна по болотистому мѣсту, вслѣдствіе чего, и самый острогъ необходимо перевести на другое удобное мѣсто, какового много вверхъ и внизъ по Оби. Переписка объ этомъ тянулась до тѣхъ поръ, пока въ острогъ невозмож-

но было жить изъ опасенія погибнуть въ Оби. Тогда его перенесли на нынѣшнее мѣсто, въ 16 верстахъ выше прежняго. Это было въ 1613 или въ 1614 годахъ. Мѣсто, гдѣ находился прежній Нарымскій острогъ, долго еще было извѣстно подъ именемъ *стараго городища*.

Въ „Книгѣ большему чертежу," составленіе которой относится къ 1627 году, мѣстность стараго и новаго Нарыма обозначена слѣдующимъ образомъ:

„А выше Сургута 170 верстъ, Лупнукъ вышней.

А выше тово 108 верстъ, Нарымъ, по нынѣшнему Нѣгая орда.

А выше тово 20 верстъ, вышней Нарымъ." Относительно названія Нѣгой орды нелишнимъ будетъ замѣтить, что еще съ первыхъ временъ покоренія Сибири носились слухи, что гдѣ-то далеко живетъ народъ, который тѣломъ нѣгъ и что отъ Тары можно дойти до него сухимъ путемъ или степью и обложить ясакомъ. Слѣдовательно, полагали, что этотъ нѣгій народъ или Нѣгая орда живетъ по ту сторону Барабинской степи, при рѣкѣ Оби. Изъ архивныхъ документовъ, которыми пользовался Миллеръ, видно, что въ послѣдствіи времени мѣсто пребываніе Нѣгой орды считалось около Нарыма, и одинъ изъ князцовъ ея, по имени Кичей, въ 1602 г. ѣздилъ зачѣмъ-то въ Москву. На Нѣгую орду былъ наложенъ такой огромный ясакъ, что каждый взрослый мужчина платилъ по 11 соболей.

Изъ окладной книги г. Нарыма за 1655 г. видно, что въ это время тамъ находилось слѣдующее число служилыхъ людей: Казачій голова съ окладомъ жалованья 16 руб. въ годъ; три десятника съ окладомъ по 5 руб. 16 алтынъ и 4 деньги; тридцать два рядовыхъ съ окладомъ по 5 руб. 8 алтынъ 2 деньги; два пушкаря съ тѣмъ же окладомъ и одинъ баньщикъ съ тѣмъ же окладомъ.

По гражданскому управленію при съѣздной избѣ состояло пять подъячихъ съ окладомъ по 5 руб. и сторожъ съ окладомъ 3 руб. Въ числѣ подъячихъ обращаетъ на себя вниманіе имя князя Кичеева; по всей вѣроятности, это потомокъ того князца Нѣгой орды Кичея, который, какъ замѣчено выше, въ 1602 г. ѣздилъ въ Москву, неизвѣстно зачѣмъ.

Кромѣ того, въ это время на Царскомъ жалованьи состояли: попъ съ окладомъ 9 руб. 8 алт. 2 деньги, дьячекъ съ окладомъ 4 руб. 8 алт. 2 деньги; пономарь 3 руб. и просвирница 3 руб.

Въ 1656 г. Нарыму данъ гербъ бѣлка да горностай межь ими стрѣла."

Въ «Хронологическомъ перечнѣ о бывшихъ въ Сибири Воеводахъ» сказано, что первымъ приказчикомъ въ Нарымѣ былъ устроившій его Сургутскій Атаманъ Тугарина Федоровъ. Затѣмъ насчитано до 1697 г. еще 27 Воеводъ. Что дѣлалось въ Нарымѣ при всѣхъ этихъ правителяхъ, по недостатку архивныхъ свидѣтельствъ, намъ рѣшительно неизвѣстно.

Нарымъ лежалъ на пути, по которому чрезъ Верхотурье и Тобольскъ въ прежнее время шла вся торговля Россіи съ Сибирью. Богатый мягкою рухлядью, получавшеюся отъ бродившихъ вокругъ инородцевъ, и бѣдный другими необходимыми предметами потребленія, Нарымъ, конечно, игралъ немаловажную роль въ этой торговлѣ, но, къ сожалѣнію, объ этомъ интересномъ предметѣ мы не имѣемъ ни какихъ свѣдѣній.

Подобно другимъ городамъ Сибири, Нарымъ былъ то въ вѣдѣніи Тобольска, то въ вѣдѣніи Томска. Въ 1822 г. онъ сдѣланъ заштатнымъ городомъ Томской губерніи.

Въ статистическомъ обозрѣніи Сибири 1810 г. показано, что въ то время въ Нарымѣ была одна каменная церковь и одна деревянная, присутственныя мѣста, провіантскіе и соляные магазины, винный подвалъ, обывательскихъ домовъ 130. Жителей считалось: купцовъ 59, мѣщанъ и посадскихъ 271, помѣщичьихъ людей 2, разночинцевъ 15, всего 347 м. п. Купечество производило торгъ мягкою рухлядью и разными россійскими товарами; прочіе жители занимались промысломъ рыбнымъ и мѣлочною торговлею. Городъ имѣлъ доходу только 1% съ откупной винной суммы. Ни фабрикъ, ни заводовъ не существовало.

По старымъ астрономическимъ наблюденіямъ, Нарымъ лежитъ подъ 58° 35' сѣв. шир. и 51° 10' восточ. долг. отъ

Петербургскаго меридіана, въ разстояніи отъ С. Петербурга 4685 верстъ, отъ Москвы 4008, отъ Томска 171 в. Это самый сѣверный городъ въ губерніи.

Нарымъ съ двухъ сторонъ омывается водами съ южной рѣчкою Нарымкою, впадающею въ Обь, съ западной рѣкою Обью. Двѣ протоки дѣлятъ его на три части или предмѣстія. Первая протока *безымянная* отдѣляетъ отъ главной части города предмѣстье *Камчатку*. Эта протока вытекаетъ изъ Нарымки и впадаетъ въ Обь въ 7 верстахъ отъ города. Во время разлитія вешнихъ водъ, ширина ея предъ городомъ бываетъ отъ 70 до 100 саженъ, глубина отъ 5 до 6 саж.; чрезъ нее Нарымское Городское Управленіе устраиваетъ перевозъ на лодкахъ, для чего на сумму городскихъ доходовъ нанимаются перевозчики. Осенью эта протока высыхаетъ до того, что обращается въ небольшой ручей, доступный даже для пѣшеходовъ, между тѣмъ какъ въ половодіе она быстра, сердита и каждогодно подмываетъ берегъ, такъ что многіе изъ жителей перенесли уже свои дома на другіе мѣста. Другая протока, называемая *Полоемъ*, отдѣляетъ отъ города предмѣстье *Заполоѣное*. Эта протока, по котлообразному руслу, справедливѣе могла бы назваться озеромъ. Полой почти каждогодно заливается вешнею водою, которая остается здѣсь и въ теченіи осени. На берега Полоя жители всего города вывозятъ нечистоты изъ скотныхъ дворовъ и заваливаютъ ими устье его. Вода, лишенная теченія отъ этихъ нечистотъ, во время лѣта портится, производитъ страшное зловоніе и не можетъ благопріятно дѣйствовать на здоровье окрестныхъ жителей. Сообщеніе города съ предмѣстіемъ Полоя производится посредствомъ моста, выстроеннаго на свое иждивеніе и подареннаго городу однимъ частнымъ лицомъ.

Во время большихъ весеннихъ водъ, Нарымъ почти весь затопляется водою и сообщеніе производится въ лодкахъ и челнокахъ, величиною отъ 3 до 5 саженъ, поднимающихъ отъ 1 до 5 человѣкъ.

Улицы Нарыма кривы и неправильны, а весною и осенью очень грязны, хотя и намощены мѣстами тесомъ и плахами. Обыватели дѣлаютъ эту настилку безъ особенной тщательности и она погружается въ топкую, тундристую почву. Вообще улицы Нарыма въ такомъ состояніи, что ѣздить по нимъ въ экипажахъ несовсѣмъ безопасно.

Нѣкогда Нарымъ осушался посредствомъ канавъ, проведенныхъ въ рѣчку Нарымку, Полой и Кедматскую протоку. Но нынѣ канавы засорены. Непротекающая вода и разныя нечистоты, накопившіяся въ большомъ количествѣ, образовали среди города стоячія озера, издающія въ лѣтнее время сильное зловоніе. Нарымцы, съ похвальнымъ намѣреніемъ уничтожить эти вредныя водохранилища, усердно заваливаютъ ихъ мусоромъ, и такимъ образомъ еще болѣе портятъ дѣло.

Въ 1870 г. народонаселеніе Нарыма простиралось до 995 м. п. и 870 ж. Изъ нихъ: дворянъ 20 м. п., духовныхъ 5, мѣщанъ 881, инородцевъ 3, другихъ лицъ 84. Слѣдовательно въ послѣднія пять лѣтъ населеніе Нарыма увеличилось на 648 д. м. п.

Въ Нарымѣ три церкви, а именно: каменная, приходская, въ главной части города, во имя Воздвиженія Честнаго и Животворящаго Креста Господня съ деревянною колокольнею, во имя Всемилостиваго Спаса, Покрова Пресвятыя Богородицы и Св. Василія Великаго и деревянная кладбищенская, во имя апостоловъ Петра и Павла. Въ Спасской церкви весьма интересно взглянуть на пожертвованный купцомъ Родіоновымъ серебряный кованый покровъ на престолѣ, вѣсомъ 50 ф. 37½ зол. Прочія церкви ничѣмъ незамѣчательны. Домовъ считается 164, изъ которыхъ пять или десять можно назвать хорошими; за то остальные большею частію покосившіяся и развалившіяся избушки.

Ремесленная промышленность въ Нарымѣ довольно плоха. Ею занимаются только одни ссыльные, а туземцы считаютъ это какъ будтобы нѣсколько предосудительнымъ, обращая все свое вниманіе только на промыслъ рыбы. Въ 1870 г. число ремесленниковъ здѣсь простиралось только до 22 человѣкъ. Даже такой необходимый предметъ въ домашнемъ быту, какъ кирпичъ, здѣсь не выдѣлывается, а привозится изъ Томска, отчего цѣна на него въ Нарымѣ постоянно отъ 7 до 9 руб. сереб. за тысячу.

Городскіе доходы простираются до 1978 р.; расходы до 1075 р.; запаснаго капитала 1859 р. 51¾ к. Главныя статьи доходовъ: съ отдачи городской земли подъ хлѣбопашество и сѣнокошеніе—136 р. 8 коп., съ отдачи въ оброкъ принадлежащихъ городу рыболовныхъ песковъ 297 р. 90 коп. и на-

конецъ съ [illegible] по [illegible] съ объявленнаго капитала,—456 р. 14 коп. Главную статью расхода составляетъ содержаніе [illegible] и лицъ городского управленія — 342 руб.

Лѣтъ двадцать тому назадъ, Нарымскіе купцы и мѣщане вели довольно значительный торгъ пушнымъ товаромъ, вымѣнивая его у инородцевъ на хлѣбъ и другіе предметы, и продавая потомъ въ Томскѣ, Ирбитѣ и на Нижегородской ярмаркѣ. Для этого они сами и прикащики ихъ выѣзжали осенью въ населенные пункты по рѣкамъ Кети, Тыму и Васюгану, иногда верстъ за 1500 отъ Нарыма, гдѣ инородцы уже ожидали ихъ въ зимнихъ юртахъ. Прибывъ въ зимнія юрты, торговцы снабжали инородцевъ привезенными товарами, по ихъ требованію, въ кредитъ до декабря мѣсяца или до возвращенія съ промысловъ звѣря. Замѣтимъ здѣсь, что каждый торговецъ имѣлъ своихъ покупателей и старался сколько могъ возбуждать въ инородцахъ и поддерживать хорошее о себѣ мнѣніе тѣмъ, что онъ покупаетъ пушные товары дороже своихъ товарищей, а свой товаръ продаетъ дешевле ихъ. И дѣйствительно, инородцы не покупали товаровъ у разныхъ торговцевъ, а преимущественно у одного, пока по какимъ либо недоразумѣніямъ не переходили въ руки другаго. Въ послѣдствіи времени, зимою, возвратясь съ улова звѣря, они въ извѣстныхъ мѣстахъ снова находили тѣхъ же торговцевъ, расплачивались съ ними и снова забирали у нихъ въ кредитъ разные товары. Такимъ образомъ, торговля была мѣновая и считалась прибыльною для обѣихъ сторонъ, хотя [illegible] товары были очень часто въ накладѣ.

Изъ имѣющихся у насъ свѣдѣній видно, что тогда, если уловъ звѣря былъ хорошій, Нарымскіе торговцы пріобрѣтали такимъ образомъ отъ инородцевъ: соболей до 150 штукъ, лисицъ до 140, [illegible] бѣлки до 520,000, колонковъ до 4,400, горностаевъ до 3,500, [illegible] до 50, медвѣдей до 100, рысей 25, росомахъ 45, выдръ 15, лосей 800, оленей 500, хвостовъ бѣличьихъ до 75 пудовъ. Бѣличьихъ хвостовъ идетъ въ фунтъ, осеннихъ до 100 штукъ, а весеннихъ до 120; слѣдовательно, судя по количеству бѣлки, хвостовъ должно было бы поступить въ продажу до 118 пудовъ. Но должно замѣтить, что инородцы шьютъ сами изъ нихъ себѣ мѣха, и потому они не всѣ идутъ въ продажу. Цѣны на звѣря по сортамъ его были: соболь низшаго сорта 2 руб., средняго 3 руб. 50 коп., высшаго-

го 4 руб.: лисица сиводушка 7, 8 и 9 руб., бѣлодушка 3 руб. 3 руб. 50 коп. и 4 руб.: бѣлка 5½, 8 и 10 коп.: колонокъ 50, 80 и 1 руб 10 коп.: горностай 20, 27 и 34 коп.; волкъ 3 р. 25 коп., 3 р. 50 и 4 руб.: медвѣдь 4 р., 5 р. 50 коп. и 7 р.: рысь 3 р., 4 р. 50 и 9 руб.: лось 3 р. 50 коп., 3 р. 75 коп. и 4 р.: олень 60 коп., 70 и 80 коп.: пудъ хвостовъ бѣлыхъ 18 руб., 24 и 30 руб. Но въ настоящее время уловъ звѣря сталъ замѣтно уменьшаться, отчасти отъ лѣсныхъ пожаровъ, возникающихъ иногда отъ небрежности самихъ звѣропромышленниковъ, вслѣдствіе чего звѣрь ушолъ въ другія, менѣе доступныя мѣста, отчасти отъ уменьшенія самаго числа звѣролововъ. Слѣдующая таблица можетъ приблизительно показать, сколько въ настоящее время Нарымскіе торговцы пріобрѣтаютъ звѣря и по какимъ цѣнамъ онъ продается.

	Количество.	Низшая цѣна.		Средняя.		Высшая.	
		Руб.	Коп.	Руб.	Коп.	Р.	Коп.
Соболей - - - -	80	4	—	4	25	4	50
Лисицъ сиводушекъ	45	7		8	—	9	50
„ бѣлодушекъ	90	3	—	3	50	4	—
Бѣлки - - - -	155.000	—	5½	—	8	—	10
Клонковъ - - -	1000	—	50	—	80	1	10
Горностаевъ - -	1500	—	20	—	27	—	30
Медвѣдей - - -	40	4	—	5	50	7	—
Россомахъ - - -	30	2	—	2	25	2	50
Выдръ - - - -	25	6	—	7	50	9	—
Лосей - - - -	300	3	50	3	75	4	—
Оленей - - - -	150	—	60	—	75	—	80
Хвостовъ бѣличьихъ	26 п.	18	—	20	—	30	

Изъ этой таблицы видно, что, не смотря на замѣтное

уменьшеніе добычи звѣря, цѣна на него стоитъ почти прежняя. Это происходитъ отъ того, что торговцамъ выгоднѣе поддерживать прежнія довольно сходныя для нихъ цѣны, а инородцы находятся въ необходимости продавать свою добычу хотя бы и не по сходнымъ для нихъ цѣнамъ, потому что это доставляетъ имъ средства къ существованію.

Гораздо замѣчательнѣе въ Нарымѣ промышленность и торговля рыбою, которую мѣстные купцы и мѣщане покупаютъ изъ первыхъ рукъ въ Нарымѣ и его окрестностяхъ и потомъ отправляютъ для продажи въ Томскъ. Вершою обыкновенно солятъ здѣсь язей или сушатъ ихъ въ видѣ позема. По вскрытіи Оби, запасы такого рода отправляются въ Томскъ водою. Въ іюнѣ и іюлѣ производится покупка и засолъ въ бочкахъ стерлядей. Въ нимъ въ Октябрѣ и Ноябрѣ мѣсяцахъ покупаютъ свѣжую, мороженую рыбу—карасей, щукъ, окуней, свѣжую стерлядь и осетрину, и все это увозятъ также въ Томскъ сухопутно, вмѣстѣ съ кедровыми орѣхами и брусникой, если годъ былъ урожайный на эти предметы. Вмѣстѣ всего этаго, изъ Томска привозится въ Нарымъ медь, масло, сальныя свѣчи и другіе мелочные товары, въ особенности же предметы необходимые для устройства различнаго рода ловушекъ для звѣриной и рыбной ловли.

Торговля мелочнымъ съѣстнымъ припасами въ Нарымѣ не существуетъ. Отъ этаго, частныя лица здѣсь очень часто нуждаются въ пріобрѣтеніи для себя даже рыбы, не смотря на то, что ее промышляетъ почти каждый и при томъ въ теченіи всего года. Причина этому та, что мѣщанія торговля рыбою преимущественно оптовая: всякій торговецъ готовъ продать свой товаръ, но только цѣлою партіей, то есть нѣсколько пудовъ стерляди, осетрины, налимовъ и проч.; въ противномъ случаѣ, если нужно купить только нѣсколько фунтовъ, онъ не согласится и продавать, потому что чѣмъ болѣе партія рыбы, тѣмъ дороже покупаютъ ее купцы. Вслѣдствіе этаго, если кто въ Нарымѣ не успѣетъ запастись для хозяйства во время нужнымъ количествомъ рыбы, то въ послѣдствіи не найдетъ ее ни за какія деньги, потому что она вся будетъ увезена въ Томскъ, какъ говорится, до кости.

Тоже самое должно сказать и о продажѣ мяса. Побойка скота производится здѣсь обыкновенно въ Ноябрѣ и если кто въ это время не запасся мясомъ, то будетъ поставленъ въ необходимость покупать послѣ у мясниковъ мелочными количествами отъ 3 до 4 коп. за фунтъ.

Не смотря на значительно сѣверное положеніе Нарыма, растительность здѣсь хороша и огородныя овощи, какъ на примѣръ картофель, капуста, морковь, огурцы и проч. растутъ отлично. Однакоже, не смотря на то, огородничество идетъ очень плохо. Имъ. обыкновенно, занимаются женщины, между дѣломъ, кое какъ и только для домашняго обихода. Поэтому, въ продажѣ огородныхъ овощей, кромѣ развѣ луку, почти небываетъ.

Въ Нарымѣ есть приходское училище, въ которомъ обучается до 15 мальчиковъ.

Чтобы дать хоть какое нибудь понятіе о климатѣ Нарыма, представляю здѣсь три метеорологическія замѣтки за 1867, 1868, 1869 и 1870 г.

Барометръ въ Нарымѣ.

Времена года.	1867.			1868.			1869.			1870.		
	maxim	minim	сред.	maxim	minim	сред.	maxim	minim	сред.	maxim	minim	сред.
Весна - -	312	294	303.56	314.9	293	314.9	308.4	298.2	304.7	310.9	296	304.53
Лето - - -	306	298	303.19	307	297	302.99	308	299	303.74	306.5	295.7	302.84
Осень - - -	310	298	304.13	313.7	297.4	304.37	316	296	305.3	313.1	296.1	304.59
Зима - - -	311	269	303.5	312.10	298	305.7	314.4	297.6	306.3	312.9	300	306.9
Годовая средняя цифра.	312	294	303.56	314,9	297,4	304,715	316	294	305	313,4	295,4	304.66

Термометръ спирт. R.

…мена года.	1867.			1868.			1869.			1870.		
	maxim	minim	сред.	maxim	minim	сред.	maxim	minim	сред.	maxim	minim	сред.
…ена - -	† 24°	— 25°	† 1,1°	† 23°	— 23°	† 2,11°	† 33°	— 25°	† 1,57°	† 30°	— 26°	† 1, 7°
…ло - - -	† 35°	—	† 11,18	† 40°	† 2°	† 12,85	† 33°	— 1°	† 11,43	† 40°	† 2	† 12,64
…ень - - -	† 15,5°	— 21°	- 2,27°	† 15°	— 26°	- 5,83	† 17,5°	— 28°	- 3,99°	† 16°	— 32°	- 6,91
…ма - - -	† 3,3°	— 35°	- 12,86°	— 1°	— 38°	- 16,9°	— 1°	— 36,5	- 14,63	† 4°	— 32°	15,43°
	† 35°	— 35°	0, 63°	† 40°	38°	1, 95°	† 33°	- 36,5°	- 1,40°	† 40°	— 32°	2°

Явленія природы.

Годы.	Вѣтра. холодный.	Вѣтра. сильный.	Вѣтра. тихо.	Особенно ясные дни.	Наемурные дни.	Снѣгъ и буранъ.	Дождь.	Роса безъ тумана.	Туманъ и марево.	Дымъ и мгла.	Иній.	Градъ и крупа.	Громъ.
1867	183	180	—	169	213	105 (35 буранов)	90	17	40	—	4	—	16
1868	128	111	36	142	223	86 (29 б.)	70	2	59	68 д.	1	4	22
1869	128	109	27 д.	130	177	103 (26 б.)	75	21	51	81 д.	22	3	14
1870	168	125	4 б.	125	163	100.	65	25	57	58	22	—	9 (*)
Средняя цифра.	152	132 слиш.	16 слиш.	131 слиш.	194	слиш. 98 (въ томъ числѣ бур. сильн. 22	75	слиш. 16	слиш. 53	слиш 51	слиш. 12	слиш. 1	слиш. 15

(*) Сѣверное сіяніе 5 разъ но не отмѣчалось.

Въ 30 верстахъ, которыя зимою пролегаетъ нѣсколько ровнымъ, луговымъ, покрытымъ кустарникомъ и даже лѣсомъ, годнымъ для построекъ, осиной и тополемъ, находится село Парабельское. Въ немъ 12 домовъ, довольно порядочная деревянная церковь и волостное правленіе, завѣдующее Парабельскою волостью. Эта волость состоитъ изъ двухъ селъ и одной деревни, Жителей считается 1947 д. м. п. и 1848 ж., изъ которыхъ крестьянъ 1792 д. м. п. и 1805 ж., а остальные поселенцы разныхъ наименованій. Часть жителей занимается хлѣбопашествомъ и получаетъ порядочныя выгоды отъ звѣринаго и рыбнаго промысловъ.

Главное открытіе, сдѣланное Кастреномъ во время пребыванія своего на сѣверѣ Томской губерніи, было то, что такъ называемые здѣшніе Остяки—отнюдь не Остяки, и не особенное, какъ показалъ Клапротъ, племя, произшедшее отъ смѣшенія Остяковъ съ Самоѣдами, а настоящіе Самоѣды, распространившіеся отъ Тыма до Чулыма. Языкъ ихъ значительно уклоняется однакоже отъ языка сѣверныхъ Самоѣдовъ, по крайней мѣрѣ отъ обдорскаго діалекта, и распадается на нѣсколько нарѣчій, изъ которыхъ важнѣйшія: 1) сѣверное, или Нарымское, къ которому принадлежитъ и Тымское, 2) среднее или Кетское и 3) южное, называемое обыкновенно Чулымскимъ. Кастренъ изучилъ всѣ эти нарѣчія и надѣялся въ послѣдствіи представить особую грамматику ихъ съ словаремъ и нѣкоторыми богатырскими пѣснями, которыя ему посчастливилось записать въ этомъ уже обрусѣвшемъ краѣ. Изучалъ онъ ихъ въ г. Нарымѣ и въ с. Тогурѣ и Молчановѣ, находящихся на верхней Оби и составляющихъ средоточія упомянутыхъ нарѣчій: Нарымъ нарѣчія сѣвернаго, Тогуръ—средняго, а Молчаново южнаго. Особенныхъ поѣздокъ ему незачѣмъ было предпринимать, потому что по Оби онъ встрѣчалъ достаточно какъ кетскихъ, такъ и чулымскихъ лѣсныхъ Самоѣдовъ. Чулымскіе Самоѣды ни языкомъ, ни образомъ жизни не отличаются значительно отъ живущихъ по верхней Оби: ихъ всего двѣ небольшія деревни на нижнемъ теченіи Чулыма. Болѣе обширное поле для изслѣдованій представляла Кастрену рѣчная область Кети; но все, что можно было узнать, разъѣзжая по этой дикой странѣ, онъ узналъ въ Тогурѣ. Въ области томскихъ Самоѣдовъ находятся скверныя Барабинскія болота, которымъ едвали есть что нибудь подобное на всемъ земномъ шарѣ, какъ по обширности, такъ и по злокачественности ихъ испареній. Изъ этихъ болотъ ежегодно распространяются опустошительныя заразы, поража-

ющія, безъ разбора, и людей и животныхъ, истребляющія всѣ стада, что составляетъ главное препятствіе всякому воздѣлыванію и благосостоянію. Окруженные такою враждебною природою, Самоѣды и въ Томской губерніи остались большею частью дикими обитателями лѣсовъ, которымъ покрытыя снѣгомъ поля пріятнѣе домашняго очага. Нѣкоторые выбрались, конечно, изъ лѣсовъ, разстались на всегда съ болотами, но жизнь всетаки осталась жизнью лягушки въ грязи. Даже и самыя на русскій ладъ устроенныя жилища ихъ похожи на хлѣва, въ которыхъ люди, телята, собаки и куры дружелюбно живутъ подъ одною кровлею. Хотѣлось бы увѣрить себя, что въ этомъ сожительствѣ они, по крайней мѣрѣ, ведутъ жизнь невинную, безпорочную, но и эта иллюзія уничтожается тотчасъ же страшно обезображенными лицами, множествомъ пьяныхъ, не только мущинъ, но и женщинъ, валяющихся въ юртахъ и раздирающихъ ваше ухо громкими носовыми диссонансами, противнѣйшими даже и рева ихъ безсловесныхъ товарищей.

Изъ этого не совсѣмъ эстетическаго описанія можно заключить, что даже и въ сѣверной части Томской губерніи находишься все еще внѣ предѣловъ цивилизаціи. У самоѣдскаго населенія страны ни когда не найдешь хоть нѣсколько сноснаго пріюта. Кастрену приходилось по неволѣ провести ночь въ самоѣдской юртѣ—и онъ всегда взбирался на печь; обыкновенно же останавливался въ такихъ русскихъ деревняхъ, въ которыхъ можно было встрѣтить Самоѣдовъ или въ самой деревнѣ, или въ ея окрестностяхъ. У русскихъ Сибиряковъ жилище всегда чисто и опрятно; одна бѣда—такъ холодно, что безъ шубы не обойдешься. "Могутъ быть, конечно, исключенья, говоритъ Кастренъ въ письмѣ къ Ассесору Раббе; но мнѣ, по крайней мѣрѣ, ни разу не привелось даже и въ городахъ пожить въ комнатѣ съ двойнымъ поломъ, со стѣнами, въ которыя не продувало бы, и съ окнами, въ которыхъ не было бы разбитыхъ стеколъ. Всего чаще попадалъ я въ дома, построенные изъ гнилыхъ барочныхъ досокъ. Именно такого рода были и обѣ главныя мои квартиры между Нарымомъ и Томскомъ. Въ одной изъ нихъ, а именно въ деревнѣ Тогуръ, я провелъ Рождество, въ ужаснѣйшей борьбѣ съ холодомъ и, въ добавокъ еще, безъ ветчины, безъ соленой рыбы, безъ елки, подарковъ и поздравленій. Я бесѣдовалъ ежедневно съ однимъ Самоѣдомъ изъ лѣсной стороны, человѣкомъ необыкновенно веселымъ, добродушнымъ, говорливымъ и сверхъ того докою на все. Онъ увѣрялъ меня, что умѣетъ и тесать, и ковать, и класть ка-

менныя стѣны, и плотничать; что можетъ дѣлать стрѣлы и копья, даже боговъ и людей. По своему, онъ былъ и филологъ, потому что могъ объясняться на четырехъ изъ семидесяти семи языковъ, существующихъ, по его мнѣнію, въ мірѣ. И по естествовѣданію онъ обнаружилъ столько свѣдѣній, что имѣлъ бы полное право занять мѣсто въ Академіи наукъ, которая, по предсказанію Булгарина, будетъ нѣкогда учреждена въ Обдорскѣ. Не менѣе онъ былъ свѣдущъ и въ медицинѣ, потому что зналъ врачебныя свойства трута, можжевельника и дорогой травы, (сассапарели); что во время пользованія лѣкарствами, надобно воздерживаться отъ употребленія медвѣжьяго мяса. Въ довершеніе всего этого, мой Самоѣдъ былъ еще въ высшей степени честный и добросовѣстный человѣкъ. Только относительно его христіанскихъ понятій ни чего не могу я сказать особенно достохвальнаго. Когда я одинъ разъ спросилъ этаго высокоученаго мужа, что будетъ, по его мнѣнію, съ человѣкомъ по смерти, онъ отвѣчалъ мнѣ положительно: "то же, что и съ собакою—будетъ лежать, гдѣ лежитъ, и гнить, гдѣ гніетъ." На вопросъ же, не продолжится ли существованіе души и по смерти—онъ отвѣтилъ короткимъ: „пойди, посмотри и узнаешь." Онъ почиталъ грѣхомъ приносить жертвы богамъ, созданнымъ рукою человѣка, а между тѣмъ самъ же дѣлалъ ихъ, и это, кажется, ни сколько не тревожило его совѣсти. Жену свою, по собственному его признанію, онъ укралъ, но, какъ полагаетъ, загладилъ этотъ грѣхъ тѣмъ, что пожертвовалъ священнику десятую часть калыма; живетъ съ ней хорошо; рѣдко бьетъ; позволяетъ ей курить табакъ и ни когда не напивался пьянымъ безъ того, чтобы не напоить и свою старуху. Съ этимъ—то человѣкомъ я провелъ всѣ святки довольно весело и съ существенною пользою для ученой цѣли моего путешествія."

Нынѣ Тогуръ очень хорошее селеніе, лежащее на лѣвомъ берегу Оби, прямо противъ впаденія въ нея Тогурскаго устья Кети. Въ немъ около 80 домовъ, церковь, основанная въ 1761 г., волостное Правленіе, перенесенное сюда изъ села Кетскаго около 30 лѣтъ тому назадъ, и приходское училище, въ которомъ учатся до 17 мальчиковъ. Жителей въ Тогурѣ считается 1309 м. п. Вся Кетская волость заключаетъ въ себѣ 4 села и 27 деревень. Въ нихъ считается жителей 1875 м. п. и 1607 ж., изъ которыхъ отставныхъ чиновниковъ 1 м., духовенства 14 д. м. п. и 14 ж., крестьянъ 1785 д. м. и 1646 ж. Остальное населеніе составляютъ казаки, поселенцы и т. п. Земли подъ

пашнями въ цѣлой волости занято 1945 дес. Хлѣбъ иначе не родится, какъ на землѣ унавоженной.

Въ с. Тогурскомъ была нѣкогда ярмарка, начинавшаяся съ 1 Мая и продолжавшаяся до 20 Іюня. Тогда пріѣзжали сюда не только Томскіе, но и Тобольскіе и Енисейскіе купцы для выгоднаго торга съ инородцами. Старики съ сожалѣніемъ вспоминаютъ объ этомъ времени. Въ двадцатыхъ годахъ, по ходатайству нарымскихъ купцовъ, эта ярмарка переведена въ Нарымъ, гдѣ номинально существуетъ и теперь.

Если бы мы изъ с. Тогурскаго вздумали проѣхаться по Кети, то въ 179 верстахъ отъ него, на правой сторонѣ Кети, нашли бы село Кетское, состоящее изъ 13 дворовъ и церкви при 45 д. м. п. Однакоже, не смотря на теперешнюю свою незначительность, с. Кетское довольно замѣчательно. Здѣсь былъ нѣкогда Кетскій острогъ.

Когда основанъ этотъ острогъ, положительно неизвѣстно, но, вѣроятно, въ одинъ годъ съ Нарымскимъ т. е. въ 1596 г. Первое населеніе Кетскаго острога состояло изъ служилыхъ людей, которые, въ числѣ 30 человѣкъ, ежегодно посылались сюда изъ Сургута. Служба этой горсти казаковъ была несовсѣмъ легка, въ особенности, если принять въ соображеніе трудность сообщенія по Кети и то, что сосѣдніе инородцы, какъ кротки и тихи они ни были, все же возставали иногда противъ новаго русскаго владычества, а потому гарнизонъ Кетскаго острога долженъ былъ постоянно держать себя на сторожѣ. Но русское укрѣпленіе стало подмывать водою, такъ что представилась необходимость перенести его на 215 в. ниже по Кети, именно на то мѣсто, гдѣ теперь село Кетское. Когда случилось это, неизвѣстно.

Съ самаго основанія своего, Кетскій острогъ завѣдывалъ волостями Кадымскою, Волдинскою и Енисейскою, которыя занимали обширное пространство отъ Енисея до Томи. Въ 1604 г. на Томи основанъ новый острогъ—Томскій. А какъ въ данномъ первымъ Томскимъ воеводамъ наказѣ написано было, чтобы въ каждомъ мѣстѣ ясачныя волости причислить къ ближайшимъ городамъ, то они приписали къ Томску всю рѣку Чулымъ, со всѣми живущими по ней инородческими племенами. Это значило прямо посягнуть на власть Кетскаго воеводы, потому что рѣка Чулымъ уже нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ была

провѣдана Сургутскими казаками и вся ея средина, отъ устья рѣки Кемчука внизъ по теченію, присуждена была къ Кетскому острогу. Кетскій воевода Постникъ—Бѣльскій не могъ оставить безъ вниманія такого обстоятельства и писалъ Томскимъ воеводамъ, что такимъ самовольнымъ дѣйствіемъ они его „лаютъ и ему о томъ писать Государю; а будетъ дастъ Богъ на Москвѣ и увидитъ онъ царскія очи, и ему бить челомъ на нихъ о безчестьи." Однакоже Томскіе воеводы не обратили ни какого вниманія на этотъ протестъ. Наконецъ, убѣдясь, что самое положеніе Томска таково, что обусловливаетъ уже подчиненіе ему Чулымскихъ инородцевъ Кетскій воевода уступилъ, а въ 1629 г., когда Томскъ сдѣланъ былъ разрядомъ или провинціальнымъ городомъ, Кетскій острогъ и самъ долженъ былъ поступить въ вѣденіе Томска. Это было весьма естественно. Кетскъ имѣлъ своимъ назначеніемъ смирять воинственныя движенія инородцевъ, бродившихъ на огромномъ пространствѣ между Обью и Енисеемъ, по рѣкамъ Кети, Чулыму и др. Съ того времени, какъ мы стали твердою ногою на Енисеѣ и построили тамъ остроги Туруханскій (1607 г.), Енисейскій (1619 г.) и Красноярскій (1628 г.), Кетскій острогъ былъ уже не нуженъ и, сослуживъ вѣрно свою службу, поступилъ подъ власть младшаго ему острога Томскаго которому еще долго предстояло бороться съ разными чужеземными племенами для утвержденія нашей власти на Оби. Въ 1619 г. Петромъ Албычевымъ и Черкасомъ Кукинымъ, на берегу р. Кети, заложенъ былъ острогъ Маковскій противъ сильнаго тогда Тунгузскаго родоначальника Намака. Но и онъ существовалъ, какъ острогъ, не долго и получилъ значеніе какъ пристань на пути, соединяющемъ Обскую рѣчную систему съ Енисейскою.

Въ Кетскій острогъ назначалось всегда по одному воеводѣ. На проѣздъ ему отпускались прогоны на 12 лошадей. Не смотря на обширную власть, какою вообще пользовались воеводы въ отдаленныхъ мѣстахъ, Кетскіе воеводы старались еще присвоить себѣ власть Таможенныхъ Головъ, такъ какъ здѣсь до половины XVII в. существовала таможенная застава, для взиманія пошлинъ съ разныхъ товаровъ и преимущественно мягкой рухляди, привозившейся съ Лены и Енисея. При такомъ присвоеніи власти Таможеннаго Головы, воеводы часто дѣйствовали съ единственною цѣлью поправить свои собственныя дѣла. Въ 1645 г. промышленные люди гостинной сотни Исакъ Ревякинъ съ товарищами били челомъ въ Москвѣ, что Кетскій воевода Василій Нелединскій бралъ съ ихъ приказчиковъ проѣзжей пошлины со всякаго человѣка по 10 денегъ, а

никакой рухляди не досматривалъ; да себѣ бралъ съ 1000 соболей по 30 рублей, а со 100 по 3 руб. и больше. По этому случаю наряжено было слѣдствіе, но чѣмъ оно окончилось— неизвѣстно. Однако же, во избѣжаніе подобныхъ злоупотребленій на будущее время, повелѣно, чтобы съ торговыхъ и промышленныхъ людей всякія таможенныя пошлины въ Кетскѣ брать въ Сургутѣ.

Кетскій острогъ имѣлъ свой особенный гербъ, въ которомъ изображена была рысь.

Изъ присяжнаго листа 1732 г. видно, что у мѣстныхъ жителей Кетскъ все еще считался даже въ это время городомъ. Тогда въ немъ существовала Троицкая церковь, при которой состояли священникъ и пономарь. Послѣдній былъ безграмотенъ.

Въ настоящее время—селеніе Кетское состоитъ не болѣе, какъ изъ 13 дворовъ. Жители его преимущественно занимаются звѣроловствомъ, хлѣбопашествомъ и собираніемъ кедровыхъ орѣховъ.

Масляницу Кастренъ провелъ довольно непріятно въ деревнѣ Молчановой, гдѣ его помѣстили въ верхнемъ этажѣ обыкновеннаго кабака. Здѣсь, въ продолженіи всей разгульной недѣли, онъ ни днемъ, ни ночью не имѣлъ покоя отъ шумливыхъ пьяницъ. Молчанова—небольшая деревня, окрестная страна бѣдна и рѣдко заселена. Со всѣмъ тѣмъ, не смотря на то, продажа вина производилась въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что кабакъ въ одинъ день Масляницы выручилъ почти 1800 р. По этому можно себѣ составить понятіе о пьянствѣ въ Сибири. Оно распространено до такой степени, замѣчаетъ Кастренъ, что здѣсь почти уже и не стыдятся его. „Всѣ мы грѣшные", обыкновенно отвѣчаетъ Сибирякъ о трезвости, какъ бы то ни было. Даже молодымъ дѣвушкамъ не ставятъ въ порокъ, если онѣ подгуляютъ въ праздничное время; но если дѣвушка честь и не бережетъ—рѣдко найдетъ она мужа, если не доложитъ богатства. Заведенія же имѣютъ почти всѣ безъ исключенія. Уже и это доказываетъ невоздержанность жителей. Будто Сибиряки нравственнѣе и образованнѣе коренныхъ Русскихъ. Правда, что въ Сибири крестьянинъ часто брѣется, куритъ трубку, любитъ щеголять въ сюртукѣ, говоритъ красно, но вѣритъ онъ въ домовыхъ и лѣшихъ, чуждается только самовара и т. д.:

за то русскій благородиѣе, честнѣе, откровеннѣе и смышленнѣе. Въ Россіи крестьянинъ, умѣющій читать и писать, совсѣмъ уже не рѣдкость, а въ Сибири встрѣчаешь даже и купцовъ, едва умѣющихъ подписать свое имя. По этому самому и ссыльные, гораздо болѣе образованные, пользуются здѣсь нѣкоторымъ уваженіемъ за такъ называемое „мастерство“; да и они сами считаютъ себя людьми породы гораздо высшей, чѣмъ туземцы. Всего болѣе отличается Сибирякъ отъ настоящаго Русскаго страстью жить широко и роскошно. Это происходитъ не оттого, чтобы Русскій любилъ копить деньги, но онъ, по пословицѣ, любитъ протягивать ножки по одежкѣ; Сибирякъ же славится способностью жить не по средствамъ. Въ городахъ не рѣдко блестящій экипажъ составляетъ все его движимое и недвижимое имущество, а въ деревняхъ—зачастую одинъ только самоваръ.

Кромѣ Русскихъ и Самоѣдовъ, Кастренъ встрѣчалъ на пути изъ Нарыма въ Томскъ и Татаръ, не говоря уже о Тунгусахъ, бродящихъ всюду. Въ нѣсколькихъ верстахъ за Молчановой, самоѣдское населеніе прекращается; тутъ къ нему непосредственно примыкаетъ татарское. Большая часть сѣверныхъ татаръ приняла уже однако христіанство и почти нисколько не отличается отъ Русскихъ какъ въ образѣ жизни, такъ и нравами. Они просвѣтились и живутъ „по нашему“, сказалъ путешественнику русскій ямщикъ, расхваливая крещенныхъ татаръ.

Верстахъ въ 30 отъ Томска Кастренъ увидѣлъ первую мечеть. Онъ вошелъ въ юрту и нашелъ въ ней нѣсколько мусульманъ, бесѣдовавшихъ за самоваромъ. Хотя это были ссыльные и, судя по наружности, жили въ большой нуждѣ, они приняли его однакожъ съ необыкновеннымъ радушіемъ. „Можно бы было привести и еще нѣсколько примѣровъ татарскаго гостепріимства, говоритъ Кастренъ въ письмѣ къ Ассессору Раббе отъ 5 Марта 1846 года, гостепріимства, испытаннаго мною въ другой деревнѣ, гдѣ меня задержало на нѣкоторое время одно порученіе Академіи; но голова моя въ настоящую минуту полна заботъ о предстоящемъ мнѣ путешествіи (въ Туруханскій край)“.

Означенное порученіе Академіи заключалось въ томъ, что, согласно инструкціи г. Кеппена, Кастренъ по дорогѣ въ Томскъ

долженъ былъ собрать необходимыя свѣдѣнія о татарскомъ племени Еушта. Это племя дѣйствительно существуетъ въ четырехъ верстахъ къ сѣверу отъ Томска, гдѣ и до сихъ поръ одно татарское селеніе называется еще Еуштинскимъ. Онъ пробылъ нѣсколько дней въ этомъ селеніи и выспросилъ у татаръ все, что они знали о томъ, какъ ихъ предки служили Россіи въ эпоху завоеванія Сибири, о могущественномъ князѣ ихъ Тоянѣ, о которомъ свѣжа еще между ними память, объ основаніи города Томска и т. д. Вотъ вкратцѣ историческая часть ихъ разсказовъ: во время завоеванія Сибири, княземъ Еуштинскаго племени былъ Тоянъ; владѣнія его простиралось на 10 верстъ въ длину и на 5 въ ширину, считая въ верстѣ по 1000 саж. Какъ и другіе татары, онъ жилъ въ земляпкахъ; ихъ было у него двѣ—одна лѣтняя, другая—зимняя; первая находилась близъ теперешняго Еуштинска, послѣдняя на высокомъ мысу, противъ того мѣста, гдѣ потомъ построенъ городъ Томскъ. Этотъ мысъ и теперь называется городкомъ. Весьма вѣроятно, что онъ былъ укрѣпленъ; но Тоянъ, видно, не слишкомъ полагался на это, потому что уговорилъ окрестныхъ татаръ покориться Русскимъ добровольно; оффиціальныя свѣдѣнія намекаютъ однакожъ на то, что не смотря ни на силу, ни на вліятельность свою, онъ не добился общаго согласія и потому для обезопасенія собственной своей личности отъ возможныхъ нападеній соплеменниковъ, просилъ русскаго царя построить для защиты его крѣпость. Какъ бы то ни было, несомнѣнно, что Томскъ построенъ по просьбѣ самаго Тояна и на его землѣ

Въ Томскъ Кастренъ прибылъ въ началѣ Марта 1846 года, но пробылъ здѣсь не долго, такъ что въ половинѣ этого мѣсяца онъ находился уже въ Енисейскѣ, стремясь пробраться какъ можно далѣе къ сѣверу по Енисею.

II.

Главную массу населенія Нарымскаго края составляютъ—русскіе и инородцы,—туземцы.

Русское населеніе образовалось здѣсь изъ различныхъ элементовъ. Его составляютъ отчасти потомки первыхъ покорителей Сибири—казаковъ и промышленныхъ людей, отчасти ссыльные изъ разныхъ мѣстъ Россіи и ихъ потомство. Время и мѣстныя условія края, конечно, создали тѣ [illegible]

извѣстный подъ названіемъ *сибирскаго*. Типъ этотъ такъ извѣстенъ, что распространяться объ немъ было бы излишнимъ; а потому мы прямо переходимъ къ инородцамъ.

Инородцы Нарымскаго края Остяки и Самоѣды.

Остяки въ Нарымскомъ краѣ живутъ по рѣкѣ Васъ—югану. Ни по языку, ни по образу жизни,—словомъ ни въ чемъ,—они не отличаются отъ своихъ сплеменниковъ Сургутскихъ Остяковъ.

Языкъ Нарымскихъ Остяковъ Кастренъ называетъ Сургутскимъ нарѣчіемъ, которое начинается собственно на р. Нымѣ и отсюда распространяется по Оби и ея притокамъ. Васъ— юганъ составляетъ южную границу этого нарѣчія, которое признается болѣе чистымъ, нежели другія (иртышское и обдорское), хотя оно, можетъ быть, и грубѣе другихъ, и въ граматическомъ отношеніи не имѣетъ такой опредѣленности, какъ иртышское.

Раздѣляя Остяковъ, по занимаемой ими мѣстности, на иртышскихъ, сургутскихъ, къ которымъ принадлежатъ и Остяки Нарымскаго края, и обдорскихъ, Кастренъ дѣлаетъ между ними весьма интереспыя сближенія. Такъ какъ русское господство утвердилось прежде всего на Иртышѣ и отсюда уже мало по малу распространялось на сѣверъ и на востокъ, то, естественно, иртышскіе Остяки усвоили себѣ плоды русской цивилизаціи далеко лучше остальныхъ своихъ сплеменниковъ. Они давно уже крещены и соблюдаютъ всѣ предписанія православной церкви. Христіанскаго ученія они, разумѣется, почти совсѣмъ не понимаютъ, но вѣрятъ безусловно въ истину его, и большею частію совсѣмъ уже забыли свою прежнюю языческую религію. И сургутскіе Остяки носятъ крестъ на шеѣ, вѣшаютъ образъ на стѣну, но кромѣ этого вы не откроете въ нихъ уже ничего христіанскаго. Остяки, живущіе по Ыму, Югану, Тріогану и другимъ притокамъ Оби, сильно придерживаются язычества. По нижней Оби, кондинскіе Остяки находятся на одной степени образованности съ сургутскими; изъ принадлежащихъ же къ обдорской волости, всѣ живущіе ниже Обдорска, до сихъ поръ даже и не крещены еще.

Вообще Остякъ боится образованія и цивилизаціи отъ глубоко-удержавшагося убѣжденія, что всякое со стороны пришедшее просвѣщеніе уничтожаетъ его національность и сдѣ-

лаетъ русскимъ. У Самоѣда „сдѣлаться русскимъ“ и „сдѣлаться христіаниномъ“ два совершенно однозначущія выраженія. Будучи большею частію крещены, Остяки затѣмъ ничего уже не хотятъ знать о христіанствѣ, потому что, точно также, какъ и Самоѣды, увѣрены, что нельзя быть истиннымъ христіаниномъ, не сдѣлавшись Русскимъ. Можетъ быть, причиною этаго неловкій приступъ къ обращенію; какъ бы то ни было, вѣрно по крайней мѣрѣ то, что Обскіе Остяки, изъ опасенія утратить свою національность, не покидаютъ лѣсовъ и пустынь, недоступныхъ для иноземной цивилизаціи, потому что рѣки, ведущія къ ихъ жилищамъ, недоступны ни къ какой правильной коммуникаціи, хотя Остяки и плаваютъ по нимъ въ своихъ челнокахъ.

Каждый остяцкій родъ имѣетъ издревле своихъ собственныхъ кумировъ, которые часто хранятся и чествуются всѣмъ родомъ жертвами и другими обрядами въ особой юртѣ. Эти юрты-кумирни состоятъ обыкновенно въ завѣдываніи духовнаго лица; это лицо, въ одно и тоже время, и прорицатель, и жрецъ, и врачъ, и пользуется величайшимъ уваженіемъ. Такъ какъ вся остяцкая религія въ сущности только магія, то и жрецы по преимуществу прорицатели или шаманы. Какъ весь родъ, такъ и частныя лица обращаются къ нимъ съ вопросами въ сомнительныхъ обстоятельствахъ; но шаманъ ни когда не даетъ отвѣта прямо отъ себя: во всякомъ случаѣ, онъ сперва вопрошаетъ боговъ и потомъ уже возвѣщаетъ рѣшенія ихъ. Онъ неможетъ однакожъ вопрошать высшаго, небеснаго бога, называемаго Остяками Турмъ (Турумъ), ибо Турмъ говоритъ съ людьми только гнѣвнымъ голосомъ грома и вихря. Полагая, что Турмъ повсюду слѣдитъ за человѣкомъ, что отъ него не скрывается ни добро, ни зло и что онъ непрестанно воздаетъ каждому по его заслугамъ, его все таки почитаютъ существомъ недоступнымъ для смертнаго и необыкновенно страшнымъ. Молитвы не доходятъ до него: онъ управляетъ судьбами міра и людей по неизмѣннымъ законамъ справедливости. Его нельзя умилостивить ни какими жертвами, ибо онъ смотритъ только на внутреннія достоинства людей и по нимъ распредѣляетъ свои дары, не обращая вниманія на молитвы и жертвы. Но этому, если въ какихъ либо обстоятельствахъ, Остякъ имѣетъ нужду въ верховной помощи, то онъ долженъ обращаться къ другимъ подчиненнымъ божествамъ. Послѣднія изображаются различно, и изображенія ихъ составляютъ частію

семействамъ и лицамъ. И тѣ и другія, иногда вовсе не отли-
чаются другъ отъ друга; по крайней мѣрѣ, они большею час-
тію деревянныя, имѣютъ человѣческій видъ и представляютъ
то мужскія, то женскія существа. Общественные кумиры отли-
чаются отъ частныхъ только большимъ украшеніемъ. Нѣкото-
рые одѣты въ красныя одежды, съ ожерельями на шеѣ и дру-
гими украшеніями. Лица у многихъ украшены листовымъ же-
лѣзомъ; мужскіе кумиры облечены нерѣдко въ панцырь и съ
мечемъ при бедрѣ. Общественные кумиры хранятся, какъ ска-
зано, въ особенной юртѣ; за неимѣніемъ же послѣдней въ ша-
лашѣ, или подъ открытымъ небомъ, на отдаленномъ лѣсистомъ
холмѣ. Дѣло въ томъ, что Остяки не любятъ показывать сво-
ихъ кумировъ чужимъ людямъ и потому устраиваютъ кумирни
въ отдаленныхъ, ни кѣмъ непосѣщаемыхъ, мѣстахъ,—предосто-
рожность, необходимая уже и потому, что въ кумирняхъ хра-
нятся значительныя приношенія деньгами и мѣхами, похище-
ніе которыхъ чуждые идолопоклонства сосѣди ни сколько не
почитаютъ святотатствомъ. „Незнаю, говоритъ Кастренъ, много
ли у Остяковъ такихъ кумирней, но, ѣхавши въ Обдорскъ,
разъ я попалъ совершенно неожиданно въ общество Остяцкихъ
боговъ, стоявшихъ подъ густою сѣнью лиственницъ. Всѣ они
были голы и ничѣмъ не отличались отъ Самоѣдскихъ Садеевъ.
Остяки называли ихъ Йильянъ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ
кумировъ, называемыхъ общимъ именемъ *Лонгъ* и соотвѣтству-
ющимъ Самоѣдскимъ *Хазе*. Вышеупомянутые Йильяны были
весьма различной величины: самые большіе не превышали и
полутора локтя, а самые малые имѣли едвали и половину этой
величины. Я видѣлъ тутъ же множество оленьихъ шкуръ и
роговъ, развѣшенныхъ по окружнымъ деревьямъ и при томъ
такъ, что они находились предъ глазами кумировъ. Не вдалекѣ
былъ станъ бѣднаго остяцкаго рода, для котораго эта роща
была общественнымъ святилищемъ.“ Что касается до частныхъ
и семейныхъ кумировъ Остяковъ, то это или необдѣланные
камни и другіе предмети необыкновенныхъ странныхъ формъ,
или чаще небольшіе деревянные кумирчики съ человѣческимъ
лицомъ и заостренною головою. У каждой семьи и даже у от-
дѣльныхъ лицъ есть по одному или по нѣсколько такихъ ку-
мирчиковъ, которыхъ почитаютъ хранителями и возятъ съ со-
бою во всѣхъ странствованіяхъ. Они хранятся въ особен-
ныхъ саняхъ и одѣваются въ богатый остяцкій костюмъ, убран-
ный красными тесьмами и другими украшеніями. Часто каждо-
му изъ этихъ божковъ приписывается своя особенная сила.
Одни охраняютъ оленьи стада, другіе даютъ хорошій ловъ,
третьи пекутся о здоровьи, о супружескомъ счастьи и т. д.

Когда потребуется, ихъ ставятъ въ шалашъ, на олены пастбища, на мѣста звѣриной и рыбной ловли.—Тутъ по временамъ приносятъ имъ жертвы, состоящія въ намазываніи ихъ губъ рыбьимъ жиромъ или кровью и въ становленіи подлѣ нихъ посудинъ съ рыбой или мясомъ. Таковыя частныя жертвоприношенія можетъ совершать каждый самъ; но когда потребуется общая жертва богамъ, когда нуженъ совѣтъ ихъ цѣлому роду или даже одному лицу, тогда необходимъ уже жрецъ или шаманъ, потому что только онъ можетъ открывать сердца боговъ и говорить съ ними. Шаману же, въ свою очередь, необходимъ волшебный барабанъ. Обыкновенная рѣчь не достигаетъ слуха боговъ; онъ долженъ бесѣдовать съ ними пѣніемъ и барабаннымъ боемъ. Кумиръ, стоящій предъ шаманомъ, также иногда начинаетъ говорить, но, разумѣется его слова слышитъ только шаманъ. Что бы убѣдить легковѣрную толпу въ томъ, что изъ устъ кумира дѣйствительно выходятъ слова, шаманъ вѣшаетъ предъ нимъ тесьму, навязанную на конецъ прямо воткнутой палки, и когда случайно или хитростью шамана, тесьма приходитъ въ движеніе, тогда каждый убѣждается, что изъ устъ кумира въ самомъ дѣлѣ выходятъ слышные шаману звуки. Само собою разумѣется, что при этомъ ни когда необходится безъ жертвоприношеній: обыкновенно, одного или нѣсколькихъ оленей. По закланіи ихъ шаманомъ, шкура и рога развѣшиваются въ честь богамъ на священныя деревья; мясо же кладется передъ кумиромъ, и затѣмъ вскорѣ съѣдается собравшеюся толпою; при чемъ шаманъ всегда получаетъ свою часть.

Богослуженіе Остяковъ состоитъ почти только въ призываніи боговъ и умилостивленіи ихъ жертвами. Впрочемъ, иные роды справляютъ еще и нѣкоторыя общественныя празднества въ честь боговъ. Изъ этихъ празднествъ значительнѣе всѣхъ справляемое осенью, когда кочевые Остяки возвращаются съ тундръ съ богатою добычею къ своимъ братьямъ, занимающимся рыболовствомъ въ Оби. Оно справляется каждый годъ разными родами и въ немъ участвуютъ не одинъ только членъ празднующаго рода, но и Остяки другихъ родовъ, которые привозятъ съ собою для празднованія и нѣкоторыхъ изъ своихъ старѣйшихъ божковъ. Послѣдніе ставятся въ той же юртѣ, въ которой хранится кумиръ рода; если же такой не имѣется, то ихъ помѣщаютъ въ особомъ, нарочно для этого устраиваемомъ, шалашѣ. Торжество всегда совершается въ ночное время, и вотъ какъ описываетъ его одинъ очевидецъ, Березовскій окр. Врачъ Шавровъ.

Остяки собираются отправлять свое богомолье съ 8 часа вечера и продолжаютъ его до 2 часовъ ночи. Сначала дѣти, для призыва къ богомолью, подѣжавъ къ каждой юртѣ, кричатъ, какъ испуганные, разными голосами; по этому крику всѣ собираются въ назначенную юрту. Входящій туда Остякъ вертится три раза передъ кумиромъ и потомъ садится на правой сторонѣ юрты на нарахъ или на полу, разговариваетъ съ своимъ сосѣдомъ и вообще занимается чѣмъ хочетъ. Лѣвая сторона наръ закрыта занавѣсою и за нею помѣщаются Остячки, которыя при входѣ также вертятся. Когда всѣ соберутся, то шаманъ гремитъ желѣзными саблями и копьями, заблаговременно приготовленными передъ кумиромъ на шестахъ. Каждому изъ предстоящихъ, исключая женщинъ, закрытыхъ занавѣсою, онъ даетъ саблю или копье, а самъ беретъ по саблѣ въ обѣ руки, становясь къ кумиру спиною. По полученіи обнаженныхъ сабель, Остяки становятся вдоль юрты рядами и вертятся вдругъ по три раза, держа передъ собою сабли и копья. Шаманъ ударяетъ саблями одна о другую и тогда Остяки, какъбы по командѣ, вдругъ поднимаютъ крикъ на разные голоса и, качаясь съ одной стороны на другую, кричатъ то рѣдко, то часто, отставая одинъ отъ другаго, а при каждомъ повтореніи *гай*, переваливаются на сторону и осаживаютъ свое оружіе то къ низу, то къ верху. Этотъ крикъ и движеніе продолжаются около часу. Чѣмъ болѣе Остяки въ это время кричатъ и качаются, тѣмъ болѣе приходятъ въ изступленіе такъ, что наконецъ на нихъ нельзя смотрѣть безъ сожалѣнія. Послѣ этого, всѣ умолкаютъ, только вертятся по прежнему, а потомъ отдаютъ шаману оружіе, которое онъ кладетъ на прежнее мѣсто. Послѣ этого всѣ садятся на нары и по полу; занавѣсъ открывается, Остячки выходятъ и начинается пляска и музыка. Чрезъ нѣсколько времени шаманъ снова раздаетъ сабли и копья и снова начинается качаніе и крикъ при каждомъ возгласѣ гай. Въ заключеніе всего, каждый Остякъ стучитъ въ полъ три раза своимъ оружіемъ, отдаетъ его шаману и идетъ домой.

Сверхъ многихъ общихъ низшихъ и высшихъ боговъ, которыхъ есть кумиры, Остяки дѣлаютъ еще изображенія въ честь каждаго умершаго въ семействѣ, держатъ ихъ какъ пенатовъ и отдаютъ всѣ почести, принадлежащія божеству. За всякимъ обѣдомъ и ужиномъ подаютъ имъ все, что у нихъ приготовлено, и оставляютъ предъ ними эту пищу на столько времени, чтобы можно было ее употребить; потомъ берутъ и ѣдятъ ее

изображенія хоронятъ. Если же умираетъ шаманъ, то изображеніе его хранится изъ рода въ родъ и ему покланяются какъ божеству.

Остяки почитаютъ также своими божествами медвѣдя и волка. Должно думать, что такое почитаніе происходитъ отъ того, что эти звѣри сильнѣе всѣхъ имъ извѣстныхъ. Опустошая стада оленей, они не щадятъ часто и владѣльцевъ ихъ. Присягнуть медвѣжей или волчей шкурѣ—считается священнымъ и страшнымъ дѣломъ. Но какъ согласить такое благоволеніе Остяковъ къ этимъ звѣрямъ съ тѣмъ, что они отнюдь не считаютъ за грѣхъ убивать ихъ, отравлять, ловить въ капканы и употреблять ихъ мясо въ пищу? Еще страннѣе то, что, убивъ волка или медвѣдя, они тутъ же отдаютъ ему подобающія почести Снявъ шкуру, набиваютъ ее сѣномъ; щиплютъ ее руками и рвутъ зубами, топчутъ ногами, плюютъ на нее и употребляютъ при этомъ разныя насмѣшки на тотъ счетъ, что такой сильный звѣрь позволилъ обмануть себя капканомъ, что не могъ устоять противъ мѣткой стрѣлы Остяка и что теперь не можетъ сдѣлать уже ни какого вреда; потомъ пляшутъ, поютъ разныя насмѣшливыя пѣсни и наконецъ ставятъ звѣря въ переднемъ углу юрты задними ногами на сундукъ, и тогда уже начинаютъ покланяться ему, какъ божеству. Такія одна другой противуположныя церемоніи надъ шкурой продолжаются недѣлю и болѣе, смотря по состоянію того, кто одержалъ побѣду.

Въ нравственномъ отношеніи все Остяцкое племя славится строгою честностью, необыкновенною услужливостью, добродушіемъ и человѣколюбіемъ. Но Иртышскіе Остяки, по мѣрѣ успѣховъ своихъ въ образованности, начали утрачивать эти прекрасныя свойства; да и въ другихъ мѣстахъ, около городовъ и въ большихъ деревняхъ, встрѣчаешь уже между ними и ложь, и обманъ даже чаще, чѣмъ между поселенцами.—Пьянство общій Остяцкій порокъ, и, вмѣстѣ съ лѣнью, главное препятствіе благосостоянію ихъ. Супружескія связи вообще соблюдаются строго, хотя браки и рѣшаются волею родителей и невѣста покупается. Дѣтей вскармливаютъ съ любовью и заботливостью, но съ пасынками и падчерицами обращаются иногда съ необыкновенной жестокостью. При Кастренѣ въ Сургутѣ жилъ молодой Остякъ, котораго вотчимъ его хотѣлъ убить; но, склонившись на мольбы матери, отвелъ на пустой берегъ Югана. Три дня бѣдный, голодный мальчикъ сидѣлъ на берегу,

не зная, что ему дѣлать. На четвертый день онъ замѣтилъ дерево, плывшее внизъ по рѣкѣ возлѣ самаго берега. Онъ сѣлъ на него, поплылъ внизъ по рѣкѣ и благополучно присталъ къ одной рыбачьей хижинѣ, гдѣ его радушно приняли И въ этомъ, какъ и во всемъ остальномъ, обнаруживается, что нравственные поступки Остяка опредѣляются болѣе инстинктомъ, чѣмъ сознаніемъ права. По счастію, этотъ инстинктъ тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ менѣе человѣкъ образованъ. Сравнивъ перечни преступленій въ трехъ Остяцкихъ областяхъ, увидимъ, безъ сомнѣнія, что обдорскіе Остяки, наиболѣе дикіе, наиболѣе и нравственные; что за ними въ этомъ отношеніи слѣдуютъ сургутскіе, а слѣдовательно и Нарымскіе; что самая большая часть преступленій между иртышскими, которые несомнѣнно образованнѣе всѣхъ. При этомъ однакожъ надо взять въ расчетъ и то, что, гдѣ образованность мала, гдѣ мало потребностей, не такъ-то легко удовлетворяемыхъ, тамъ спятъ и страсти, а потому мало и поводовъ къ преступленіямъ.

Что касается до внѣшней образованности, то Иртышскіе Остяки, какъ мы уже сказали, далеко выше всѣхъ остальныхъ. У нихъ порядочныя на русскій ладъ устроенныя жилища; они занимаются скотоводствомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и земледѣліемъ, торговлею и другими промыслами, свойственными цивилизованной жизни. Звѣроловство и рыболовство для нихъ только вспомогательные промыслы. Сургутскіе и нарымскіеОстяки занимаются, напротивъ, почти исключительно только этими двумя промыслами, ведутъ доселѣ полукочующій образъ жизни, перемѣняютъ жилища каждую осень и весну, а зимою отправляются далеко въ лѣса охотиться. Они живутъ въ жалкихъ юртахъ изъ бревенъ, торфу и древесной коры. Во всѣхъ этихъ юртахъ нѣтъ ни половъ, ни оконъ. Первые замѣняются сѣномъ, рогожами, оленьими шкурами и т. п.; отверстіемъ въ стѣнѣ, закрываемымъ льдомъ, пузыремъ, налимовою шкурою; иногда это отверстіе дѣлается и въ крышѣ. Въ бревенчатыхъ юртахъ бываетъ или очагъ въ углу, или мѣсто для огня по срединѣ. Первый преимущественно употребляется зимою, второе лѣтомъ. Въ торфяныхъ юртахъ или земляникахъ живутъ только зимою и потому онѣ всегда съ очагомъ. Юрты изъ бересты—лѣтнія жилища Остяковъ, и потому въ нихъ въ срединѣ мѣсто для огня. Почти таковъ же образъ жизни, таковы же жилища и кондинскихъ Остяковъ. Между обдорскими же много еще настоящихъ кочевниковъ, живущихъ въ чумахъ и бродящихъ по

огромнымъ пространствамъ съ своими многочисленными стадами оленей.

Какъ всѣ вообще дѣти природы, Остяки мало занимаются наружностью. Однакоже въ воскресный день они умываются, расчесываютъ свои черные волосы и наряжаются въ праздничныя одежды. Обыкновенная, верхняя одежда ихъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ—нѣчто въ родѣ полукафтанья или пальто, похожаго на финское *мекко*, только покороче сего послѣдняго. Будничное полукафтанье это изъ грубой шерстяной ткани; праздничное—изъ сукна или изъ какой—нибудь другой, болѣе тонкой матеріи, по большей части синяго или зеленаго цвѣта; воротникъ и отвороты непремѣнно другаго цвѣта, и сверхъ того, нѣкоторые, для большей красы, окаймляютъ его еще краснымъ сукномъ или мѣхомъ. Оно всегда, по крайней мѣрѣ въ будни, стягивается широкимъ кожанымъ поясомъ, за которымъ заткнутъ ножъ съ черенкомъ, обложеннымъ оловомъ. Мужчины носятъ высокія остроконечныя шапки съ широкими, свѣшивающимися на уши лопастями. Женскій головной уборъ состоитъ изъ длиннаго, спускающагося до пятокъ, платка, оставляющаго лицо большею частію обнаженной; иногда онъ однакожъ обертываютъ ее особеннымъ боа изъ бѣличьихъ хвостиковъ. Перчатки шьются изъ разноцвѣтныхъ оленьихъ шкурокъ, или суконныхъ полосокъ. Щеголихи убираются множествомъ ожерельевъ и разнаго шитья бусами на воротникѣ, обшлагахъ, перчаткахъ, башмакахъ и поясѣ; къ сему послѣднему, къ длиннымъ фальшивымъ косамъ и головному платку онѣ прицѣпляютъ еще желѣзныя, жестяныя и мѣдныя бляшки,—вѣроятно, для того, что бы звономъ и бряцаніемъ ихъ обратить на себя вниманіе молодыхъ парней, т. е. покупщиковъ. „Въ праздничныхъ одеждахъ, замѣчаетъ Кастренъ во время своего путешествія отъ устья Ваха къ Нарыму, Остяки, казалось, были веселѣе и чистосердечнѣе обыкновеннаго. Ихъ гостепріимство и радушіе превосходили всякое ожиданіе. Они выбѣгали на берегъ прежде, чѣмъ пристанешь, притаскивали къ нему наше судно, настилали деревья въ тонкихъ мѣстахъ, или переносили насъ чрезъ таковыя на рукахъ. Изъ опасенія неугодить, въ юртахъ намъ ничего не предлагали, но при отъѣздѣ обременяли всевозможными остяцкими лакомствами: свѣжей и сушеной рыбой, ягодами, пирогами изъ ягодъ и т. п. И мы принимали всѣ эти дары, какъ ни были они излишни, не желая обидѣть отказомъ простодушныхъ и гостепріимныхъ хозяевъ, потому что умоляющіе взгляды и жесты ихъ показывали

ясно, что они дѣлали это откуда не изъ расчета или какой нибудь корысти."

Однакожь, интересенъ взглядъ, которымъ Остякъ окидываетъ вообще незнакомца въ началѣ. Это взглядъ охотника, надѣющагося на добычу и въ тоже время опасающагося, какъ бы самому не сдѣлаться жертвою. Въ этомъ взглядѣ выражается желаніе слабаго существа обезопасить себя и, если возможно, овладѣть своимъ противникомъ. Это проявляется, впрочемъ, и во всемъ обращеніи Остяка. Все въ немъ хитрость и обманъ, притворное смиреніе и покорность. Онъ безпрестанно толкуетъ о Богѣ и великомъ Государѣ, расхваливаетъ избранныхъ царемъ и Господомъ, жалуется на свою бѣдность и на убытки, которые терпитъ отъ поселенцевъ. Но лишь только разговоръ коснется предметовъ, кажущихся Остяку подозрительными, онъ тотчасъ же прикидывается глупымъ, безтолковымъ, жалкимъ; увѣряетъ, что ни чего не знаетъ, и то и дѣло напоминаетъ свои остяцкія привилегіи. Впрочемъ, нѣкоторая степень скрытности дѣйствительно есть въ характерѣ Остяковъ, все же остальное—мелочная хитрость, крайнее смиреніе и жалкій видъ—маска, надѣваемая при случаѣ и вскорѣ сбрасываемая, и тутъ Остякъ становится простымъ, прямымъ, честнымъ сыномъ природы, не много только угрюмымъ, грубымъ и упрямымъ. Этой шероховатости характера соотвѣтствуетъ и внѣшность: выдающіяся скулы, значительно углубленные глаза, широкія плечи, коренастый, неуклюжій станъ, черные стоячіе волосы и т. д. Не смотря однакожь на все это, увѣряютъ, что никто не превзойдетъ бѣднаго Остяка въ доброжелательствѣ, услужливости и другихъ качествахъ добраго сердца. И самая грубость, неповоротливость и неуклюжесть смягчаются нѣкоторымъ образомъ принадлежащимъ всему финскому племени добродушнымъ юморомъ, который Русскіе называютъ *остротою*.

Наконецъ, относительно общественнаго устройства Остяковъ должно замѣтить, что они раздѣляются на множество небольшихъ волостей или участковъ (:по Остяцки mir, mori:), имѣютъ своихъ собственныхъ начальниковъ, свой судъ въ незначительныхъ тяжбахъ, свои, отъ отцовъ унаслѣдованные, обычаи и уставы, а равно и нѣкоторыя, дарованныя имъ правительствомъ, льготы, какъ на прим. меньшая подать, освобожденіе отъ рекрутской повинности и т. д. Обдорскіе Остяки придерживаются еще своего первоначальнаго, патріархальнаго, устройства, основывающагося на раздѣленіи на роды и колѣна.

Остяки, живущіе по Иртышу, съ уничтоженіемъ раздѣленія народы, забыли свои древнія постановленія и въ настоящее время почти во всемъ слѣдуютъ рускому судебному порядку, сохраняя, впрочемъ, свои общія льготы. Остяки сургутскіе, а слѣдовательно и Нарымскіе, какъ въ этомъ, такъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ, занимаютъ середину между иртышскими и обдорскими.

Основываясь на старыхъ свѣдѣніяхъ, ученые, какъ, напримѣръ, Клапротъ въ своей Asia polyglota, полагали, что сѣверныя части Томской губерніи заселены преимущественно Остяками; Самоѣдамъ же отводили только нѣсколько небольшихъ участковъ на правомъ берегу Оби и по рѣкамъ Тыму, Кети и Чулыму. Но Кастренъ доказалъ, что на самомъ дѣлѣ Остяки занимаютъ только область рѣки Васъ—югана, всѣ же прочія страны какъ по самой Оби, такъ и по ея притокамъ Тыму, Кети, Нарабелѣ, Чаѣ, Чулыму и по Чежабскому рукаву Васъ—югана заселены Самоѣдами. Они почти единственные обитатели по всему теченію вышеупомянутыхъ притоковъ Оби, за исключеніемъ Чулыма, главное населеніе котораго составляютъ крещеные Татары; Самоѣды же занимаютъ только двѣ небольшія волости по самому нижнему ея теченію. Чулымъ можно принять за южную границу Самоѣдской области, хотя самоѣдское народонаселеніе, переходя за устья Чулыма, и распространяется вверхъ по Оби еще на 25 верстъ, до Амбарскихъ юртъ; начиная отсюда, населеніе состоитъ уже изъ Татаръ, которые не только что крестились, но въ нѣкоторыхъ мѣстахъ позабыли даже природный свой языкъ, замѣнивъ его русскимъ. Сѣверную границу Томскихъ самоѣдовъ (если исключить Остяцкое населеніе при Васъ—юганѣ), образуетъ рѣка Тымъ, почти составляющая предполагаемую границу между Томскою и Енисейскою губерніями.

Языкъ Томскихъ Самоѣдовъ раздѣляется на нѣсколько болѣе или менѣе отклоняющихся другъ отъ друга нарѣчій. Таковы: 1) *Нижнее*, распространенное отъ Тобольской границы на сѣверъ, до Кети на югъ, и распадающееся на три оттѣнка —на Тымское, верхнее и нижнее Нарымскія; 2) *Среднее* или Кетское, которымъ говорятъ по рѣкѣ Кети и съ незначительными измѣненіями по рѣкамъ Чаѣ, Нарабелѣ и по ближайшей части Оби, и 3) *Верхнее*, которое по Чулыму и по Оби представляетъ нѣкоторыя незначительныя разности. Изъ этихъ трехъ главныхъ нарѣчій Нижнее отличается множествомъ словъ

идіотизмовъ, заимствованныхъ изъ Остяцкаго языка. Верхнее подверглось, на противъ, вліянію Татарскаго. Среднее же, кажется, сохранилось во всей чистотѣ; оно замѣчательно впрочемъ частымъ удвоеніемъ въ немъ согласныхъ.

Самоѣды Томской губерніи давно уже крещены, но во многихъ мѣстахъ все таки придерживаются еще язычества; и въ этомъ отношеніи мало отличаются отъ своихъ сѣверныхъ соплеменниковъ —Самоѣдовъ Архангельской и Тобольской губерній. И тѣ и другіе признаютъ единаго Бога, который называется Нумъ, Номъ, Нонъ: сѣверные Самоѣды такъ однакожъ боятся его, что съ видимымъ трепетомъ произносятъ его имя, и охотнѣе употребляютъ эпитетъ Йплеумбеарте,—т. е. стражъ скота, оленей. Томскіе Самоѣды придаютъ Нуму эпитетъ *Ильдиа*, *Ильдія*. т. е. старецъ, дѣдъ. Нумъ царитъ надъ всѣмъ твореніемъ, но настоящее жилище его—высь неба. Во всемъ, что происходитъ въ воздухѣ и въ немъ зарождается, какъ наприм. въ снѣгѣ, дождѣ, вѣтрѣ, грозѣ, градѣ,—Самоѣдъ видитъ непосредственное присутствіе Нума. Впрочемъ, онъ представляетъ себѣ Нума существомъ для человѣка недоступнымъ, неумилостивляемымъ ни жертвами, ни молитвами. Нуму подчинены и находятся у него въ зависимости *Лохты* или *Лоэты*. Это также духовныя существа. недоступныя для обыкновеннаго человѣка. Только шаманы обладаютъ способностью видѣть Лохетовъ, говорить съ ними и выпрашивать у нихъ самихъ, или по ихъ ходатайству у самаго Нума совѣтъ и помощь для себя и другихъ. Шаманы въ Томской губерніи обладаютъ сверхъ того необыкновеннымъ искуствомъ овеществлять Лохетовъ, такъ что они дѣлаются полезными для всякаго. Здѣшніе Самоѣды полагаютъ, что фетишъ необходимо долженъ быть сдѣланъ и освященъ шаманомъ; болѣе смышленые видятъ въ нихъ только изображенія божества и сравниваютъ ихъ съ христіанскими иконами. Вотъ—что говорилъ Кастрену о такихъ (низшихъ) божествахъ одинъ кетскій Самоѣдъ: „Узналъ шаманъ, что у меня нѣтъ бога хранителя, и приходитъ ко мнѣ и говоритъ: послушай, другъ, у тебя нѣтъ Лоса; ужъ не хочешь ли ты сдѣлаться Русскимъ?—тогда я даю шаману бѣличій, горностаевый, или какой нибудь другой мѣхъ, какой у меня случится. Шаманъ уходитъ съ нимъ, а когда возвратился, то ужъ онъ далъ этому мѣху человѣческій образъ, и одѣлъ въ такое платье, какое мы носимъ. Платье шьетъ однакожъ не онъ; оно шьется всегда непорочною дѣвушкою. Когда Лось совсѣмъ обшитъ и одѣтъ, я кладу его въ корзинку, которая также должна быть

сплетена дѣвушкою, и относу корзинку въ чуланъ, въ которомъ однако ни что не должно содержаться, кромѣ бога и жертвъ ему. Кромѣ того, по нашей вѣрѣ, ни одинъ женатый человѣкъ никогда не долженъ ходить около этого чулана, ни одна замужняя женщина не должна переступать его порога. Нужна мнѣ помощь Лоса въ какомъ нибудь дѣлѣ, напримѣръ при звѣриномъ промыслѣ, при рыбной ловлѣ, въ болѣзни и т. п.,—я приношу ему жертву. Но такъ какъ я женатъ, я не могу приносить жертву самъ, а долженъ просить объэтомъ кого нибудь изъ холостыхъ. Жертва обыкновенно состоитъ изъ бѣлокъ, горностаевъ, красивыхъ лентъ и платковъ, изъ ситцевыхъ и суконныхъ лоскутьевъ, изъ бусъ и бисеру—все это кладется въ корзинку. Деньги приносимъ мы въ жертву одному русскому Богу, а для нашего, временами завариваемъ еще, сверхъ того, на охотѣ и на рыбной ловлѣ, котелокъ рыбы или мяса. Эту жертву можетъ приносить всякій, даже замужняя женщина. Это дѣлается такъ: передъ Лосомъ ставятъ блюдо, или нѣсколько блюдъ сваренаго кушанья и кромѣ этого кладутъ еще соль и хлѣбъ, ножъ и ложку. Когда кушанье постоитъ нѣсколько времени предъ изображеніемъ бога, все это принимаютъ и съѣдаютъ сами жертвовавшіе. Только кости небросаютъ собакамъ, а собираютъ и прячутъ въ какомъ—нибудь уединенномъ мѣстечкѣ."

У сѣверныхъ Самоѣдовъ (въ Архангельской и Тобольской губерніяхъ) всякое семейство имѣетъ безчисленное множество фетишей, хранимыхъ въ особенныхъ саняхъ, которыя слѣдуютъ за ними во всѣхъ ихъ кочевьяхъ. Въ Томской же губерніи, какъ говорятъ, каждый изъ Самоѣдовъ, придерживающихся еще язычества, имѣетъ своего особеннаго бога хранителя и поклоняется только ему одному; умретъ его поклонникъ—и кумиръ почитается умершимъ и бросается въ рѣку. Въ старину и Томскіе Самоѣды имѣли, подобно другимъ остяцкимъ и самоѣдскимъ инородцамъ, кумировъ, принадлежащихъ цѣлому племени или роду. Даже нѣсколько лѣтъ тому назадъ предъ путешествіемъ Кастрена въ Нарымскій край, существовалъ еще такой Лосъ въ Карбинскихъ юртахъ при рѣкѣ Кети. Кумиръ этотъ сдѣланъ былъ изъ латуни и имѣлъ видъ и величину сидящаго человѣка. Онъ, какъ разсказывали путешественнику, оставался отъ древней Чуди и, какъ по древности, такъ и по красотѣ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ; его хранили въ амбарѣ, который, по словамъ разскащика, былъ полонъ соболей, лисицъ и другихъ дорогихъ жертвъ на несмѣтныя суммы. И все это имѣетъ съ амбаромъ, была сожжена

ами, въ отмщеніе жителямъ за какую—то обиду. Кумиръ отъ ?гня утратилъ свой первоначальный видъ и такъ обезобразил-ся, что его стали потомъ считать уже умершимъ. Умиротво-вять и располагать къ себѣ Лохетовъ можетъ всякій, но до-биться отъ нихъ совѣта, свѣдѣнія или прорицанія можно толь-ко чрезъ посредство шамана, потому что закутанные въ мѣха Лохеты—нѣмые духи, а въ темный міръ духовъ имѣетъ до-ступъ только одинъ шаманъ. Только онъ одинъ можетъ заклі-нать невидимыхъ духовъ, и вотъ какъ онъ это дѣлаетъ:

Шаманъ садится посреди комнаты на скамейку или сун-дукъ, въ которомъ не должно быть ни ножа, ни пуль, ни иголки, и ни какихъ другихъ опасныхъ вещей, въ особенности изъ стали и желѣза. Вокругъ него усаживается, обыкновенно, множество зрителей; только противъ него никто не долженъ усадиться. Шаманъ сидитъ оборотясь лицомъ къ двери и при-творяется, будто ничего не видитъ. Въ правой рукѣ онъ дер-житъ палочку, одна сторона которой гладкая, а другая покры-та таинственными знаками и фигурами; въ лѣвой—двѣ стрѣлы, обращенныя остріемъ вверхъ; къ каждому острію привязанъ небольшой колокольчикъ. Нарядъ шамана не представляетъ ни чего особеннаго: обыкновенно, на этотъ случай онъ наряжается въ платье прибѣгнувшаго къ его помощи. Заклинаніе начи-нается тѣмъ, что шаманъ затягиваетъ торжественную пѣснь, могущественными словами которой призываетъ духовъ. Во все время пѣнія, онъ слегка ударяетъ волшебной палочкой по рукоятямъ стрѣлъ, и колокольчики звенятъ въ тактъ. Присут-ствующіе слушаютъ съ глубокимъ вниманіемъ пѣніе восторжен-наго духовидца. Какъ скоро духи начинаютъ появляться, ша-манъ встаетъ и начинаетъ плясать; пляска его сопровождается весьма трудными и искусными движеніями. При этомъ онъ безостановочно продолжаетъ пѣть и звенѣть колокольчиками. Содержаніе пѣсни—разговоръ съ духами, и поется то съ боль-шимъ, то съ меньшимъ одушевленіемъ:

Придите, придите,
Духи волшебные!
Вы не придете,—
Я къ вамъ приду.

Пробудитесь, пробудитесь,
Духи волшебные!
Я къ вамъ пришелъ,
Пробудитесь отъ сна!

Если возрастаетъ одушевленіе шамана, то въ нѣніи принимаютъ участіе и присутствующіе, которыя слова его; если понижается,—они сидятъ безмолвными слушателями. Вообще, кто не присутствовалъ при обрядѣ съ самаго начала, тотъ не можетъ участвовать въ нѣніи. Женскій полъ во всякомъ случаѣ не имѣетъ на это права, и въ Томской губерніи нѣтъ шамановъ женскаго пола. Добывъ всѣми этими продѣлками нужныя свѣдѣнія, шаманъ объявляетъ волю боговъ вопрошавшему. При вопросахъ о будущемъ—онъ бросаетъ передъ любопытствующими свою волшебную палочку и, если она ляжетъ сторопой, на которой находятся знаки, внизъ, то это обозначаетъ близкое несчастіе; въ противномъ же случаѣ все будетъ по желанію.

Какъ вездѣ между Самоѣдами, такъ и въ Томской губерніи шаманы знаютъ нѣсколько фокусовъ, которыми ослѣпляютъ легковѣрную толпу, и пріобрѣтаютъ ея довѣріе. Въ Томской губерніи обыкновеннѣйшая ихъ продѣлка, изумляющая не только Самоѣдовъ, но и Русскихъ,—состоитъ въ слѣдующемъ. Шаманъ садится на разложенную посреднѣ пола сухую оленью шкуру; велитъ присутствующимъ связать ему руки и ноги, закрыть ставни, и затѣмъ принимается вызывать подвластныхъ ему духовъ. И вотъ—въ темной юртѣ начинается непостижимая чертовщина. Въ разныхъ частяхъ ея и даже внѣ ея слышатся голоса, по сухой кожѣ скребутъ и барабанятъ въ тактъ, медвѣди ворчатъ, змѣи шипятъ, бѣлки скачутъ. Наконецъ, шумъ прекращается и слушатели съ петерпѣніемъ ожидаютъ, чѣмъ все это кончится. Нѣсколько мгновеній проходитъ въ этомъ ожиданіи, и что же? Дверь юрты отворяется и шаманъ входитъ со двора, не связанный ни порукамъ, ни по ногамъ. И всѣ увѣрены, что въ юртѣ барабанили, голосили, ворчали и шипѣли Лохеты, и что они же развязали шамана и вынесли его изъ юрты тайными путями. Впрочемъ, эта продѣлка гораздо искуснѣе обычной грубой продѣлки сѣверныхъ шамановъ (въ Архангельской и Тобольской губерніяхъ), состоящей въ томъ, что они позволяютъ стрѣлять въ ихъ голову пулею,—при чемъ иногда платятся и жизнію.

Коснувшись шаманства Самоѣдовъ Томской губерніи, мы считаемъ нелишнимъ привести здѣсь мнѣніе вообще о шаманствѣ одного изъ извѣстныхъ нашихъ оріенталистовъ—о. Іакинѳа.

Слово *шаманъ*, по объясненію Іакинѳа, заимствовано отъ тунгузскаго слова *Саманъ*, которое означаетъ человѣка, соеди-

дѣніе о шаманствѣ мы получили въ одно время съ покоренiемъ Сибири отъ простыхъ казаковъ, игравшихъ такую важную роль въ этомъ покоренiи. Наши ученые путешественники не довольствовались разсказами этихъ людей, но старались лично удостовѣриться въ справедливости ихъ. Они видѣли шамановъ и шаманокъ, совершающихъ мифическiе обряды и, судя по странностямъ ихъ дѣйствiямъ при этомъ, единогласно заключили, что шаманство есть ремесло, которымъ хитрые шарлатаны, подъ благовидными предлогами, грубо обманываютъ легковѣрныхъ простаковъ изъ личныхъ выгодъ. Въ Европѣ долго вѣрили этому мнѣнiю, пока наши миссiонеры въ Китаѣ не узнали устава шаманскаго служенiя, изданнаго въ Пекинѣ по маньчжурски въ 1747 г. Съ этого времени открылось, что мы очень обманывались въ своихъ мнѣнiяхъ насчетъ шаманства. То, что намъ казалось грубымъ обманомъ въ кочевыхъ шарлатанахъ, составляетъ религiю, господствующую нынѣ при китайскомъ дворѣ и Маньчжурiи. Въ вышеупомянутомъ уставѣ обряды ея изложены въ стройной системѣ; но кочевые сибирскiе шаманы, изучая обряды шаманства по устнымъ преданiямъ, съ теченiемъ времени не могли не обезобразить ихъ грубыми измѣненiями и добавленiями, происходившими отъ ихъ невѣжества, хотя со всѣмъ тѣмъ удержали существенныя части шаманскаго служенiя, которое состоитъ въ жертвоприношенiи небу и онгонамъ, т. е. силѣ, управляющей мiромъ, Богу и душамъ людей, которые въ этой жизни дѣлали добро людямъ, да и по смерти продолжаютъ благотворить имъ (Кит. въ гражд. и нрав. отн. ч. III, стр. 54, 67).

Кромѣ чародѣйственнаго богослуженiя, Томскiе Самоѣды сохранили еще и другiе остатки старины, между которыми наиболѣе заслуживаютъ упоминанiя ихъ богатырскiя пѣсни. Въ Томской губернiи они называются Küeldet или Küeldshut (древность). Въ нихъ воспѣваются, обыкновенно, богатыри—imadur—слово, которымъ Томскiе Самоѣды въ тоже время называютъ и древнюю Чудь. Вотъ одна изъ такихъ пѣсень, записанная Кастреномъ въ Томской губернiи.

„При устьѣ рѣки родился богатырь. Еще лежитъ онъ въ колыбели, а уже думаетъ, что пора подумать о невѣстѣ. И вылезаетъ онъ изъ колыбели, и садится на желѣзный полъ. Помня о родинѣ, рѣшается онъ посовѣтываться на счетъ этого съ отцомъ. Отецъ же жилъ въ другомъ отдаленномъ мѣстѣ и путь къ нему былъ не легокъ, потому что шелъ подъ землею.

Между тѣмъ, какъ богатырь сидитъ и раздумываетъ о трудностяхъ пути, желѣзный полъ растворяется самъ собою. Богатырь смѣло спускается въ отверстіе, идетъ семь дней подземною дорогой и наконецъ добирается до отцовскаго жилища. Прибывши, онъ обращается къ отцу съ такими словами: „ты объѣздилъ цѣлый міръ; не нашелъ ли ты для меня жены?“ Отецъ отвѣчаетъ, что не нашелъ, и совѣтуетъ самому поискать себѣ жену. Богатырь довольствуется этимъ и хочетъ отправиться въ горный замокъ и добыть себѣ руку царской дочери. Отецъ одобряетъ это рѣшеніе и богатырь возвращается въ свое жилище. Возвратясь домой—онъ тотчасъ же вооружается мечемъ и лукомъ, садится на орла и несется по воздуху. Пролетѣвъ семь дней по направленію къ югу, орелъ садится на дерево, не вдалекѣ отъ горнаго замка. Богатырь сидитъ и посматриваетъ съ дерева. Видитъ онъ, у берега расположились три богатыря, приплывшіе изъ странъ чуждыхъ, и въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ нихъ еще семь другихъ богатырей. А въ замкѣ пируютъ. Просидѣвши семь дней на деревѣ, богатырь обращается въ соболя и сползаетъ въ этомъ видѣ на землю. Затѣмъ, принявъ опять свой собственный видъ, онъ пробирается въ царское жилище, и прячется за печь. Царь замѣтилъ его, но не показываетъ этаго. И между тѣмъ, какъ богатырь лежитъ за печью, царь и его семь сыновей сидятъ вокругъ стола и пьютъ. И пьютъ они цѣлые семь дней, а въ седьмой день царь встаетъ и спрашиваетъ у своихъ сыновей: кто бы такой былъ человѣкъ, прокравшійся въ комнату и спрятавшійся за печь? Тогда встали и сыновья, подошли къ невѣдомому богатырю и двое, взявъ его за обѣ руки, начали поднимать его. Но старшіе, хотя и двое, не могли поднять богатыря и, заплакавши, отошли прочь. Наконецъ, подошелъ и младшій сынъ и одинъ поднялъ лежащаго Тогда царь вновь устроилъ пиръ, посадилъ пришельца за столъ, и велѣлъ младшему сыну привести сестру и посадить ее рядомъ съ богатыремъ, что бы она стала его женою. Свадебный пиръ продолжался семь дней, и затѣмъ богатырь простился и вмѣстѣ съ невѣстой возвратился къ дереву, на которомъ оставилъ орла своего. Когда же чужестранные богатыри, расположившіеся у берега, увидѣли его вмѣстѣ съ царскою дочерью, которую и имъ хотѣлось добыть, гнѣвъ запылалъ въ сердцахъ ихъ. Одинъ изъ нихъ натянулъ свой лукъ, пустилъ стрѣлу въ замокъ и разломалъ мѣдную его крышу. Тогда одинъ изъ сыновей царя выбѣжалъ изъ замка, съ мечемъ въ рукѣ, и убилъ чужеземнаго богатыря, но и самъ нашелъ тутъ смерть свою. Такая же смерть постигла и

нятерыхъ другихъ братьевъ убитаго, выходившихъ другъ другу на помощь. Когда же сестра увидѣла съ дерева смерть братьевъ своихъ, она начала плакать горько. Тогда мужъ спустился съ дерева въ видѣ соболя, и въ тоже время вышелъ изъ замка и младшій сынъ царской. Богатырь велѣлъ своему шурину возвратиться въ замокъ, натянулъ лукъ свой, пустилъ стрѣлу, и она угодила въ грудь одного изъ чужеземныхъ витязей, и потомъ полетѣла дальше и убила на пути пятьсотъ мужей. Потомъ она, сама собою, возвратилась назадъ къ богатырю, и пронзила еще пять сотъ другихъ мужей. И такъ точно всякій разъ, когда богатырь натягивалъ свой лукъ и пускалъ стрѣлу въ богатырей, стоявшихъ на берегу. Каждый разъ падала тысяча мужей. И когда стрѣла слетала девять разъ и девять разъ возвратилась, глядь—ни одного изъ чужеземныхъ богатырей не было уже въ живыхъ. Богатырь снова обратился въ соболя, вползъ на дерево, посмотрѣлъ на всѣ стороны и увидалъ своего орла,—но не увидалъ своей жены. Во время битвы, она улетѣла на своемъ орлѣ къ сѣверу. Богатырь пустился послѣдамъ ея и скоро достигъ замка семи богатырей. Орелъ его такъ сильно ударилъ грудью въ мѣдную крышу замка, что она разрушилась и задавила трехъ богатырей. Богатырь требуетъ жену свою; но остальные богатыри отказываютъ подъ тѣмъ предлогомъ, что она сама пришла въ ихъ замокъ. Тогда началась битва, въ которой всѣ богатыри замка нашли смерть свою. Но во время битвы жена его опять улетѣла въ другой замокъ, въ которомъ было тридцать пять богатырей и множество другаго люда. Не смотря на то, богатырь не испугался и направилъ своего орла на мѣдную крышу замка, и она разрушилась и задавила двухъ богатырей. И въ этомъ замкѣ—братья богатыри не хотѣли выдавать скрывшейся, предлагая выдать вмѣсто ея собственную сестру свою. Но нашъ богатырь этимъ не удовольствовался, и началъ битву со всѣми богатырями и мужами замка. И только что онъ началъ битву, какъ на помощь къ нему подосѣлъ шуринъ его, принявшійся на крылатомъ орлѣ. Два богатыря эти принялись общими силами побивать богатырей, и изъ послѣднихъ оставалось уже не много. Подъ конецъ едва не лишился жизни и самъ герой нѣсни. Одинъ изъ вражескихъ богатырей былъ такъ силенъ, что пущенная имъ стрѣла безостановочно цѣлые семь дней летѣла въ грудь нашего героя. Затѣмъ одинъ изъ богатырей, разрубленный на двое, снова ожилъ, и такъ жестоко напалъ на героя нѣсни, что только помощь шурина спасла его отъ смерти. Тутъ онъ уже утомился совершенно, и шуринъ, одинъ покончившій битву, отвелъ его на покой. Богатырь спалъ затѣмъ

семь лѣтъ, и когда пробудился—жена и шуринъ сидѣли подлѣ него. Тутъ богатырь потребовалъ, чтобы шуринъ судилъ свою сестру; но онъ отказался судить чужую жену, и богатырь самъ пронзилъ и посадилъ ее на колъ. Изъ богатырей же замка одинъ остался однако же въ живыхъ, и онъ отдалъ за симъ сестру свою въ жены богатырю. Свадьбу пировали семь дней и за тѣмъ богатырь съ своею женою и съ шуриномъ возвратился къ устью рѣки. Здѣсь опять было пиршество, которое кончилось тѣмъ, что шуринъ, въ награду за свои великія услуги, получилъ въ жены сестру богатыря."

Пѣсни этого рода въ величайшемъ уваженіи у Самѣдовъ. Съ религіознымъ почти благоговѣніемъ прислушиваются они къ каждому слову, срывающемуся съ устъ пѣвца. Точно также, какъ и шаманъ, сидитъ пѣвецъ на скамейкѣ или на сундукѣ, по срединѣ юрты, а слушатели располагаются вокругъ него. Въ Томской губерніи Кастренъ замѣтилъ, что пѣвецъ старается выразить тѣлодвиженіями участіе, принимаемое имъ въ своемъ героѣ. Тѣло его трясется, голосъ—дрожитъ, лѣвою рукою онъ безпрестанно закрываетъ глаза, полные слезъ, а въ правой держитъ стрѣлу, обращенную остріемъ къ полу. Слушатели сидятъ, обыкновенно, безмолвно; но когда богатырь погибаетъ или взвивается на крылатомъ орлѣ къ облакамъ,—у нихъ вырывается громкое *хее*, соотвѣтствующее нашему *ура*.

Гораздо менѣе уважаются пѣсни лирическаго содержанія. Онѣ и не переходятъ изъ рода въ родъ; но родятся и умираютъ мгновенно. Полагаютъ, что не стоитъ помнить ихъ, потому что каждый способенъ выражать и радость и горе своего сердца. Сочиненіе пѣсни Самоѣдъ не почитаетъ важнымъ дѣломъ; но способность спѣть и спѣть хорошо—для него рѣдкій и высоко чтимый талантъ. Голосъ и мелодія, по мнѣнію Самоѣдовъ, главное въ лирической пѣсни; отъ содержанія требуется только, чтобы оно просто и понятно выражало обыкновенныя ощущенія и представленія. Впрочемъ, въ Томской губерніи Кастрену не удалось записать ни одной лирической импровизаціи, потому что здѣшніе Самоѣды достигли уже той степени образованія, при которой пѣсенное вдохновеніе приходитъ уже не всегда, тѣмъ менѣе по заказу.

Вотъ нѣсколько образчиковъ лирики сѣверныхъ Самоѣдовъ.

1) Плачъ жены на смерть мужа.

Когда меня выдали замужъ, горько плакала я объ разлу-

кѣ съ своею матерью; послѣ же, какъ прожила нѣсколько времени вмѣстѣ съ милымъ мужемъ, то миновалось грустное воспоминаніе о моей матери. Прежде думала я, что нѣтъ болѣе печальнаго прощанія, какъ только при разлукѣ съ матерью; но теперь я думаю иначе. Умеръ мой мужъ: и я оплакиваю его сильнѣе, чѣмъ ранѣе оплакивала свою мать. Мужъ оставилъ четырехъ сыновей; забуду ли ихъ и мою печаль когда нибудь? Такова теперь моя жизнь, что одну половину моей печали потоплю въ слезахъ, другую стану облегчать пѣснями. Ни когда мой мужъ не встанетъ изъ гроба, никогда я не увижу его болѣе.

2) Мщеніе жены.

Безплодна я, за то и нелюбитъ меня мужъ. Есть дѣти у всѣхъ моихъ свояченицъ и онѣ пользуются любовью своихъ мужей. Въ ихъ сани мужья запрягаютъ лучшихъ оленей, а мой выбираетъ наихудшихъ. Каждый разъ, когда мы ѣдемъ вмѣстѣ, я должна за узду почти тащить моего оленя, а сама идти пѣшкомъ. Другіе братья моего мужа помогаютъ своимъ женамъ при крутыхъ спускахъ, чтобъ онѣ не опрокинулись; но мнѣ мой мужъ—никогда. Съ этой печали однажды я сердито погнала съ горы своего оленя, наѣхала на свояковъ и изломала ихъ сани. Чтобы на будущее время отклонить отъ себя подобное наказаніе, мой мужъ началъ лучше обходиться и болѣе обо мнѣ заботиться.

3) Мщеніе мужа.

Убили они моего друга. Они связали его, положили его на сани и увезли его прочь (изъ юрты). Они увезли его на берегъ рѣки и повѣсили его между двумя соснами; „ты“, сказалъ убійца, „жилъ въ любовныхъ связяхъ съ моею женою, зато и долженъ расплатиться жизнію“.

4) Свадебная пѣсня.

Слушай, братъ! (двоюродный). Нынѣ я мою дочь отдалъ твоему сыну—съ тѣмъ чтобы ей болѣе ко мнѣ не возвращаться. Смотри! Вотъ оленья голова зажарена на огнѣ, поэтому да не будемъ жить въ разладѣ. На всю жизнь мы вступаемъ въ родство. Прошу, не поступать строго съ моей дочерью! Я училъ ее: жить въ мирѣ съ своимъ мужемъ и повиноваться

ему. Моя жена при всякомъ случаѣ уговоривала ее жить согласно. И такъ мы ѣдемъ теперь домой, но ты, моя дочь, не гляди на насъ и не плачь! Я отдалъ тебя замужъ за него, чтобы ты могла жить и умереть въ собственной юртѣ. Отецъ и мать! Поцѣлуйте вашу дочь и скажите ей: „прощай!“

Какъ южные, такъ, еще болѣе, сѣверные Самоѣды, кромѣ пѣсенъ, любятъ и сказки. Замѣчательно, однакожъ, что большая часть ихъ сказокъ болѣе или менѣе заимствована отъ другихъ народовъ. По крайней мѣрѣ, въ Томской губерніи Кастренъ не нашелъ ни одной совершенно туземнаго происхожденія.

Что касается до старинныхъ обычаевъ, нравовъ и учрежденій Самоѣдовъ, то въ Томской губерніи они по большей части уже позабыты. Однако же о чудскихъ могилахъ (Самоѣд. Іасф). во множествѣ встрѣчающихся въ Томской губерніи, сохранилось слѣдующее преданіе: „прежде у отцовъ нашихъ былъ обычай погребать мертвыхъ надъ поверхностью земли. Покойника клали въ гробъ и съ нимъ вмѣстѣ клали въ послѣдній и кое—что изъ его имущества, какъ на примѣръ—одежды, лукъ, стрѣлы, топоръ, ножъ, ложку, котелъ и т. п. На все это навалился земляной холмъ, потому что боялись имѣть мертвыхъ близко передъ глазами, а кромѣ того желали и защитить ихъ отъ дикихъ звѣрей“. Таково общее преданіе о чудскихъ могилахъ въ Томской губерніи; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ прибавляли къ этому еще, что Чудь погребала подъ однимъ холмомъ всѣхъ членовъ семьи. А такъ, какъ гробы, по разсказамъ, ставились не рядомъ, а одинъ надъ другимъ, то и холмъ мало по малу возрастать до необыкновенной высоты. Нѣкоторыя Чудскія могилы, какъ говорятъ, и теперь еще весьма велики, хотя съ тѣхъ поръ они, естественно, должны были значительно понизиться. Изъ открытій, сдѣланныхъ въ Чудскихъ могилахъ, Кастренъ слышалъ только о жѣлѣзныхъ стрѣлахъ и человѣческихъ костяхъ и что тѣ и другія величины необыкновенной. Такъ какъ стрѣлы, особенно же человѣческія кости, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и самые высокіе холмы, положительно приписываются чуждому народу, то и оказывается, что о Чудскихъ могилахъ ходятъ два различныя преданія. Одно принимаетъ, что настоящіе предки Самоѣдовъ, именно народъ, который Русскіе называютъ Чудью; другое темно намекаетъ на народы изчезнувшіе. Первое имѣетъ рѣшительно историческое основаніе, ибо обычай хоронить надъ землею существуетъ еще и до нынѣ у сѣверныхъ Самоѣдовъ, которые, однакожъ, сколько из-

ѣстно, ни когда не засыпаютъ гроба землею. Для дознанія стинности другаго преданія, связывающаго съ нѣкоторыми удскими могилами память о другомъ, чуждомъ народѣ, необ одимо точное изслѣдованіе этихъ могилъ. Такого изслѣдова-ія Кастренъ не могъ сдѣлать, потому что проѣхалъ по Том-ской губерніи въ самые холодные мѣсяцы года. Опираясь, од-акожь, на преданіе, онъ признаетъ возможнымъ допустить, то нѣкоторыя Чудскія могилы, можетъ быть, остатки фин-скихъ народовъ. Дознано, что Остяки, Лопари, Финны и другіе ихъ соплеменники хоронили своихъ покойниковъ также въ зем-ляныхъ холмахъ. Что прежде пришествія Самоѣдовъ, эти на-роды были туземцы въ этомъ краю,—этого конечно нельзя до-казать съ совершенною ясностью; тѣмъ не менѣе это однакожь весьма вѣроятно, потому что и до сихъ поръ Угрскіе Финны, ближайшіе сосѣды Самоѣдовъ, кажется, пришли сюда, какъ и они, съ юга. Кромѣ того, должно также упомянуть, что въ Томскомъ краѣ многія названія—мѣстностей совершенно фин-скаго происхожденія.

Обратимся теперь къ настоящему быту Томскихъ Самоѣ-довъ. Въ этомъ отношеніи должно тщательно отличать Самоѣ-довъ, живущихъ по самой Оби, отъ тѣхъ, которые живутъ по притокамъ ея. Первые приняли уже вообще бытъ русскихъ крестьянъ и отличаются отъ нихъ только большею грубостью манеръ, большею бѣдностью, лѣнью, тупоумiемъ и совершен-нымъ отсутствiемъ всякаго стремленія къ умственному и хо-зяйственному улучшенію. Они живутъ въ избахъ, построенныхъ и расположенныхъ по образцу русскихъ, только что онѣ мень-ше, темнѣе и сверхъ того холодны, грязны, безъ всякой необ-ходимой домашней утвари и во всѣхъ отношеніяхъ не прочны, ва что Русскіе и называютъ ихъ юртами. Главнѣйшій промы-селъ какъ ихъ, такъ и Русскихъ—рыболовство, которое продол-жается круглый годъ и производится почти такимъ же обра-зомъ, какъ по Иртышу и по нижней Оби. Здѣсь туземцы не имѣютъ, впрочемъ, исключительнаго права на рѣку: рыбныя мѣста раздѣлены между Русскими, Самоѣдами и Татарами. Звѣроловство по Оби не представляетъ особенныхъ выгодъ; имъ занимаются только самые бѣдные Самоѣды, которые для этой цѣли уходятъ въ отдаленныя тайги. Какъ Русскіе, такъ и Са-моѣды занимаются здѣсь и скотоводствомъ, но успѣху этой отрасли хозяйства сильно препятствуютъ внѣшнія неблагопріят-ныя обстоятельства, въ особенности же ежегодно свирѣпству-ющіе падежи. Земледѣліе совершенно неизвѣстно Томскимъ

Самоѣдамъ, хотя климатъ и не препятствуетъ ему ни сколько, по крайней мѣрѣ выше Нарыма, гдѣ многіе Русскіе занимаются имъ. Идти въ батраки къ русскимъ крестьянамъ или купцамъ—послѣднее средство въ крайности, и какъ Остяки, такъ и Самоѣды почитаютъ это не лучше самаго тяжелаго тюремнаго заключенія. Важный также для Томскихъ Самоѣдовъ промыселъ—извозничество. Кромѣ того, между ними встрѣчаются—искусные кузнецы, плотники, столяры и другіе ремесленники.

Что же касается до Самоѣдовъ, живущихъ по Тыму, Нарабелѣ и другимъ притокамъ Оби, то они совершенно сходны съ сургутскими Остяками, хотя конечно русская образованность укоренилась между первыми гораздо глубже, нежели между послѣдними. Вслѣдствіе этого, Томскіе Самоѣды, даже въ отдаленныхъ мѣстахъ, начали строиться и жить по образцу Русскихъ; но юрты все еще продолжаютъ существовать какъ временныя жилища, которыми пользуются во время охоты и рыбной ловли. По Тыму и верхней Кети русскія избы не вошли еще и совсѣмъ въ употребленіе: тутъ и до сихъ поръ постоянныя жилища—торфяныя юрты, а временныя берестеныя, не говоря о шалашахъ охотниковъ. Постройкою и прочимъ юрты Самоѣдовъ ни сколько не отличаются отъ остяцкихъ.

Верхнее платье Томскихъ Самоѣдовъ состоитъ изъ короткой, шерстью наружу, оленьей шубы, распахивающейся спереди, у мужчинъ она ровная, а у женщинъ съ нѣсколькими складками назади. Обувь также изъ оленьей шкуры, съ длинными голенищами, частію изъ толстаго сукна, частію изъ мягкой оленьей кожи, которыя замѣняютъ штаны. Головной покровъ у мужчинъ высокій и острокопечный; у женщины—плоскій и закругленный: первый изъ мягкаго оленьяго мѣха, второй изъ бѣличьяго или горностаеваго. Вообще, острокопечная форма пользуется у Самоѣдовъ большимъ уваженіемъ; отъ того и кумиры ихъ изображаются съ заостреннымъ черепомъ. Годъ отъ году уменьшающееся число оленей, а вмѣстѣ съ тѣмъ и успѣхи цивилизаціи заставили какъ Самоѣдовъ, такъ и Остяковъ промѣнять свои мѣховыя одежды изъ оленьей шкуры на русское платье, которое здѣсь состоитъ по преимуществу изъ кафтана толстаго сукна, покроемъ похожаго на Самоѣдско—остяцкую оленью шубу. Русскіе называютъ его зипупомъ, Самоѣды—kundseh или kundje; его носятъ какъ у Самоѣдовъ, такъ и у Остяковъ оба пола, съ вышесказаннымъ генерическимъ различіемъ на спинѣ.

Какъ въ одеждѣ и жилищахъ, такъ точно и въ остальныхъ частяхъ хозяйства оказывается вліяніе Русскихъ на лѣсныхъ Самоѣдовъ. Въ особенности замѣчательно то, что по Кети, Нарабелѣ, Чаѣ и Чулыму мѣстами начинаютъ уже, при собакахъ держать и лошадей; рогатый же скотъ есть только на Чулымѣ, а овецъ нѣтъ ни по одному изъ поименованныхъ притоковъ. Употребленіе соли и хлѣба, которое у лѣсныхъ Самоѣдовъ, смотря по степени ихъ зажиточности, сдѣлалось болѣе или менѣе общимъ, должно приписать также вліянію русской цивилизаціи. Впрочемъ, вообще лѣсной Самоѣдъ ѣстъ хлѣбъ только тогда, когда у него нѣтъ мяса. Сѣверные Самоѣды ѣдятъ охотнѣе сырое мясо; южные же, томскіе, считаютъ это грѣхомъ, а потому мясо лосей, оленей, зайцевъ, бѣлокъ обыкновенно варятъ или жарятъ, а птичье вялятъ на солнцѣ. Волковъ, лисицъ, соболей, рассомахъ Томскіе Самоѣды не ѣдятъ. По древнему, благоговѣйному уваженію къ медвѣдю, неохотно ѣдятъ и мясо „дѣда“, какъ они его называютъ. Есть даже повѣрье, что охотникъ, ѣвшій медвѣжье мясо, будетъ и самъ сожранъ медвѣдемъ. Но занимающіеся звѣроловствомъ рискуетъ тутъ меньше; но во всякомъ случаѣ строго соблюдается всѣми правило не ѣсть медвѣжатину и рыбу въ одно время, потому что отъ такого смѣшенія пропадаетъ въ рѣкѣ вся рыба. Рыбу Самоѣды употребляютъ въ пищу и сырую и жареную, вареную, сушеную и соленую. Извѣстно, что всѣ туземные обитатели Сибири употребляютъ сырую рыбу, отчасти и сырое мясо, какъ цѣлебное средство противъ скорбута. Другія медицинскія средства Самоѣдовъ ограничиваются: трутомъ, сассапарилью, которая называется здѣсь *дорогою травой*, пашатыремъ и нѣсколькими простыми декоктами. Выше всякаго врачебнаго средства почитается непосредственная помощь шамана.—Кромѣ мяса и рыбы, другихъ яствъ у лѣсныхъ Самоѣдовъ не много, да и тѣ, кажется, заимствованы у Русскихъ и Татаръ. Изъ всѣхъ слѣдуетъ упомянуть по преимуществу о двухъ, извѣстныхъ во всей сѣверной Россіи подъ названіемъ *бурдука* и *саламаты*. Первое—жидкая кашица, варимая въ водѣ; вторая—густая, вкусная каша, которая, смотря по обстоятельствамъ, варится съ масломъ, рыбнымъ жиромъ, налимовыми печенками и т. п.

Сказавъ вкратцѣ о жилищахъ, одеждѣ и пищѣ лѣсныхъ Самоѣдовъ, упомянемъ о вседневныхъ ихъ работахъ и занятіяхъ.

На дворѣ осень. Самоѣды сидятъ въ своихъ маленькихъ

деревушкахъ, занятые каждый приготовленіями къ предстоящей охотѣ. Мужчины куютъ и столярничаютъ, женщины шьютъ и пекутъ. Только что установится зима—вся деревня начинаетъ снаряжаться къ отъѣзду. Каждая семья приготовляетъ для себя нѣсколько такъ называемыхъ партъ, то есть маленькихъ саней, въ которыя запрягаютъ собакъ. Эти парты нагружаются мукой, хлѣбомъ, сухарями, крупой, рыбой и другими съѣстными припасами, одеждой, топорами, ножами, берестяной юртой, охотничьими снарядами и т. п. Обыкновеннѣйшіе охотничьи снаряды Томскихъ Самоѣдовъ ружье, лукъ (end), западня для бѣлокъ (lada), западня для лисицъ (tjaphos), родъ меча съ длинною рукоятью (teaga), замѣняющій рогатину, и самострѣлъ, ставимый на землю и снабженный волосянымъ шнуромъ, отъ малѣйшаго прикосновенія къ которому стрѣла летитъ прямо въ цѣль; этотъ самострѣлъ—снарядъ весьма опасный, причиняющій не мало бѣдъ: отъ него Кастренъ едва не лишился жизни. Въ парты же укладываютъ и маленькихъ дѣтей. Затѣмъ въ каждую парту запрягаютъ по двѣ, по три и по четыре собаки, смотря по достаткамъ хозяина. Лошади, безполезныя въ эту пору, оставляются въ деревнѣ, безъ всякаго о нихъ попеченія, кромѣ того, что ихъ снабжаютъ на нѣсколько мѣсяцевъ запасомъ сѣна, которое сваливается въ отворенный сарай, служащій вмѣстѣ и конюшней. Иногда въ деревнѣ оставляется сторожъ; а по Чулыму женщины и дѣти всегда остаются дома, на охоту же отправляются одни мужчины. Справивъ всѣ приготовленія, семьи отправляются въ лѣса и пустыни, каждая по своему направленію. Каждое семейство съ незапамятныхъ временъ имѣетъ свои особенные рыболовные и звѣроловные участки. Въ случаѣ же размноженія семей, старшина, обыкновенно называемый здѣсь *Князцомъ*, вмѣстѣ съ общиною, отводитъ особенный участокъ, въ предѣлахъ котораго каждое новое семейство имѣетъ неоспоримое право ловить звѣрей и рыбу. Отецъ семейства становится во главѣ поѣзда, прокладываетъ дорогу своими лыжами и высматриваетъ дичь. За нимъ по пятамъ слѣдуютъ прочіе члены семьи, которые также бѣгутъ на лыжахъ, правятъ собаками и помогаютъ имъ тащить парты. Такъ тянутся они отъ утра до вечера. Начнетъ смеркаться и маленькій караванъ останавливается; разбиваютъ берестенную юрту, ставятъ котелъ на огонь и, утомленные странствованіемъ по лѣсу, путники отдыхаютъ, сидя во—кругъ согрѣвающаго огня. Съ разсвѣтомъ, караванъ уже снова въ движеніи. Чрезъ нѣсколько дней добираются наконецъ до своего мѣста охоты. Здѣсь они большею частію находятъ уже гото-

вую бревенчатую или досчатую юрту прежнихъ годовъ; въ случаѣ же отсутствія ея довольствуются и берестяной. И вотъ Самоѣдъ начинаетъ охотиться, бродя по окрестнымъ лѣсамъ. Каждый день съ утра до вечера, онъ въ безпрестанномъ движеніи; иногда онъ и ночуетъ въ снѣжномъ сугробѣ. Онъ стрѣляетъ, разставляетъ и осматриваетъ свои капканы, поднимаетъ звѣря и т. п. Обыкновеннѣйшіе звѣри въ Томской губерніи— бѣлки, горностай, заяцъ, лисица, лось, олень, волкъ, рассомаха, медвѣдь, соболь, выдра, бобръ. Соболь попадается только на лѣвой сторонѣ Оби, а лось въ сѣверныхъ частяхъ этой страны рѣдокъ. Лисицъ и соболей здѣсь впрочемъ вездѣ не очень—то много, а бобръ изчезъ почти совершенно.

Дикій олень водится въ здѣшней странѣ преимущественно зимою; но если осенью выпало мало снѣгу, то и его бываетъ мало. Самый выгодный ловъ это ловъ бѣлокъ, производящійся здѣсь въ такихъ огромныхъ размѣрахъ, что одно семейство ставитъ на нее до 500 ловушекъ, располагаемыхъ въ нѣсколько небольшихъ кружковъ. Для приманки каждая ловушка снабжается рыбой. Самоѣды жалуются однакожъ на рассомахъ, которыя съѣдаютъ часто приманку и портятъ ловушки.—Въ охотѣ принимаютъ участіе даже женщины и дѣти; они не отходятъ однакожъ далеко отъ юрты и ловятъ преимущественно бѣлокъ. Во время отсутствія родителей, дѣти остаются безъ всякаго призору, на произволъ судьбы; слишкомъ же рѣзвыя привязываются къ юртѣ на веревку. Когда подъ вечеръ члены семьи возвратятся изъ лѣсу и усядутся вокругъ кипящаго котла, каждый имѣетъ разсказать какое—нибудь съ нимъ приключеніе, а не случилось ничего— разсказываютъ сказки. Такъ проходитъ день за днемъ, недѣля за недѣлей въ трудахъ, нуждѣ и лишеніяхъ всякаго рода. Передъ Рождествомъ они возвращаются для празднованія его въ деревнѣ. Рождественскія занятія ихъ скорѣе можно назвать время—препровожденіемъ, нежели работой. Они ловятъ рыбу, дѣлаютъ поѣздки на лошадяхъ, продаютъ добытое близь какого либо кабака и запасаются новыми жизненными потребностями. Въ концѣ января или началѣ февраля Самоѣды отправляются снова въ лѣса и остаются тамъ до поры, когда дороги начнутъ уже портиться. Возвратившись домой, въ продолженіе короткой весны, Самоѣдъ готовится къ предстоящей рыбной ловлѣ. Съ вскрытіемъ рѣкъ и озеръ, деревня снова пустѣетъ: жители ея плаваютъ въ своихъ маленькихъ челнокахъ отъ берега къ берегу, отъ одного рыбнаго угодья къ другому.

На каждомъ они разбиваютъ берестяную юрту, всегдашнюю спутницу Самоѣда. Такъ же, какъ и Томскіе Остяки, Томскіе Самоѣды ловятъ рыбу сѣтями, вершами, неводами, крючьями, заколами и т. д. Рыбная ловля продолжается безостановочно до начала Сентября, времени сѣнокоса, охоты за тетеревами и сбора брусники и кедровыхъ орѣховъ. По окончаніи этихъ занятій, рыбная ловля продолжается еще до самыхъ зимнихъ морозовъ. Тутъ каждая семья возвращается уже домой съ сбереженными для собственнаго употребленія запасами сушеной рыбы.

Въ Нарымскомъ краѣ считается Остяковъ до 1090 д. о. п., а Самоѣдовъ—до 6520 д. о. п.

III.

Теперь обратимъ вниманіе на производительныя силы Нарымскаго края и на промышленность страны.

Почва Нарымскаго края, покрытая во многихъ мѣстахъ слоемъ чернозема, хорошо производитъ растенія, свойственныя умѣреннымъ климатамъ и черноземнымъ почвамъ.

Изъ числа дикорастущихъ безплодныхъ хвойныя деревья-сосна, ель, пихта и лиственица растутъ здѣсь роскошно. Сосны бываютъ 5—7 четв. въ діаметрѣ, вышиною же 7—8 саж. Но, не смотря на такую высоту, вершины ихъ почти равны толщиною съ комлями, а стволы остаются большею частію безъ сучьевъ и только на вершинѣ бываютъ покрыты вѣтвями, какъ шапкою. Пихты и ели растутъ хотя и съ густыми вѣтвями, по свойству породы, но стволы ихъ ровны и достигаютъ 7—8 саж. вышины. Лиственица бываетъ вышиною 8—9 саженъ, а толщиной 6—8 четвертей.

Нужно при этомъ замѣтить, что лѣса Нарымскаго края вообще не прочны для построекъ, такъ что домъ, выстроенный изъ сосноваго лѣса, вѣтшаетъ въ теченіи 15—20 лѣтъ, и только постройки изъ кедра гораздо прочнѣе. Изъ пихтовыхъ же и еловыхъ лѣсовъ построекъ не производится, кромѣ рѣдкихъ случаевъ, и то жителями, поселившимися на лѣвомъ берегу Оби, гдѣ сосновый лѣсъ рѣдокъ и его трудно доставать изъ отдаленныхъ мѣстъ. Впрочемъ, и въ такомъ случаѣ въ жилыхъ постройкахъ сосна преимущественно замѣняется кедровымъ лѣ-

сомъ, а изъ пихты строятъ одинъ холодныя службы: амбары, сараи и проч. По этому о степени прочности въ постройкахъ пихтоваго и еловаго лѣсовъ туземцы не имѣютъ опредѣленнаго понятія, а о сосновыхъ лѣсахъ единогласно утверждаютъ, что они съ теченіемъ времени постепенно утрачиваютъ свою крѣпость и прочность.

Береза и осина растутъ на боровыхъ мѣстахъ по горамъ, по опушкѣ боровъ, на соровыхъ высокихъ мѣстахъ, толщиною отъ 8—10 вершковъ въ діаметрѣ, а вышиною отъ 8—12 арш. На высокихъ сорахъ много растетъ осокори, которая бываетъ въ діаметрѣ до 16—20 вершк. Осокори замѣчательны тѣмъ, что туземцы изъ нихъ дѣлаютъ себѣ долбленыя лодки разныхъ величинъ, отъ обласка до лодки для 25 человѣкъ. Изъ осокоревой коры дѣлаютъ вайлавья для неводовъ и поплавки или баклашки для самолововъ.

Кустарныя породы деревьевъ растутъ въ Нарымскомъ краѣ преимущественно по сорамъ, низменнымъ напоснымъ мѣстамъ. Здѣсь есть черноталъ, ракитникъ, тальникъ разныхъ породъ, верба и т. п. Въ борахъ изъ кустарныхъ породъ растетъ много вереску.

Къ самымъ лучшимъ и полезнѣйшимъ плодовымъ дикорастущимъ растеніямъ Нарымскаго края должно отнести кедръ. Онъ употребляется на постройку домовъ; изъ него дѣлаютъ мебель и другія домашнія подѣлки; кедровый орѣхъ составляетъ немаловажную отрасль промышленности, и обилію кедровыхъ лѣсовъ преимущественно должно приписать то, что въ краѣ водится въ большомъ количествѣ бѣлка и другой мелкій звѣрокъ, безъ котораго жители, особенно инородцы, были бы лишены одной изъ главныхъ статей пріобрѣтенія средствъ для своего существованія. Но жаль, что Нарымцы мало цѣнятъ кедровый лѣсъ, которому такъ много обязаны. Онъ уничтожается отчасти небреженіемъ жителей на ряду съ другими лѣсами, отчасти лѣсными пожарами. Кедръ начинаетъ цвѣсти въ началѣ Іюля, а въ половинѣ Августа на концахъ вѣтвей его появляются круглообразныя, маленькія смолистыя шишечки, которыя остаются въ одной величинѣ до Іюня мѣсяца будущаго года; только съ этого времени онѣ начинаютъ увеличиваться въ объемѣ и въ половинѣ Августа совершенно созрѣваютъ. Когда на вѣтви родится по одной—по двѣ шишки, то урожай орѣховъ считается малымъ; если же—три, четыре шишки, то

выйдетъ средній урожай, а самый обильный при 4, 5 и 6 шишкахъ. Урожаи кедровыхъ орѣховъ бываютъ періодическіе чрезъ 5 или 6 лѣтъ. Иногда сборъ ихъ простирается отъ 5 т. до 15 т. пудовъ. цѣною отъ 80 к. до 1 р. 20 коп. за пудъ. Главный сбытъ орѣховъ въ Томскѣ, Тюмени и Тобольскѣ. Не изслѣдовано, каждогодно ли цвѣтетъ кедръ, или только тогда, когда дерево полно плодородной силы. Положительно доказано только то, что послѣ сильныхъ урожаевъ шишъ появляется не ближе, какъ чрезъ годъ—два и три года, а сильные урожаи въ періодъ 5 и 6 лѣтъ. Небыло также сдѣлано наблюденій надъ кедровымъ деревомъ и не изслѣдовано причинъ, отъ чего являются урожаи не повсемѣстно, а только въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ, то, на примѣръ, по Кети, то по Васъ—югану. Даже и по одной рѣкѣ въ одной мѣстности урожаи бываютъ очень неравномѣрны. Иногда сильные урожаи бываютъ въ періодъ двухъ—трехъ лѣтъ, а иногда въ 5, 6 и 8 лѣтъ. Эти явленія наводятъ на слѣдующія предположенія.

Неповсемѣстные урожаи, надобно полагать, бываютъ отъ того, что кедровникъ растетъ на разныхъ мѣстахъ, на разныхъ грунтахъ. Гдѣ грунтъ земли сырѣе, влажнѣе отъ окружающихъ болотъ и озеръ, тамъ и деревья обильнѣе соками и плодъ приносятъ скорѣе, чѣмъ тѣ, подъ которыми грунтъ суше. На послѣднихъ плоды хотя и зарождаются, но, при недостаткѣ соковъ для полнаго созрѣванія, отбиваются отъ вѣтвей даже самымъ слабымъ вѣтромъ, или просто является не плодородный цвѣтъ (пусто—цвѣтъ).

Крайнія же періоды сильныхъ урожаевъ являются, кажется, тогда, когда годы бываютъ обильны сильными дождями, а длинные періоды продолжаются при лѣтнихъ засухахъ. На основаніи этихъ естественныхъ причинъ, можно думать, что пересадка кедровъ къ жилому мѣсту и уходъ за ними вполнѣ будетъ вознаграждать трудъ человѣка. Конечно это трудно ввести и неосновательно было бы думать, что крестьяне по одному предложенію возмутся за пересадку кедровъ; но во всякомъ случаѣ къ этому можетъ быть лучшимъ помощникомъ время, а поводомъ первый примѣръ, безъ малѣйшей тѣни принудительности. Для полнаго успѣха нужны не годъ, не два, а десятки лѣтъ.

По опушкамъ боровъ Нарымскаго края вездѣ встрѣчается рябина, калина, волчье-лыко, волчій ягодникъ, ерникъ, брусни-

ка, клюква, морошка, черника, голубица и костяника. Къ луговымъ растеніямъ принадлежатъ: черемуха, черная и красная смородина (по мѣстному выраженію кислица) и шиповникъ (дикая роза).

Если бы Нарымское купечество старалось о распространеніи промышленности края, то ягоды могли бы составить особую статью торговли, тѣмъ болѣе, что сборомъ ихъ занимаются въ свободное отъ другихъ хозяйственныхъ занятій время женщины и дѣти, т. е. лица, которыя вообще не несутъ тяжолыхъ домашнихъ работъ. Сбытъ ягодъ въ сушеномъ видѣ можетъ быть произведенъ мелкимъ торговцамъ въ Томскѣ, Енисейскѣ, Красноярскѣ, Тюмени и Тобольскѣ. При нынѣшней вольной винной торговлѣ онѣ могутъ идти на водочные заводы. Молотой черемухи, какъ извѣстно, въ одномъ Томскѣ мелочники продаютъ въ годъ отъ 100—200 пудовъ.

Изъ растеній лекарственныхъ или вообще полезныхъ въ какомъ-нибудь отношеніи, въ Нарымскомъ краѣ можно указать на дикую ромашку, папоротникъ, тысячелиственникъ, багульникъ, крапиву, остяцкую траву, водяное или озерное масло, ягодицу, волчье лыко, вольи ягоды, лютикъ желтый, попутникъ (подорожникъ), одуванчикъ, маточную траву, анютины глазки, вахту (трилистникъ), грудную траву, дождевикъ, звѣробой, кукушкины слезы, ласточную траву, чистотѣлъ, песочную траву и др.

Туземцы не употребляютъ остяцкой крапивы, какъ лекарственнаго средства, но замѣняютъ ею коноплю, т. е. приготовляютъ изъ волоконъ ея нитки для сѣтей, дѣлаютъ колѣнцы для самоловокъ, для переметовъ и т. п. Крапива растетъ во множествѣ на пойжахъ, или водосточныхъ высокихъ мѣстахъ. Когда она созрѣетъ, то ее дергаютъ съ корнемъ и сушатъ на солнцѣ или въ тепломъ жильѣ; потомъ отъ стволовъ отдѣляютъ волокна и скручиваютъ ихъ въ длинныя нитки. Эти нитки въ свою очередь соединяютъ между собою по двѣ и изъ двойныхъ уже нитей вяжутъ рыболовныя сѣти. Нитки, приготовленныя изъ крапивы, бѣлы и мягки такъ, что вполнѣ замѣняютъ льняныя и конопляныя. Особенное свойство этихъ нитокъ то, что онѣ долгое время выдерживаютъ сырость и въ водѣ не гніютъ несравненно долѣе, чѣмъ конопляныя. Отъ этого русскіе крестьяне предпочитаютъ крапивныя нитки своимъ льнянымъ и коно-

ляетъ нитокъ изъ крапивы ни по способу инородцевъ, ни по способу приготовленія ихъ изъ конопли и льна: ихъ пріобрѣтаютъ отъ инородцевъ.

Остяцкую траву инородцы заготовляютъ въ сушеномъ видѣ и, заваривъ какъ чай, пьютъ отъ сифилитическихъ болѣзней. Многіе увѣряютъ, что она гораздо дѣйствительнѣе сассапарели, которую инородцы покупаютъ весьма дорогою цѣною у Нарымскихъ купцовъ. Остяцкая трава растетъ во множествѣ по всему краю. Въ самомъ большомъ употребленіи это растеніе у Васюганскихъ инородцевъ.

Третье растеніе, употребляемое какъ лекарственное средство нетолько инородцами, но и русскими, есть такъ называемое *озерное масло*, которое еще болѣе извѣстно подъ именемъ *водянаго масла*. Оно родится въ соровыхъ озерахъ въ растительныхъ или травяныхъ пузырькахъ, величиною отъ волоцкаго орѣха до куринаго яйца. Пузырьки эти наполнены желтоватою густою жидкостію безъ вкуса и запаха. Подобные пузырьки добываются въ большомъ количествѣ неводами во время промысла рыбы. Озерное масло употребляютъ противъ различныхъ какъ наружныхъ, такъ и внутреннихъ болѣзней и, если вѣрить разсказамъ жителей, то оно дѣлаетъ чудеса.

Ягодица или волчье лыко растетъ во всѣхъ болотахъ Нарымскаго края. Русскіе и инородцы употребляютъ плодъ и кору ея, какъ специфическое средство отъ ревматизма, настаивая ягодами вино и намазывая настоемъ больныя мѣста. Иногда ягоды ѣдятъ отъ запора и отъ лихорадки, а нѣкоторые изъ жителей увѣряютъ даже, что волчьи ягоды служатъ еще какъ родовспомогательное средство.

Песочная трава растетъ по песчанымъ берегамъ Оби и у притоковъ. Она употребляется какъ русскими, такъ и инородцами для обертки ногъ, вмѣсто онучь.

Что касается до кормовыхъ травъ Нарымскаго края, то надо сказать, что онѣ растутъ исключительно на сорахъ, а въ борахъ, покрытыхъ мохомъ, ихъ очень мало. Господствующее растеніе соровъ—осока; она на низкихъ мѣстахъ достигаетъ отъ 1½ до двухъ аршинъ вышины. На высокихъ мѣстахъ ее замѣняютъ другія мелкія травы, какъ—то: визиль и проч. Со-

подкашиваетъ до 10 копенъ сѣна *), а десятина хорошей травы даетъ отъ 100 до 200 копенъ, или 50—100 возовъ. Изъ этого можно себѣ представить, какіе превосходные сѣнокосы и пастбища для скота представляютъ соры или луга Нарымскаго края, а между тѣмъ есть и такіе воски, **) поросшіе хвощемъ и другими травами, въ которыхъ лошади ходятъ всю зиму на подножномъ корму. Хвощъ такъ питателенъ для лошадей, что инородцы, съѣздивъ въ г. Томскъ съ подрядною купеческою рыбою и часто измучивши лошадей по Нарымской снѣжной и неровной дорогѣ, по возвратѣ домой, опускаютъ ихъ на соры и воски, гдѣ въ 7—10 дней онѣ отъѣдаются такъ, какъ ни какой кормъ, кажется, не могъ бы ихъ поправить.

Грибы растутъ по борамъ и сорамъ. Въ борахъ есть много груздей, масленниковъ, особенно на лѣвой сторонѣ Оби. На сорахъ, въ осинникахъ, родятся осинники и другія подобныя породы. Мѣстные жители не употребляютъ грибовъ въ пищу, и только въ городѣ Нарымѣ есть нѣсколько любителей, отступающихъ отъ общаго обычая. Инородцамъ же извѣстны исключительно мухоморы, которые они называютъ *пуиами*. Пуны не употребляются, впрочемъ, какъ обыкновенная пища, но какъ что—то чудотворное. Инородцы вѣрятъ, что пуны могутъ предсказывать употребляющимъ ихъ будущее, исказать будущую награду или адское мученіе. Ѣдятъ ихъ обыкновенно нечетное число, т. е. 3, 5, 7 и т. д., смотря по крѣпости организма. Какое дѣйствіе производятъ эти грибы—извѣстно.

За отсутствіемъ садоводства, въ Нарымскомъ краѣ нѣтъ

---

*) Въ Нарымскомъ краѣ въ возъ сѣна полагаютъ двѣ копны, такъ что изъ сотни копенъ составляется 50 возовъ; въ Томскѣ же полагается въ сотню 20 возовъ или 5 копенъ въ возъ сѣна.

**) Воскъ—мѣстное слово, означающее глухія мѣста на сорахъ, большія мелкія озера, поросшія или осокой или хвощемъ и окруженныя крупнымъ осинникомъ, черемошникомъ и другими кустарниками. Иногда озера эти бываютъ такъ мелки, что къ осени совершенно высыхаютъ. Въ эти то воски жители Нарымскаго края угоняютъ лошадей пастись всю зиму, гдѣ они, какъ во дворѣ, защищены отъ всѣхъ зимнихъ непогодъ и могутъ свободно питаться подножнымъ кормомъ.

ни какихъ воздѣлываемыхъ растеній, кромѣ обыкновенныхъ огородныхъ овощей, свойственныхъ умѣреннымъ климатамъ, какъ—то: капусты, картофеля, моркови, свеклы, рѣдьки, рѣпы, брюквы, также хлѣбныхъ сѣмянъ: ржи, пшеницы, овса, конопли и льна.

Огородничество стоитъ здѣсь на самой низкой степени развитія. Оно предоставлено въ распоряженіе женщинъ, которыя, руководствуясь однимъ опытомъ, никогда не прибѣгаютъ къ пособію хорошихъ руководствъ и ни сколько не стремятся къ улучшенію этой отрасли хозяйства, между тѣмъ оно во всякомъ случаѣ требуетъ большихъ силъ и свѣдѣній, совершенно недоступныхъ неразвитой женщинѣ Нарымскаго края. Мужчины же на огородничество не обращаютъ вниманія, кажется, потому, что растительная пища, кромѣ хлѣба, въ Нарымѣ мало употребляется и всѣ питаются преимущественно рыбою, которая предпочитается даже мясу. Однакожь, не смотря на нерадивое занятіе, огородныя овощи родятся здѣсь очень хорошо, какъ—то: картофель, капуста, морковь, рѣдька, рѣпа и брюква. Картофель даетъ урожаю самъ 12 и 14. Въ 50-хъ годахъ, по распоряженію правительства, чрезъ волостныя правленія были розданы картофельныя семена крестьянамъ Нарабельской и Кетской волостей, съ краткимъ наставленіемъ ухода за ними. Отъ этихъ сѣмянъ многіе крестьяне развели превосходный картофель; а одинъ крестьянинъ Нарабельской волости деревни Пашни, на другой годъ послѣ посѣва сѣмянъ, собралъ съ $^1/_4$ десятины уже до 500 четвериковъ картофеля.

Кромѣ этихъ обыкновенныхъ огородныхъ продуктовъ, разводимыхъ крестьянами, жители города Нарыма разводятъ еще огурцы, тыквы, арбузы и дыни, бобы турецкіе и простые русскіе, горохъ простой, сахарный, салатъ и проч. Правда, что огурцы въ Нарымѣ родятся не каждогодно, а урожай арбузовъ и дынь можно считать рѣдкостью; но это не столько зависитъ отъ свойства климата и почвы, сколько отъ того, что Нарымскіе домохозяева не стараются оклиматизировать растенія, а каждогодно употребляютъ новыя сѣмена, привозимыя купцами изъ Ирбитской ярмарки. Естественно, что тамъ эти сѣмена попадаются попорченыя или недозрѣлыя; иногда же привозимыя изъ южныхъ губерній, которыя само-собою требуютъ большихъ усилій для того, чтобы принести плоды въ Нарымскомъ краѣ. Словомъ, при знаніи и рачительномъ трудѣ, огородничество въ Нарымскомъ краѣ можетъ принять другой видъ.

Климатъ для хлѣбопашества въ Нарымскомъ краѣ весьма благопріятный, хотя урожаи тамъ и не даютъ такого обильнаго колоса, какъ въ южныхъ мѣстностяхъ Западной Сибири, на прим.—самъ 20—40. Въ Нарымскомъ краѣ, и при лучшемъ удобреніи почвы, урожай бываетъ только самъ 10—20. Но взявъ десятилѣтній періодъ времени, находимъ, что въ южныхъ мѣстностяхъ хлѣбъ часто истребляется то сильными засухами, то градомъ или несвоевременными дождями, то кобылкою, такъ что въ теченіи 10 лѣтъ получится одинъ годъ засухи, годъ дождей или града, годъ кобылки, и затѣмъ въ итогѣ останется развѣ 5—6 лѣтъ дѣйствительно хлѣбородныхъ, въ которые получится общее сложное число, непревышающее урожая Нарымскаго хлѣбопашества, такъ какъ въ Нарымскомъ краѣ всего этого не бываетъ. Дожди тамъ иногда начинаются съ половины Августа, когд хлѣбъ бываетъ убранъ, засуха не вредитъ, потому что почи влажны отъ изобилія воды, болотъ, лѣсовъ и росъ; градъ же и кобылка тамъ неизвѣстны. Слѣдовательно, сумма 10 лѣтнихъ урожаевъ Нарымскаго края будетъ равна 10 лѣтнему періоду южныхъ мѣстностей.—Что касается до земли, удобной для хлѣбопашества, то въ этомъ отношеніи Кетская волость далеко превосходитъ Парабельскую; при томъ и хлѣбъ въ первой родится далеко лучше, чѣмъ во второй. Впрочемъ, это можетъ быть зависитъ и отъ того, что Кетскіе крестьяне прилежнѣе занимаются удобреніемъ полей, нежели хлѣбопашцы Парабельской волости, потому что удалены отъ Оби и менѣе отвлекаются рыболовствомъ.

По неимѣнію положительныхъ данныхъ, трудно опредѣлить, до какой цифры простирается посѣвъ хлѣба въ Нарымскомъ краѣ; однакожь, во всякомъ случаѣ, этотъ посѣвъ не настолько великъ, чтобы могъ удовлетворить нужды жителей, такъ какъ часть ихъ продовольствуется хлѣбомъ привознымъ. Впрочемъ, необходимо замѣтить, что привозъ хлѣба въ Нарымскій край годъ отъ году значительно уменьшается; такъ, на прим. въ 40 годахъ ввознаго хлѣба поступало въ гор. Нарымъ отъ 60—80 т., въ 50-хъ годахъ отъ 50—60, а въ настоящее время только до 40 т. Это одно уже доказываетъ, что хлѣбопашество здѣсь увеличивается.

Въ Нарымскомъ краѣ преимущественно сѣютъ рожь и овесъ; пшеница хотя родится здѣсь хорошо, но ее сѣютъ очень мало, по неимѣнію удобной земли. Проса, гречихи, гороху и проч. совсѣмъ не сѣютъ. Ленъ и конопля воздѣлываются здѣсь

только для приготовленія рыболовныхъ снарядовъ. Тканьемъ холста занимаются нѣс олько въ одной Кетской волости; но вообще его пріобрѣтаютъ покупкою въ Томскѣ.

Лѣтъ тридцать тому назадъ въ рѣкахъ Нарымскаго края водилось еще много бобровъ; берега рѣкъ Парабели, Чая и преимущественно Васъ—югана богаты были соболями. Изъ всѣхъ Нарымскихъ лѣсовъ пушные товары въ Маѣ мѣсяцѣ поступали на Тогурскую ярмарку, а оттуда Иркутское купечество увозило ихъ въ Кяхту для размѣна съ китайцами. Потомъ, когда въ Кяхтѣ запросъ на бѣлку сталъ умепьшаться, Нарымское купечество вынуждено было достаставлять пушные свои товары на Макарьевскую и Ирбитскую ярмарки, откуда большая часть ихъ шла чрезъ Лейпцигъ въ Англію. Съ этимъ переворотомъ цѣны на бѣлку значительно понизились отъ 30—40^0 въ рублѣ, а между тѣмъ бобры совершенно изчезли въ краѣ и соболи стали такъ рѣдки, что, за исключоніемъ взноса ясака, ихъ поступало въ торговыя руки очень ограниченное количество. Такимъ образомъ, Тогурская ярмарка окончательно пала. Нарымское купечество думало поправить дѣло и просило правительство перевести ее изъ села Тогурскаго въ г. Нарымъ, не измѣняя времени. Оно думало, что, съ переводомъ Тогурской ярмарки въ Нарымъ, городъ отъ съѣзда промышленниковъ изъ лѣсовъ съ пушными товарами извлечетъ выгоды, но жестоко ошиблось въ своихъ расчетахъ. Полагая, что уменьшеніе добычи звѣря произошло не отъ переворотовъ двухъ главныхъ рынковъ Кяхты и Макарьевской ярмарки, а отъ убыли всего звѣря, Нарымское купечество не приняло въ расчетъ того, что въ Кяхту шла бѣлка отъ 15—20 коп., а на Макарьевской и Ирбитской ярмаркахъ она уже сбывалась отъ 10—12 коп. На Тогурской ярмаркѣ промышленники сбывали свою добычу въ первыя руки за наличныя деньги; а съ паденіемъ Тогурской ярмарки у промышленниковъ стали скупать одни Нарымскіе торговцы въ половину дешевлѣ прежней цѣны отъ 7—8—10 к., смотря по запросу заграничными конторами, и при этомъ еще промышленнику приходилось получать, по системѣ Нарымской кредитной торговли, за свои произведенія товарами, а не наличныя деньги. Отъ того русскіе промышленники должны были отставать отъ звѣроловства, какъ отъ промысла невыгоднаго, и бѣлки начало поступать въ торговыя руки вдое менѣе, не потому, чтобы въ лѣсахъ стало ее менѣе, а потому что стало менѣе промышленниковъ.

При существованіи Тогурской ярмарки и полной цѣны на

бѣлку, звѣроловствомъ занимались не одни инородцы, но и всѣ крестьяне Нарымскаго края Кетской и Парабельской волостей. Если предположить, что изъ Кетской волости крестьянъ уходило въ лѣса до 500 человѣкъ и столько же изъ Парабельской, и присовокупить къ этому инородцевъ до 1000 человѣкъ,—то всѣхъ промышленниковъ было до 2000 человѣкъ. Если же всѣ они въ теченіи года добывали каждый отъ 200 до 400 бѣлокъ, то въ торговлѣ обращалось отъ 400 до 800 т. бѣлокъ. Съ пониженіемъ цѣнъ на бѣлку, русскіе промышленники начали, какъ мы сказали, бросать звѣроловство и бѣлки стало поступать въ торговлю съ каждымъ годомъ все менѣе и менѣе. Боброъ въ 40-хъ годахъ совершенно былъ уже выловленъ—уничтоженъ; оставался одинъ соболь, но и онъ также съ каждымъ годомъ уменьшался, удаляясь, какъ надобно полагать, отъ лѣсныхъ пожаровъ далѣе на западъ, такъ что Васъ—юганскіе инородцы въ своихъ урочищахъ совершенно не имѣли ни одного соболя, а промышляли и промышляютъ его доселѣ въ Тобольскомъ и Тарскомъ округѣ, по рѣкѣ Демьянкѣ въ урочищахъ тамошнихъ инородцевъ. Но промыселъ соболя въ этихъ урочищахъ Нарымскіе инородцы производили воровски, за что часто подвергались взысканію отъ мѣстныхъ владѣльцевъ урочищъ, хотя и здѣсь добывалось соболя такое количество, котораго, за исключеніемъ бракованнаго, не доставало инородцамъ на взносъ ясака.

Ко всему этому въ 1844 году послѣдовало распоряженіе правительства о недопущеніи Нарымскихъ торговцевъ въ лѣса для вымѣна звѣрей у инородцевъ до сбора съ нихъ ясака и недоимокъ. По этому торгующее сословіе было обязано подписками, чтобы товары и съѣстные припасы, оставшіеся непроданными въ кочевьяхъ инородцевъ, не оставались тамъ, а вывозились обратно, и чтобы для склада ихъ не заводилось въ селеніяхъ и уѣздахъ постоянныхъ лавокъ, магазиновъ и т. п. Торговлю въ кочевьяхъ дозволено производить только зимою въ теченіи одного Января мѣсяца, до начатія промысла звѣрей и по взносѣ инородцами ясака, и кромѣ того съ 15 Іюня по 1-е Сентября—до выхода инородцевъ въ урманныя мѣста на промыселъ. Во всякое другое время торговля и всякое сообщеніе русскому народонаселенію съ инородцами строго воспрещены.

Цѣль этого распоряженія была та, чтобы воспрепятствовать Нарымскимъ торговцамъ выкупать у инородцевъ лучшаго звѣря, поступающаго въ ясакъ. Для обезпеченія же продовольствія

инородцевъ, Правительство предписало мѣстному начальству отпускать хлѣбъ изъ казенныхъ запасныхъ магазиновъ съ соблюденіемъ слѣдующаго порядка: волостной инородческій старшина заблаговременно долженъ собрать свѣдѣнія, сколько кому нужно хлѣба и представить о томъ Тогурскому отдѣльному засѣдателю. Этотъ послѣдній, въ свою очередь, на отпускъ потребнаго количества обязанъ испросить разрѣшеніе отъ Губернскаго Правленія и, получивъ его, предписать вахтерамъ отпустить хлѣбъ старшинѣ, для раздачи по принадлежности. Уплату за взятый хлѣбъ инородцы производятъ изъ своего промысла, сдавъ ее родовому старшинѣ, который вмѣстѣ съ вахтеромъ доставляетъ ее засѣдателю.

Послѣдствія этого распоряженія будутъ объяснены ниже; но съ 44 года пушная торговля въ Нарымскомъ краѣ окончательно пала. Инородцы немогли промышлять даже бѣлки, не имѣя на это средствъ, какъ—то: оружія, пищи, одежды и свободнаго сближенія съ русскимъ населеніемъ, а русскіе крестьяне не смѣли входить въ инородческія звѣропромышленныя мѣста, и взялись за хлѣбопашество и рыбопромышленность. Къ этому ихъ еще болѣе расположила развивавшаяся въ Сибири золотопромышленность: рыба стала требоваться на золотые промысла не только въ Западной, но и въ Восточной Сибири, въ Красноярскѣ и Енисейскѣ.

Съ паденіемъ пушной торговли, изъ русскаго населенія всего болѣе потеряли купцы, и то единовременно, тѣмъ, что у нихъ пропали долги за инородцами. Если нѣкоторые и поступили, по обстоятельствамъ, къ нимъ въ работы, то все таки этимъ не поправлена пушная торговля: она приняла совершенно другое направленіе и осталась въ первобытной рутинѣ. И хотя бы правительство и отмѣнило свои постановленія, но въ настоящее время трудно ожить ее или помочь инородцамъ; тутъ нужны новыя мѣры, согласныя съ нынѣшнимъ положеніемъ края.

Изъ всѣхъ породъ звѣря здѣсь остались только медвѣдь, волкъ, рысь, россомаха, лисица преимущественно бѣлодушка, колонокъ, горностай, выдра, бурундукъ, заяцъ, барсукъ, кротъ, лось, олень и бѣлка. Соболь попадается рѣдко.

Медвѣдь водится въ Нарымскомъ краѣ вездѣ, но особенно на правой сторонѣ Оби по рѣкѣ Кети. Здѣсь онъ постоянно

выходитъ къ жилымъ мѣстамъ въ русскія деревни или къ инородческимъ юртамъ, часто встрѣчается въ борахъ при сборѣ ягодъ, орѣховъ; посѣщаетъ сѣнокосы и похищаетъ скотину на пастбищахъ. Есть деревни, находящіяся одиноко въ бору, которыя каждогодно посѣщаются медвѣдями, несмотря на то, что тамъ каждогодно же и бьютъ ихъ. Это обстоятельство приводитъ къ убѣжденію, что медвѣдь не имѣетъ постоянной берлоги, какъ имѣютъ ихъ лисица, волкъ и другіе звѣри, а дѣлаетъ ее только для зимняго сна въ разныхъ мѣстахъ и съ весною выходитъ изъ нея для снисканія пищи.

Медвѣдь часто переходитъ изъ одной мѣстности въ другую большими массами, табунами, съ Запада на Востокъ или съ Востока на Западъ. Путешествіе это туземцы называютъ *ходомъ звѣря*. Впрочемъ, ходъ бываетъ не у одного медвѣдя, но безъ исключенія у каждаго звѣря и боровой птицы: глухаря, неструхи, косача и проч. Медвѣдь ложится въ берлогу въ Октябрѣ мѣсяцѣ, а выходитъ въ Апрѣлѣ. Впрочемъ, встрѣчаются, хотя и весьма рѣдко, медвѣди, привыкшіе къ хищничеству, которые не ложатся во всю зиму: туземцы такихъ медвѣдей называютъ *дурными звѣрями*. Берлоги медвѣдь устраиваетъ близь рѣкъ, подъ большими деревьями, или въ оврагахъ въ мелкомъ и чистомъ кустарникѣ. На лѣсѣ онъ дѣлаетъ при этомъ заломы, т. е. обламываетъ вершины деревьевъ, или сдираетъ съ нихъ кору. Оплодотвореніе медвѣдицы совершается, какъ должно полагать, въ Маѣ и Іюнѣ, а роды бываютъ преимущественно между 15 Марта и 20 Апрѣля. Она приноситъ, обыкновенно, двухъ дѣтенышей, которыхъ сначала она кормитъ молокомъ, а послѣ пріучаетъ къ различной пищѣ растительной и животной. По роду пищи, медвѣдя нельзя причислить къ свирѣпымъ и кровожаднымъ животнымъ: въ этомъ удостовѣряетъ опытъ. Растительную пищу медвѣдя составляютъ кедровые орѣхи и ягоды всѣхъ родовъ; послѣднихъ, впрочемъ, онъ не ѣстъ, а только высасываетъ изъ нихъ сокъ. Животная пища медвѣдя: домашній рогатый скотъ и лошади. Послѣднія однако весьма рѣдко попадаются ему и спасаются бѣгствомъ, хотя медвѣдь при добычѣ ихъ употребляетъ особенныя хитрости. Онъ, во первыхъ, подкрадывается къ нимъ по вѣтру, чтобы лошади не почуяли его запаха. Если лошади не попадаются на эту первую хитрость, то медвѣдь старается загнать табунъ въ тонкія мѣста или чащу лѣса, и стремительно кидается на отсталую и завязнувшую лошадь. Легко можно допустить, что живущіе въ дальнихъ лѣсахъ медвѣди во все незнаютъ

животной пищи. Этимъ объясняется и то, что, при встрѣчѣ съ человѣкомъ, такой медвѣдь не трогаетъ его, а только станетъ на заднія лапы, постоитъ, пореветъ и пойдетъ далѣе. Напротивъ того, пріучившійся къ животной пищѣ—медвѣдь дѣлается кровожаднымъ и при этомъ—то условіи встрѣча съ нимъ не проходитъ человѣку даромъ.

Медвѣди въ Нарымскомъ краѣ встрѣчаются огромнаго роста; часто шкуры ихъ отъ глаза до корня хвоста достигаютъ 15—18 четвертей. Что же касается до характера звѣря, то надо сказать, что медвѣдица постоянно бываетъ свирѣпѣе самца. Причина этого явленія заключается, кажется, въ томъ, что медвѣдица всегда бываетъ или оплодотворена или же съ дѣтенышами.

Волкъ—непостоянный обитатель Нарымскаго края: онъ забѣгаетъ сюда изрѣдка изъ Барабинской степи и появляется исключительно на лѣвой сторонѣ Оби, на Васъ—юганѣ, будучи постоянно преслѣдуемъ промышленниками. Однакожъ, не смотря на то, ему удается иной разъ оставаться здѣсь годъ и болѣе, и въ это время онъ успѣваетъ оплодотворяться. Вѣроятно, Нарымскія тайги для волка привольнѣе Барабинской степи; онъ питается въ тайгахъ мелкими звѣрками, брошенными остатками отъ промысла лосей, оленей и другихъ звѣрей, и отъ того никогда не выходитъ къ жилымъ мѣстамъ и не трогаетъ домашнюю скотину. По качеству шкуры, нарымскій волкъ очень хорошъ; онъ бываетъ большаго роста и отличается длиною густою шерстью, по этому и въ торговлѣ цѣнится далеко выше степнаго. Къ сожалѣнію, въ Нарымскомъ краѣ его добывается очень мало и на Ирбитскую ярмарку поступаетъ не болѣе 5—10 шкуръ со всего края.

Рысь, какъ и волкъ, не принадлежитъ къ уроженцамъ Нарымскаго края; она забѣгаетъ сюда изъ южныхъ степей Тобольской губерніи и добывается только по рѣкѣ Васъ—югану. Промышленники никогда не находили въ Нарымскомъ краѣ логовища рысей, и потому не знаютъ ни того, сколько самка приноситъ дѣтенышей, ни того, въ какихъ мѣстахъ дѣлаетъ свои норы. Рысей добывается здѣсь, также какъ волковъ, очень мало, отъ 10 до 20 шкуръ. Цѣна шкуры на мѣстѣ промысла 6—7 рублей за шкуру.

Россомаха принадлежитъ къ таежнымъ животнымъ. На-

рымскаго края. Она ростомъ не больше лисицы, но очень свирѣпа. По характеру принадлежитъ къ кошачей породѣ, но видомъ скорѣе напоминаетъ медвѣдя. Не смотря на малый ростъ, она побѣждаетъ лося, оленя, волка, лисицу и все живое, ее окружающее, кромѣ медвѣдя и рыси. Россомаха, также какъ и рысь, бросается на свою добычу съ дерева и переѣдаетъ шею. Она скрадываетъ по временамъ даже птицъ. Логовища свои россомаха дѣлаетъ въ землѣ также, какъ медвѣдь, хотя сама и не погружается въ зимній сонъ, подобно ему или другимъ животнымъ, какъ напр. сурокъ и барсукъ Россомаха приноситъ по два дѣтеныша, рѣдко по три. Это животное водится по всему Нарымскому краю, но преимущественно по Васъ--югану.

Лисицы въ настоящее время въ Нарымскомъ краѣ водится очень мало, такъ что 1/3 количества лисьихъ шкуръ, поступающаго въ ясакъ, инородцы добываютъ не сами, а пріобрѣтаютъ отъ купцовъ, которые и привозятъ ихъ съ Ирбитской ярмарки. Лисица встрѣчается по всему краю и всѣхъ родовъ отъ бѣлодушки до чернобурой, но послѣднія такъ рѣдки, что ихъ можно считать исключеніями. Обыкновенно же встрѣчается бѣлодушка, сиводушка и крестовка. Лисица, кажется, обладаетъ особенною способностью приносить дѣтей не одного цвѣта шерсти, такъ что иногда въ гнѣздѣ бѣлодушки находятъ дѣтенышей бѣлодушекъ, сиводушекъ и чернобурыхъ.

Соболь въ Нарымскомъ краѣ водится въ ничтожномъ количествѣ и даже какъ рѣдкость, которую добываютъ по рѣкамъ: Чаѣ и Нарабели. Главный водъ соболей былъ когда--то на рѣкѣ Васъ--юганѣ но нынѣ на этой рѣкѣ ихъ и помину нѣтъ, а Васъ--юганскіе инородцы промышляютъ соболей по рѣкѣ Демьянкѣ Тобольской губерніи. Соболь питается мелкими животными, какъ—то: мышами, птичками, но питается ли вмѣстѣ съ этимъ пищею растительною, сказать ничего не можемъ. Логовища свои или норы соболь дѣлаетъ въ землѣ подъ корнями сосенъ и кедровъ. Самка приноситъ отъ 3 до 5 дѣтенышей. Маленькіе соболята, вынутые изъ норы, скоро привыкаютъ къ человѣку и до того дѣлаются ручными, что становятся неразлучны отъ своего хозяина. Опыты показываютъ, что соболь очень легко можетъ сдѣлаться домашнимъ животнымъ и вполнѣ замѣнить кошку, съ тою только разницею, что будетъ гораздо привязаннѣе къ человѣку, чѣмъ кошка.

Колонокъ водится по всему краю въ борахъ и преиму-

щественно по сорамъ. Онъ питается мышами. Самка приноситъ отъ 4 до 6 дѣтенышей. Въ постройкѣ своихъ норъ колонокъ не разборчивъ: онъ дѣлаетъ иногда ихъ на низкихъ водоточныхъ мѣстахъ и, по всему вѣроятію, отъ разлитія весенней воды его погибаетъ много.

Горностай также, какъ колонокъ, водится больше на сорахъ, хотя встрѣчается и въ хвойныхъ лѣсахъ. Жизнь и характеръ его во всемъ сходны съ колонкомъ и ласкою или ласточкою. Ласточка по наружности очень похожа на горностая, но гораздо менѣе его ростомъ и промышленники часто продаютъ ее неопытнымъ покупателямъ за горностая. Горностай, воспитанный въ жильѣ человѣка, скоро привыкаетъ къ хозяину, дѣлается ручнымъ и очень забавенъ. Весною горностай и ласка бываютъ сѣрые, а съ Октября бѣлѣютъ. Самки приносятъ отъ 6 до 8 дѣтенышей. Пища горностая—мыши.

Выдра преимущественно водится по притокамъ рѣки Васъ—югана и изрѣдка встрѣчается во всѣхъ мелкихъ рѣчкахъ—притокахъ Кети и Тыма. Норы выдры находятся въ землѣ подъ водою, но какъ онѣ устроены, промышленники ни чего не знаютъ, равно какъ имъ неизвѣстенъ образъ жизни и характеръ этого звѣря. Положительно дознано только то, что выдра не можетъ долгое время жить безъ воздуха и поэтому очень часто выходитъ на берегъ. Пища выдры различна: на берегу она ловитъ мелкихъ животныхъ, а въ водѣ промышляетъ рыбу. Шерсть выдры ни въ какое время года не измѣняется, но постоянно одного цвѣта. Выдра, достигшая полнаго роста, бываетъ длиною до $1^1/_2$ аршинъ, но снабжена такими коротенькими ножками, что онѣ кажутся не болѣе гусиныхъ и, подобно этимъ послѣднимъ, имѣютъ между пальцами перепонки. Хвостъ выдры длинный и плоскій; онъ служитъ ей вмѣсто рыбьяго плеса. Выдра въ Нарымскомъ краѣ становится съ каждымъ годомъ менѣе и менѣе, такъ что, вѣроятно со временемъ она тамъ совершенно переведется, подобно бобру.

Барсукъ водится по всему Нарымскому краю въ хвойныхъ лѣсахъ, около кедровника. Гнѣзда его огромны и нисколько не соотвѣтствуютъ росту звѣря: если въ нихъ увеличить устье норы, то въ логовищѣ свободно можетъ помѣщаться лисица или волкъ. Ловлею барсуковъ занимаются только дѣти инородцевъ. Шкуры этого звѣрка въ продажу не вдутъ, а если иногда и встрѣчаются барсучьи мѣха, то они

Зайцевъ въ Нарымскомъ краѣ очень много; но неизвѣстно почему шкуры ихъ исключены изъ купной торговли и употребляются только въ домашнемъ обиходѣ. Между тѣмъ, нарымскій заяцъ, по качеству шерсти, ни сколько не уступаетъ барабинскому, который покупается на мѣстахъ промысла отъ 10 до 12 коп. за шкуру, тогда какъ Нарымскій на мѣстѣ никогда почти не выходитъ изъ 3 коп.

Барсукъ попадается рѣдко, случайно, потому что промысломъ его никто не занимается. Шкуры его въ продажѣ также чрезвычайно рѣдки.

Кротовъ здѣсь очень много, но на нихъ смотрятъ какъ на животныхъ вредныхъ, неспособныхъ принести ни какой выгоды. Между тѣмъ, сургутскіе инородцы изъ шкуръ кротовъ шьютъ мѣха и привозятъ ихъ иногда въ Нарымъ для продажи по 30 и 50 коп. за полку. Три—четыре такихъ полки достаточны для того, чтобы сшить пальто взрослому человѣку и мѣхъ этого пальто будетъ гораздо теплѣе и лучше мѣха бурундука.

Лось въ Нарымскомъ краѣ водится преимущественно на лѣвой сторонѣ рѣки Оби. По величинѣ и силѣ, лось занимаетъ первое мѣсто между всѣми животными, обитающими въ Нарымскомъ краѣ: ростъ взрослаго лося отъ земли до хребта 10—12 четвертей, а до ушей 16—18 четвертей; длиною же шкура лося отъ морды до хвоста попадается 18—20 четвертей. Лось по образу жизни во всемъ похожъ на оленя и, подобно ему, питается древеснымъ мохомъ и преимущественно корою молодаго пихтовника—и верхушками лиственныхъ деревьевъ. Наружностью лось также во всемъ сходенъ съ оленемъ и различается отъ него только ростомъ и рогами: рога самца лося плоскіе, имѣющіе на краяхъ большіе отростки; рога же самца оленя круглые, съ отростками, въ видѣ дерева. Самка лося въ Маѣ мѣсяцѣ приноситъ по одному и по два дѣтеныша. Шкуры годовыхъ лосей туземцы называютъ *пинжиной*; въ торговлѣ онѣ идутъ двѣ за одного взрослаго лося. Лось пасется въ разныхъ мѣстахъ, рѣдко табунится и по преимуществу ходитъ по одиночкѣ. Только во время течки, самецъ собираетъ по нѣсколько самокъ и при встрѣчѣ съ другимъ самцомъ, завязываетъ съ нимъ смертельную драку, оканчивающуюся всегда смертью слабаго. Дружелюбно же собираются самцы въ одинъ большой табунъ только тогда, когда совершаютъ переходъ изъ одной мѣстности въ другую.

Олень водится во множествѣ по всему Нарымскому краю, но не составляетъ предмета домашняго хозяйства нарымскихъ инородцевъ, какъ у березовскихъ самоѣдовъ и тунгусовъ. Олень питается древеснымъ мохомъ, и кромѣ этого ни что другое не можетъ считаться его правильною, нормальною пищею. Самка оленя приноситъ по два дѣтеныша. Олени собираются табунами и дѣлаютъ переходы изъ одной мѣстности въ другую, подобно лосю.

Бѣлка водится на всемъ пространствѣ Нарымскаго края и въ особенности по берегамъ Оби. Это животное составляетъ въ настоящее время единственное богатство нарымскихъ инородцевъ и только, кажется, на нее одну они могутъ вполнѣ расчитывать и быть увѣренными, что она до тѣхъ поръ не оставитъ ихъ дикихъ пустынь, пока, по безумному нерадѣнію жителей, не уничтожится кедровникъ. Извѣстно, что кедровый орѣхъ составляетъ главную пищу бѣлки и, при неурожаѣ его, она хотя и питается семенами сосны, выщелушивая ихъ изъ сосновыхъ шишекъ, но съ большею трудностію. Гнѣзда свои дѣлаетъ бѣлка въ дуплахъ гнилыхъ деревьевъ. Оплодотворяется она въ хорошій теплый годъ два раза, именно весною между 15 Марта и 15 Апрѣля и въ Ноябрѣ и Декабрѣ мѣсяцахъ, если нѣтъ сильнаго холода и вѣтровъ. Старая бѣлка приноситъ отъ 5 до 7 дѣтенышей, а молодая отъ 3 до 4. По Оби водится бѣлка свѣтлая, а въ вершинахъ ея притоковъ, какъ то по Васъюгану, Тыму и Кети она имѣетъ довольно темный цвѣтъ шерсти и при томъ такъ, что чѣмъ далѣе отъ Оби, тѣмъ больше теряетъ бѣлизны, хотя ростъ и шерсть свѣтлыхъ и темныхъ бѣлокъ одной величины. Причины этого явленія еще ни кѣмъ не изслѣдованы. Попадается иногда бѣлка даже совершенно бѣлая, но она не болѣе, какъ исключеніе. Летучая бѣлка попадается всего болѣе около Тыма. Она гораздо короче обыкновенной. Шерсть у нея буросѣрая, хвостъ не такъ пушистъ и пропорціоналенъ ея росту, какъ у обыкновенной. Летучая бѣлка встрѣчается очень рѣдко: инородцы же встрѣчу ея почитаютъ за знакъ удачнаго промысла и поэтому нѣкоторые даже не убиваютъ ее, какъ предвѣстницу благополучія.

Въ ряду домашнихъ животныхъ Нарымскаго края первое мѣсто, конечно занимаютъ лошади. Нарымская лошадь преимущественно низкорослa, съ головой средней величины, съ большими ушами. Глаза у нее маленькіе, зубы небольшіе, смольные, съ сквозными прорѣзями, чаще выдавшіеся кнаружи; шерсть

большая, хвостъ длинный, густой. Суровость климата, грубый кормъ и лишенія сдѣлали здѣшнюю лошадь крѣпкою. Соразмѣрно съ ростомъ она сильна, неутомима и горяча. Здѣшняя самая плохая лошадь можетъ легко перевозить 18—20 и 25—пудовъ безъ овса, на одномъ сѣнѣ, двѣ—три тысячи верстъ, рысью она можетъ бѣжать до 100—120 верстъ, не кормя. Эти качества Нарымскихъ лошадей извѣстны вездѣ по Восточной и Западной Сибири; а потому ихъ охотно покупаютъ на золотые промысла. Мѣстныя цѣны на лошадь простираются отъ 20 до 40 руб. Въ уходѣ за лошадьми, пригнанными осенью съ лѣтняго пастбища и запряженными въ первый разъ, нарымскіе жители наблюдаютъ слѣдующія правила. Если лошадь предназначается только для домашнихъ работъ, то запрягаютъ ее въ легкіе сани и ѣздятъ очень быстро до сильнаго пота, а потомъ, не снимая хомута, привязываютъ на цѣлые сутки къ столбу, не давая ни пить, ни ѣсть. Очень же жирнымъ лошадямъ при этомъ даютъ съ полфунта сухаго мелкаго сѣна и оставляютъ ихъ при 10—15° Р. на цѣлые сутки или до тѣхъ поръ, какъ лошадь совершенно высохнетъ. Это повторяется съ ряду до трехъ разъ. Выдержки эти называютъ *выстойками*. Отгулявшаяся лошадь безъ выстойки непремѣнно получаетъ воспаленіе легкихъ и издыхаетъ. Если лошади предназначены въ дорогу, то, отправившись на нихъ, первую станцію дѣлаютъ верстъ въ 40—50, чтобы какъ можно болѣе дать имъ вспотѣть и затѣмъ на станціи поступаютъ точно также, какъ сказано выше. Если выстойки произведены нерадиво, т. е. если лошадь съ выстойки спущена нѣсколько рано, не высохши совершенно, то хотя она и неполучитъ воспаленія (*не запалится*, какъ говорятъ туземцы), все—таки будетъ имѣть *подпарины*, особенно подъ хомутомъ на плечахъ. Во время выстоекъ лошадей всегда прежде кормятъ и потомъ уже поятъ. Послѣ трехъ выстоекъ, діэты не соблюдается ни какой, кромѣ овса: его даютъ имъ сначала самую малую порцію и увеличиваютъ постепенно.

Крупнаго рогатаго скота въ Нарымскомъ краѣ считается до 12-т. головъ. Порода его незавидна. Онъ мелокъ и некрасивъ. Лучшая скотина даетъ только отъ 4 1/2 до 5 п. мяса и отъ 1 до 1 п. 10 ф. сала. Уходъ за рогатымъ скотомъ здѣсь не требуетъ особаго труда, какъ и уходъ за лошадьми. Однолѣтнихъ телятъ крестьяне отдѣляютъ отъ крупной скотины особо; бычковъ, обыкновенно, *кладутъ* и только нѣкоторыхъ оставляютъ для приплода; но тѣмъ и другимъ въ первый годъ въ теченіи зимы одинаково дается мелкое сѣно, замѣняемое крупнымъ на слѣдующій второй годъ. Дойныя коровы тамъ

отдѣляются отъ недойныхъ и быковъ и первымъ, какъ однолѣтнимъ телятамъ, даютъ мелкое сѣно, а послѣднимъ крупное. Теплые хлѣвы дѣлаютъ только для стельныхъ коровъ, пока онѣ отелятся, а въ другое время онѣ обыкновенно живутъ, какъ и весь домашній скотъ, въ холодныхъ дворахъ. Весною холостую скотину крестьяне отводятъ на дальніе луга, гдѣ она пасется безъ пастуха до самой осени,—до покрытія рѣкъ льдомъ,—и только тогда собираютъ и возвращаютъ ее домой; отелившихся при этомъ въ полѣ коровъ отдѣляютъ отъ холостыхъ, а домашнихъ стельныхъ или съ пересохшимъ молокомъ держатъ вмѣстѣ съ холостою скотиною. Дойныя коровы лѣтомъ пасутся безъ пастуха близъ домовъ и для того, чтобы онѣ приходили домой сами для доенія, оставляютъ телятъ при домѣ. Когда коровы приходятъ вечеромъ домой, то припускаютъ къ нимъ телятъ и въ тоже время доятъ. Отъ лучшей коровы получается молока въ сутки 1/40 и 1/30 ведра. Туземцы недостаточное количество молока у коровъ приписываютъ не собственному нерадѣнію или неумѣнію вести скотоводство, а относятъ это то къ качеству корма, то къ дурной породѣ скота. Не представляя здѣсь съ своей стороны какого нибудь положительнаго мнѣнія, мы можемъ замѣтить только, что не соглашаемся ни съ тѣмъ, ни съ другимъ мнѣніемъ туземцевъ на томъ основаніи, что видали скотъ у жителей Сургутскаго округа, у жителей Томскаго округа Николаевской волости выше Нарыма и въ Кузнецкѣ,—скотъ совершенно одного роста и типа, но дающій несравненно большее количество молока, чѣмъ нарымскія коровы. Это обстоятельство, вѣроятно, надобно приписать тому, что въ Николаевской волости и въ Кузнецкѣ скотина пасется подъ надзоромъ пастуха, телята отбиваются отъ матокъ вскорѣ послѣ рожденія, для дойныхъ коровъ зимой устраиваютъ теплые хлѣвы, а главное—молодыя нетели случаются по достиженіи полнаго возраста. Слѣдовательно, нарымская скотина потеряла свою доброкачественность отъ небреженія самихъ домохозяевъ: она измерзаетъ зимой, еще будучи теленкомъ, и хилѣетъ, а лѣтомъ рождаетъ новое поколѣніе, еще не укрѣпившись физически, и естественно, оставаясь болѣзненною, производитъ болѣзненный приплодъ. Доказательство этого мы видимъ у городскихъ жителей—у купцовъ, у которыхъ хотя скотина и пасется также безъ пастуховъ, но все—таки пользуется лучшимъ наблюденіемъ и уходомъ, и у инородцевъ, живущихъ по Оби: у нихъ коровы даютъ молока до 1/2 ведра и болѣе въ сутки. Это, кажется, болѣе всего говоритъ въ пользу того, что качество травы Нарымскаго края здѣсь не виновато, что крестьянское нарымское скотоводство вообще дурно и что оно легко

можетъ исправиться, если только скотоводы примутся за него съ большимъ усердіемъ и съ большимъ вниманіемъ къ дѣлу.

Овецъ Нарымцы держатъ довольно, какъ крестьяне, такъ и городскіе жители. Овцы здѣсь обыкновенной русской породы и нисколько не мельче по росту, и не хуже по качеству шерсти овецъ другихъ мѣстностей Томской губерніи. Пасутся овцы въ лѣтнее время безъ пастуховъ. Для этой цѣли ихъ увозятъ на острова, расположенные по Оби, гдѣ бы не было крупнаго скота. Лѣтомъ хозяева ѣздятъ нѣсколько разъ смотрѣть новорожденныхъ ягнятъ и мѣтятъ ихъ своими знаками.

Свиней держатъ крестьяне мало и то въ самомъ крайнемъ небреженіи. Свинья маленькія въ 1½—2 пуда. Щетина ни кѣмъ не собирается. Въ лѣтнее время свиней увозятъ на острова и держатъ тамъ до осени, до загона домой другой скотины. Откормивши немного мякиною, свиней колятъ для собственнаго продовольствія. Въ городѣ жители свиней держатъ при домахъ и наблюдаютъ за ними хотя не совсѣмъ правильно, но все же лучше крестьянъ, за то и свинья въ городѣ водятся вуда но три и по четыре вѣсомъ.

Общее несчастіе сибирскаго скотоводства —*Сибирская язва* —отзывается и на нарымскомъ скотѣ почти каждое десятилѣтіе. Но, и кромѣ язвы, скотоводство подвергается здѣсь еще слѣдующимъ неблагопріятнымъ случаямъ. Въ дождливое лѣто хозяева—скотоводы неуспѣваютъ заготовлять на продовольствіе всей зимы сѣна и скотъ передъ весною издыхаетъ часто отъ недостатка корма. Иногда бываетъ очень большой разливъ воды, который затопляетъ не только низкіе луга, но и значительныя возвышенности, такъ что выгнанный на пастбище скотъ снова собираютъ домой и держатъ дома во дворахъ, поръ до половины Іюля. *) Нерѣдко вода разливается такъ быстро, что захватываетъ выгнанный скотъ на поляхъ, утопитъ его быстрымъ теченіемъ и топитъ. При такомъ несчастіи, жители обыкновенно стараются спасать животныхъ въ лодкахъ, пере-

*) Прибыль воды въ Нарымскомъ крав начинается съ половины Апрѣля. Иногда вода прибываетъ медленно, не болѣе половины или одного верика въ сутки, съ различными впрочемъ перемѣнами, а иногда въ дружную теплую весну идетъ просто валомъ и поднимается отъ 2 до 3 сажень.

возятъ ихъ домой и, за неимѣніемъ сѣна, кормятъ то соломою, то тальникомъ, то просто едва не навозомъ. Большое неудобство для скотоводовъ представляютъ и низкіе водотопные сѣнокосные луга, на которыхъ нельзя оставлять лишняго сѣна на цѣлый годъ, но нужно перевозить его къ домамъ въ противномъ случаѣ, весеннимъ разливомъ затопитъ его и увлечетъ напоромъ воды.

Въ Нарымскомъ краѣ болѣе всего удобно и легко развить скотоводство по берегамъ Оби и особенно по притоку ея Васъюгану. Вообще о Васъ—юганѣ можно сказать, что эта рѣка удобна для значительной колонизаціи. Она можетъ имѣть на своихъ берегахъ хлѣбопашцевъ до 1000 семействъ и это сдѣлаетъ ее извѣстною гораздо болѣе, чѣмъ славилась она въ былое время своими соболями. По Васъ-югану можетъ быть и хорошая рыбопромышленность. Въ немъ водится множество стерляди; весною заходитъ туда нельма и сырокъ; язь обитаетъ тамъ во всякое время года; налимъ заходитъ въ Васъ—юганъ и живетъ тамъ постоянно; кедровые лѣса по Васъ—югану лучшіе; бѣлка, колонокъ и горностай ни когда не выведутся; боровой птицы всѣхъ родовъ и въ лѣтнее время перелетной гусей и уток множество. Самая же главная особенность Васъ-югана та, что онъ есть лучшій пунктъ для краткаго сообщенія Нарымскаго края съ Тобольской губерніею.

Собаки въ Нарымскомъ краѣ водятся двухъ породъ: одинъ туземныя, а другія ввезенныя русскими переселенцами. Туземныя—самоѣдскія и остяцкія собаки чистой породы имѣютъ шерсть сѣрую, какъ у волка. Ростомъ онѣ отъ земли до хребта бываютъ 8—9 вершковъ, довольно длинны, мускулисты, съ широкою грудью, головой пропорціональной, широкимъ, раздвоившимся лбомъ, тонкою длинною мордою, стоячими ушами, съ хвостомъ мохнатымъ и длиннымъ. Сѣрая шерсть измѣняется только отъ смѣшенія съ русскими собаками въ темно—сѣрую и иногда переходитъ въ совершенно черную. По свойству инстинкта самоѣдскія и остацкія собаки годятся единственно для одного звѣринаго промысла. На промыслѣ звѣрей эти собаки ни когда не нападаютъ на добычу, но, отыскавъ звѣря, даютъ знать своему хозяину о его присутствіи. Для этой цѣли, они безъ дрессировки перемѣняютъ звуки при лаѣ на того или другаго звѣря: на лося лаютъ однимъ тономъ, на оленя другимъ, на медвѣдя особыми монотонными, протяжными звуками. Словомъ сказать, пѣть звѣря, чтобы инородческая собака не имѣла

для него особаго лая. На промыслѣ собака ни когда не держится при своемъ хозяинѣ, а постоянно бѣгаетъ по лѣсу и ищетъ слѣды или самаго звѣря. Найдя, на примѣръ, бѣлку, она загонитъ ее на дерево, остановится и начинаетъ лаять. Есть собаки, которыя знаютъ двухъ, трехъ и четырехъ звѣрей; есть такія, которыя знаютъ одного, и по качеству инстикта ихъ называютъ: лосиная, оленья, бѣличья собака. Чѣмъ болѣе знаетъ собака звѣрей, тѣмъ дороже она цѣнится. Между инородцами собаки продаются за 5—10—20 и 30 бѣлокъ, за двѣ-три оленьи шкуры, за пудъ орѣховъ и проч. Инородцы собакъ, большею частію, холостятъ, кладутъ. Это дѣлаютъ съ тою цѣлію, чтобы при встрѣчѣ охотниковъ къ лѣсу, когда у одного случится самка, а у другаго самецъ, самка не увлекала послѣдняго за собою и не препятствовала ему слѣдить за звѣремъ. Медвѣжьи собаки (*звѣровыя*, какъ говорятъ туземцы) самыя дорогія и рѣдкія собаки. На медвѣдя выпускается ихъ двѣ-три. Онѣ не кидаются на звѣря, но только останавливаютъ его до тѣхъ поръ, пока дождутся хозяина. При его появленіи, они забѣгаютъ сзади звѣря и рвутъ его, а другія стремительно хватаются за уши. Вообще инстинктъ инородческихъ собакъ направленъ къ тому, чтобъ останавливать звѣря въ лѣсу и не давать ему уходить отъ преслѣдованій хозяина. Такъ, встрѣтивъ лося, собаки забѣгаютъ впередъ его и начинаютъ лаять: лось останавливается и смотритъ на нихъ, въ то время, какъ охотникъ улучаетъ минуту выстрѣлить въ него изъ—за дерева.

Нарымскій край богатъ птицею, преимущественно боровою. Здѣсь водятся: глухари, косачи, пеструхи, рябчики и куропатки. Лѣтомъ они преимущественно удаляются на сѣверъ, въ тайги, и тамъ плодятся; только съ половины Сентября вся эта птица прилетаетъ къ населеннымъ мѣстностямъ Нарыма иногда въ такомъ множествѣ, что ее можно промышлять на годичное продовольствіе большаго семейства. Впрочемъ, рябчиковъ, болѣе постоянныхъ обитателей нарымскихъ лѣсовъ, мало промышляютъ, равно какъ и куропатокъ, а главный промыселъ въ зимнее время—весь бываетъ обращенъ на глухарей, пеструхъ и косачей. Изъ перелетныхъ птицъ, живущихъ въ Нарымскомъ краѣ, можно указать: на лебедей, гусей, утокъ всѣхъ родовъ, дупелей, называемыхъ туземцами куликами, бекасовъ, по туземному зуйковъ, беркутовъ—бѣлохвостиковъ, величаемыхъ орлами, коршуновъ цыплятниковъ, ястребовъ, филиновъ, воронъ, ласточекъ, стрижей и синицъ. Кромѣ того, особенно много водится около неводныхъ заведеній мартышекъ и чаекъ.

Изъ домашнихъ птицъ въ городѣ Нарымѣ очень немногіе хозяева держатъ гусей, утокъ, индѣекъ и простыхъ куръ, а деревенскіе жители однихъ куръ. Но надо сказать, что домашніе гуси ведутся въ Нарымѣ очень плохо, а индѣекъ ни кто досихъ поръ не воспитываетъ.

Обращаемся теперь къ насѣкомымъ Нарымскаго края.

Сколько нѣкоторыя лица не хлопотали о разведеніи пчелъ въ Нарымскомъ краѣ, но всѣ эти попытки остаются пока безъ успѣха. Пчела не можетъ выдержать здѣшняго холоднаго Мая. Въ теченіи этого мѣсяца здѣсь нѣтъ еще ни какой зелени; слѣдовательно, пчела болѣе мѣсяца не можетъ имѣть ни пищи, ни работы. Другимъ неудобствомъ къ пчеловодству надобно почитать то, что въ Нарымскомъ краѣ луга бываютъ затоплены водою почти въ продолженіи всего лѣта и непокрытыми водой остаются только боры. Съ тальника пчела хотя и можетъ собирать небольшое количество меду, но большое пространство воды, чрезъ которое она должна перелетать при этомъ, ей не подъ силу и она часто тонетъ. Такія препятствія естественно не даютъ ни какой возможности заниматься пчеловодствомъ въ Нарымскомъ краѣ.

Въ ряду насѣкомыхъ Нарымскаго края особенно замѣчательны муравьи: ихъ множество и мѣстные жители—судопромышленники употребляютъ ихъ гнѣзда или муравейники—противу течи судовъ и барокъ. Если изъ дна судна или барки выпадетъ конопать и окажется течь, то обыкновенно набираютъ муравейникъ въ холщевый куль и привязываютъ къ обоимъ концамъ его длинныя веревки; потомъ подводятъ куль подъ дно судна противъ самой течи и начинаютъ веревками передергивать его въ водѣ подъ судномъ такъ, чтобы муравейникъ высыпался въ воду. Теченіе воды въ диру судна будетъ втягивать соръ муравейника въ щель и онъ такъ плотно набьется въ отверзтіе, что сдѣлается самою прочною *конопатью*.

Стало быть, муравьи еще очень полезны; но этаго уже ни какъ нельзя сказать о насѣкомыхъ другаго рода, которыя въ лѣтнее время, начиная съ Мая мѣсяца до половины Августа, появляются также, какъ и муравьи, въ страшномъ множествѣ: мы говоримъ о комарахъ. Отъ нихъ просто нѣтъ здѣсь ни какого спасенія, кромѣ холщеваго полога и курева. Что касается до мошки, то ее въ Нарымскомъ краѣ очень мало; а

оводы или пауты, какъ ихъ называютъ туземцы, безпокоятъ только одинъ скотъ на пастбищахъ.

Рѣки Нарымскаго края до чрезвычайности богаты рыбою разныхъ породъ. Эти породы суть: осетръ, стерлядь, нельма, муксунъ, язь, сырокъ, налимъ. Мѣстные жители называютъ ихъ *подъемными* (въ отличіе отъ туземныхъ, осѣдлыхъ породъ рыбъ), потому что они идутъ изъ Обской губы огромными массами въ рѣку Обь; почему жители Обдорска и Березова этотъ ходъ рыбы и называютъ *подъемомъ*. Подъемовъ бываетъ нѣсколько въ году, но главныхъ, по замѣчательной числительности рыбы, считается два: первый—*ванзевой*, начинающійся съ начала Мая или въ послѣднихъ числахъ Апрѣля и продолжающійся до конца Мая или до начала Іюня, а второй, по самоѣдски *морохъ*, по русски *стрѣлка*, начинающійся съ первыхъ чиселъ Іюля и продолжающійся до конца этого мѣсяца. Меньшіе подъемы бываютъ въ Сентябрѣ, Ноябрѣ и другіе зимніе мѣсяцы. Рыба, во время подъемовъ, идетъ строями, каждая порода отдѣльно одна отъ другой, съ небольшими промежутками. Первые два подъема доходятъ до верховьевъ Оби и частію заходятъ въ нѣкоторые притоки ея—Иртышъ и Томь, а рыба осеннихъ и зимнихъ подъемовъ, выйдя изъ Обской губы, вскорѣ уходитъ обратно въ Обскую губу. Количество подъемной рыбы невыразимо велико. Рыба ванзеваго подъема гораздо крупнѣе, а рыба подъема морохъ гораздо мельче; муксунъ въ послѣднемъ подъемѣ есть даже и недорослый, который называютъ *полумуксунникомъ* и который не доходитъ далѣе Березова и снова обращается въ Обскую губу. Во время подъема всѣ роды рыбъ, только что осѣмененные, не имѣютъ въ себѣ ни икры, ни молокъ, кромѣ щекура. *) Щекуръ выходитъ изъ моря всегда икряный, но по Оби не доходитъ далѣе Березова и обращается назадъ въ море. Во всѣхъ же прочихъ рыбахъ икра развивается въ путешествіи. Подъемная рыба доходитъ до Нарымскаго края не въ одно время, не смотря на то, что изъ моря подымается одновременно и идетъ въ такомъ порядкѣ: сначала осетръ и стерлядь, потомъ муксунъ, далѣе нельма, сырокъ, язь и на-

*) О щекурѣ туземцы разнаго мнѣнія: одни считаютъ его за большаго муксуна, другіе за особый родъ рыбы. Наружный видъ щекура во всемъ сходенъ съ муксуномъ, съ тою только разницею, что объемъ не много больше муксуна, голова меньше, спина плоская и очень жирная.

конецъ налимъ. Въ дальнѣйшемъ путешествіи язь, нельма, сырокъ и стерлядь обгоняютъ всѣхъ и доходятъ до Нарымскаго края, первые въ половинѣ Іюля; за ними слѣдуетъ стерлядь, а послѣ нея, въ концѣ Августа и до Октября, идетъ осетръ и муксунъ. Послѣ же всѣхъ появляется налимъ. На этомъ основаніи, можно вычислить скорость хода каждой рыбы, зная разстояніе Нарыма отъ Обдорска. Такъ, нельма, сырокъ и стрлядь идутъ до 30—35 верстъ въ сутки, муксунъ до 30 верстъ, язь до 25, а налимъ до 15 верстъ. Многолѣтній опытъ при промыслѣ на неводахъ доказалъ это обстоятельство положительно. Когда подъемная рыба еще не подойдетъ къ Нарымскому краю, то промыселъ производится одной туземной рыбы и въ небольшомъ количествѣ, а при подъемѣ масса рыбы увеличивается вдругъ и каждая тонь бываетъ очень обильна. Въ это время промышленники обыкновенно увѣдомляютъ рыболововъ верхнихъ песковъ о томъ, что рыба подошла и чтобы невода были у нихъ исправны. При этомъ расчитываютъ всегда на вышеуказанную нами скорость плаванія рыбы и расчетъ оказывается совершенно вѣрнымъ. Опытъ доказалъ также и то, какою струею воды идетъ каждая рыба въ водахъ Оби, т. е. самымъ ли фарватеромъ или ближе къ берегу—тихой водой, по поверхности ли воды, въ полуводѣ или по самому дну; равно узнано и то, какимъ строемъ идетъ рыба: широкимъ или узкимъ, или небольшими партіями. Промыслы неводами и самоловами даютъ полную возможность судить объ этомъ, какъ увидимъ, изъ слѣдующихъ обстоятельствъ. Для промысла нельмы и сырка устраиваютъ обыкновенно невода легкіе, т. е. такіе, чтобы нижняя тетива ихъ не касалась земли, а верхняя шла по самому верху воды и нисколько не тонула въ водѣ,—въ противномъ случаѣ рыба выйдетъ изъ невода чрезъ верхъ его. Ходъ нельмы и сырка неправиленъ: они не наблюдаютъ фарватера. Для осетра, стерляди и муксуна дѣлаютъ на оборотъ невода тяжелые, чтобы нижняя тетива шла по самой землѣ, а верхняя хотябы и тонула—ничего: эти рыбы идутъ по самому дну и фарватеру; язь же не любитъ фарватера и идетъ тихою водою и вполводы; налимъ идетъ тихо и неправильно, но по самому дну, не наблюдая фарватера. Строи рыбы вовремя хода различны. Нельма идетъ безъ строя, небольшими партіями. Объ этомъ судятъ потому, что она добывается въ неводахъ не болѣе трехъ, четырехъ въ каждой тонѣ. Сырокъ идетъ строемъ и добывается отъ 50 до 100 въ тонѣ. Осетръ идетъ безъ строя и добывается отъ 2 до 5—6 въ тонѣ. Муксунъ же и стерлядь идутъ строями и добываются отъ 50 до 100—150 въ тонѣ, а язь даже до 500 и болѣе. Нѣкоторыя рыбы идутъ болѣе днемъ,

а ночью дѣлаютъ стоянки; другія на противъ идутъ ночью, а днемъ останавливаются. Такъ, нельма, стерлядь и сырокъ добываются преимущественно днемъ, муксунъ же ночью, особенно послѣ полночи, на зарѣ; слѣдовательно, онъ днемъ отдыхаетъ, а ночью предъ утромъ идетъ. Осетръ также идетъ болѣе ночью, равно какъ и язь,—особенно послѣ вечерней зари до полночи. Налимъ идетъ всегда ночью, а днемъ, вѣроятно, останавливается для корма и отдыха. О налимѣ нужно замѣтить, что въ неводахъ его не добываютъ, потому что въ это время онъ еще не доходитъ до Нарымскаго края: промыселъ его начинается уже съ Ноября до 25 Декабря, но не неводами, а самоловами. Вся подъемная рыба идетъ до Иртыша, не сворачивая ни въ одинъ обскій притокъ, и только здѣсь начинаетъ расходиться: нѣкоторыя партіи идутъ въ Иртышъ и иногда доходятъ до его верховья, а другія идутъ прямо по Оби. Именно: осетръ, стерлядь и нельма идутъ до самаго истока Иртыша и становятся постоянными жителями его; муксунъ же въ Иртышѣ доходитъ только до села Рѣполова, не болѣе 100 верстъ отъ устья его и, бросивъ икру, спускается въ Обь. Сырокъ вовсе нейдетъ въ Иртышъ, а неуклонно слѣдуетъ въ верховья Оби до самаго Томскаго устья, но далѣе села Богородскаго не уходитъ. Нельма въ Обь идетъ также не далѣе этого мѣста и обращается внизъ. Язь заходитъ во всѣ притоки Оби съ бѣлою водою, но главный путь его Обь—до села Богородскаго. Всѣхъ неразборчивѣе для постояннаго мѣстопребыванія налимъ; онъ идетъ по всѣмъ иловатымъ обскимъ притокамъ, не разбирая качества воды; заходитъ и въ Иртышъ, и въ Вахъ, и въ Томь, и въ Васъ-юганъ, и въ Кеть, а по Оби идетъ до самаго Барнаула. Въ Томь приходитъ налимъ въ Октябрѣ, остается тамъ безвыходно и дѣлается постояннымъ жителемъ.

Къ осѣдлымъ туземнымъ рыбамъ собственно нарымскихъ водъ принадлежатъ: щука, плотва, окунь, ершъ, елецъ, карась, пинъ, чебакъ и пискарь или *искозобъ*, какъ называютъ его нарымскіе рыбопромышленники. Кромѣ ихъ, попадаютъ еще въ Нарымскомъ краѣ рыбы, зашедшія въ Обь изъ ея притоковъ, именно: таймень и подъязокъ. Всѣхъ этихъ рыбъ можно раздѣлить, по мѣсту нахожденія, на обскихъ, приточныхъ и озерныхъ. Къ первымъ относятся: щука, елецъ и пискарь.

По мѣсторожденію и постоянному мѣстопребыванію щуки, впрочемъ, нельзя еще сказать, чтобы она исключительно принадлежала Оби: скорѣе ее можно назвать жительницею цѣлаго

Обскаго бассейна. Она встрѣчается въ Оби, начиная отъ самаго моря до ея вершинъ или истоковъ и обитаетъ по всѣмъ притокамъ, равно какъ живетъ по озерамъ соровымъ и боровымъ. Постоянное пребываніе ея въ притокахъ Оби, Тыма, Васъ—югана и проч., обозначается тѣмъ, что въ этихъ рѣкахъ она имѣетъ особый темный цвѣтъ чешуи и особый вкусъ мяса. Обская щука обыкновенно бываетъ съ бѣлою чешуею и бѣлымъ мясомъ, которое довольно вкусно и нѣжно весною, предъ метаніемъ икры, и не много уступаетъ вкусу нельмы. Икру щука выпускаетъ весною, а въ зимніе мѣсяцы икра ея вступаетъ только въ періодъ зрѣлости и бываетъ лучшаго вкуса. Обская щука встрѣчается отъ 1 до 30 ф., въ боровыхъ же озерахъ, по показанію туземцевъ, она встрѣчается громаднаго размѣра—отъ 2 до 3 аршинъ. Говорятъ, что, при такой массивности, щуки глотаютъ плавающихъ утокъ и гусей и эта хищность дала поводъ нарымскимъ обитателямъ придумать о большихъ щукахъ боровыхъ озеръ многія сказанія и считать ихъ за нечистыхъ духовъ, а озера называть нечистыми—погаными, изъ которыхъ даже и воду пить грѣшно. Къ числу такихъ озеръ причисляются озера Окуневое, Крутоберегово и Дикое, находящіяся близь Нарыма.

Въ нѣкоторыхъ боровыхъ озерахъ, разсказываютъ туземцы, встрѣчаются язи и даже сырки. Поэтому, можно думать, что въ Нарымскомъ краѣ когда—то было необыкновенное наводненіе, во время котораго залились озерныя котловины и образовали постоянныя озера, а стремительная убыль воды была причиною того, что въ нихъ могли остаться морскія подъемныя рыбы.

Елецъ принадлежитъ къ семейству сельдей. Ростъ его съ Туруханскую сельдь; онъ съ бѣлою чешуею и довольно вкусенъ. О метаніи икры ельца мы не можемъ ничего сказать. Елецъ водится преимущественно въ Оби на тихихъ и мелкихъ мѣстахъ и любитъ песчаный грунтъ въ руслѣ рѣки. Инородцы весною промышляютъ его маленькими неводами и приготовляютъ изъ него лучшую порсу. *) Весною елецъ бываетъ очень жиренъ и изъ пузырьковъ его приготовляютъ отличный жиръ.

Пискарь водится въ Оби, но въ очень небольшомъ количествѣ. Кажется, онъ обитаетъ и по притокамъ Оби, но объ

---

*) Порса—изжаренная толченая мелкая рыба. Томскіе инородцы называютъ порсу *урахомъ*.

этомъ мы не имѣемъ положительныхъ свѣдѣній. Подъязковъ въ Оби добывается множество. Они не составляютъ особой породы рыбъ и въ сущности ни что иное, какъ недорослый язь нарымскаго приплода. Встрѣчаютъ ихъ во всѣхъ притокахъ Оби Нарымскаго края, кромѣ верховьевъ Оби и Томи. По Оби язь встрѣчается только до села Богородскаго.

Таймень не принадлежитъ къ Нарымской фаунѣ: онъ заплываетъ изъ верховьевъ Оби и въ Нарымскомъ краѣ встрѣчается весьма рѣдко. Таймень принадлежитъ къ семейству лососей. Величина его въ Нарымскомъ краѣ бываетъ отъ 5 до 35 фунтовъ; вкусъ его мяса средній между кельмой и щукой; икра красная.

Плотва, чебакъ, окунь и ершъ скорѣе должны назваться рыбами приточными, чѣмъ обскими, хотя ихъ много обитаетъ въ Оби и во всѣхъ озерахъ Нарымскаго края. Чебакъ и плотва имѣетъ между собою очень мало различія: таже чешуя, почти тотъ же ростъ у обоихъ; плотва, впрочемъ, нѣсколько менѣе чебака и мясо ея вкуснѣе. Преимущественное пребываніе этихъ рыбъ—соровыя озера. Осенью, когда озера покроются льдомъ, ихъ добываютъ во множествѣ неводами.

Окунь добывается большею частію въ соровыхъ озерахъ. Есть озера, въ которыхъ добывается почти одинъ окунь. Ерши живутъ въ Тымѣ, Кети и, вѣроятно, въ другихъ притокахъ Оби; но такъ какъ намъ не случалось слышать, то мы и не беремся ни отрицать, ни утверждать присутствія ихъ въ Васъюганѣ или другихъ рѣчкахъ. Но что ершъ не живетъ въ озерахъ, это положительно извѣстно. Окуни въ Нарымскомъ краѣ встрѣчаются отъ 1/4 до 1 1/2 ф. величиною, ерши отъ 2 до 4 дюймовъ.

Карась и линь—чисто озерныя рыбы. Въ Оби они встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Характеръ этихъ рыбъ замѣчателенъ тѣмъ, что онѣ не выходятъ изъ своихъ жилищъ, т. е. изъ того озера, въ которомъ родились, въ другія озера, а живутъ въ нихъ постоянно, не смотря на то, что озера эти затопляются каждогодно весенею водою. Доказательствомъ этому служитъ то, что есть озера, въ которыхъ караси ни когда не переводятся. Заплывшіе же караси въ Оби перемѣняютъ цвѣтъ чешуи и изъ золотисто—желтыхъ дѣлаются блѣдно—желтыми. Карась и линь любятъ жидкую тину, мохъ и берега озера, поросшіе

травою. Карась, зарывшись въ тину, не выходитъ изъ нея и лишь предъ ушербомъ или рожденіемъ луны гуляетъ нѣсколько дней по своему иловатому жилищу. Время метанія икры карася и линя неизслѣдовано съ точностію, но принявъ во вниманіе то обстоятельство, что они во всякое время года встрѣчаются икряные, можно думать, что они оплодотворяются или не однажды въ годъ, или безъ опредѣленнаго времени, какъ красная рыба: осетръ и стерлядь. Величиною караси встрѣчаются отъ 1/4 до 5 ф., лини отъ 1/4 до 3 ф. Линей въ Нарымскомъ краѣ не такъ много, какъ карасей: они встрѣчаются преимущественно въ соровыхъ озерахъ Нарабельской волости. Мясо линя гораздо вкуснѣе карася. Онъ жиренъ особенно осенью, но, какъ карась, отзывается тиною.

Добыча всей исчисленной выше рыбы въ Нарымскомъ краѣ производится неводами, самоловами, рѣжевками, сѣтями, чердаками и переметами. По приблизительнымъ, далеко уменьшеннымъ, вычисленіямъ, она простирается въ годъ до слѣдующихъ цифръ:

Осетра	до 500 и болѣе пудъ.
Стерляди	до 4-т. пуд.
Нельмы	до 500 пуд.
Муксуна	до 1000 штукъ.
Сырковъ	до 4500 штукъ.
Язей	до 25-т. штукъ.
Налима	до 15-т. пуд.
Щуки	до 4-т. пуд.
Карасей	до 2-т. пуд.
Окуней	до 600 пуд.
Подъязковъ	до 2-т. штукъ.

Цѣны на рыбу на мѣстѣ добычи ея простираются приблизительно до слѣдующихъ размѣровъ:

Осетра—пудъ отъ	1 руб. 50 коп. до 3 руб. 30 коп.
Стерляди	70 коп. до 1 руб. 20 коп.
Нельмы	1 руб. 50 коп. до 2 руб. 25 коп.
Муксуна штука	15 коп. до 20 коп.
Окуня и карася пудъ	40 коп. до 80 коп.
Язя и сырка за штуку	2 коп. до 3 коп.